

Т. Ю. Смирнова

Мир, В КОТОРОМ НЕ СТЫДНО БЫТЬ ХОРОШИМ

Содержание:

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	
История созидания	
Откуда есть пошла школа «Образ»	8
Немного фактов	15
Смысл и цель	23
Уклад	29
Закон подражания	31
Общая молитва	34
Общая трапеза	39
Традиции благочестия	41
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	
История поездок и паломничеств	
как история нашего духовного	
взросления	
За лозой	48
Троице-Сергиева Лавра	52
Пигулино	54
В Архангельск	59
Дивеево	63
Из Киева на Сольбу	66
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	
Краеугольные камни	
О заблуждениях	72
О стиле	75
О добросовестности	81
О золотой середине	82
О порядке и послушании	87
О труде и ремеслах	91

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Праздники	
Православный праздник в школе	97
Начнем с календаря	98
Православие и искусство	100
Театр без лицедеев?	103
Театр без злодеев?	104
Театр без Станиславского, а может, и без театра	105
Кто здесь актер и кто зритель?	107
Задолго до начала	109
У каждого праздника свое лицо	109
11 Рождественских сказок	113
Гости уже пришли	115
После действа	116
часть пятая	
И много других живых затей	
Музей	120
Гостиные	122
Газета	124
Бродилки	126
Заключение.	
«Нам не дано предугадать,	
как наше слово отзовется»	131

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ *История созидания*

ОТКУДА ЕСТЬ ПОШЛА ШКОЛА «ОБРАЗ»

последние годы, встречаясь изредка с коллегами — директорами православных школ, — мы задаем друг другу один вопрос: «Ну как, подготовил себе смену?» И я не помню утвердительных ответов. Потому как мало в XXI веке безрассудных людей, желающих взвалить на свои плечи наше трудное и невыгодное дело. И утешает только вера — если надо, «Бог может из камней... воздвигнуть детей Аврааму»¹.

* * *

В 1991 году была создана первая черновая версия нового Закона об образовании, уже не СССР — России. До этого было 70 лет жесткой образования регламентации централизации на И основе коммунистической идеологии. Все живое и творческое в прорастало не благодаря, а вопреки. И надо сказать, прорастало мощно и настойчиво. 80-е были годами педагогов-новаторов, когда впервые учитель, к тому же работающий живо и нестандартно, получил трибуну на страницах газет и центральном ТВ. Был подготовлен ряд телепередач в жанре встреч и бесед со зрителями таких педагогов, как Михаил Петрович Шалва Александрович Амонашвили, Шетинин. Софья Николаевна Лысенкова, Евгений Николаевич Ильин и другие. При институте психологии РАН была создана педагогическая лаборатория развивающего обучения, в Московской 91-ой школе начался мощный педагогический эксперимент. Всех этих людей, при различии систем и методов, объединяло одно стремление выстроить отношения с детьми на живой, неформальной

¹ Евангелие от Матфея, гл.3

основе, превратить ребенка из объекта воздействия в друга, сотрудника, единомышленника. Педагог в этом случае ищет такие методы обучения, при которых нет необходимости «натаскивать» на результат, стараясь втиснуть в детские головы как можно больше знаний. Он учит знания добывать и ими пользоваться.

В 70-х годах в обществе увеличивалось стремление к духовной жизни. Думающие люди отходили от материалистической философии, вера в бессмертие души приводила к богоискательству, и в результате многие приходили в православную церковь. Воцерковляясь, семьи начали искать возможность религиозного воспитания детей, образования их вне материалистической советской идеологии. Так уже в 80-х группа прихожан храма св. Николая в Кузнецах объединилась и стала обучать детей вне школы, на дому. Но до поры до времени это было делом не только трудным, но и незаконным, опасным.

Одним из абсолютно революционных свершений перестройки и стало создание нового закона об образовании. Он провозгласил возможность родителей самостоятельно выбирать формы и методы обучения детей, в образование, том числе узаконил семейное открыл негосударственному образованию и даже декларировал выделение средств на обучение не школе, но родителям обучающегося (деньги идут за ребенком). То, как новый закон долго, криво-косо и мучительно пробивался сквозь толщу сложившейся государственной системы, то, как его на протяжении 20 лет кромсали и меняли в сторону уменьшения прав родителей, семей, частных школ в пользу государства, — это отдельная история.

Но, когда Закон еще был представлен только как проект, на его основе начали создавать первые частные школы. И большинство тех, кто брался за это дело, не преследовали коммерческих интересов, нет. Это были педагоги, имеющие собственное представление об образовании и желание создать новую школу в противовес советскому идеологическому официозу и показухе. Среди этих людей не меньше половины понимали, что новое здание на песке не построишь. Они и начали создавать образовательную систему, основанную на религиозных принципах.

Итак, первые религиозные, в основном православные, школы возникли в 90-м, потом побольше — в 91-м, а основной корпус школ — с принятием Закона в 92-м году.

Год 92-й был полон сумятицы, связанной с приватизацией, разорением предприятий, закрытием ведомственных полупустых садов. По закону садики приватизировать и перепрофилировать было нельзя,

содержать их было нерентабельно, а сохранить в собственности хотелось. Некоторые (в нашем случае завод МЭЗ) «скидывали» здания тем «сумасшедшим», которые в это мутное время, не имея средств, брались за заведомо разорительный проект. Завод таким манером пытался избавиться от пустующего нерентабельного детского сада, но сохранить за собой здание.

А далее для всех, кроме, может, изначально коммерческих проектов, начались 20 лет борьбы и выживания. Потому что ни государство не собиралось без боя сдавать позиции, ни владельцы «заводов, газет, пароходов». Не ожидали, что эти непрактичные люди, вместо того чтобы загнуться через год-другой, начнут расширяться и развиваться.

Православная гимназия во имя преподобного Сергия Радонежского. Новосибирск

Православная гимназия во имя преподобного Сергия Радонежского была учреждена приходом Всех Святых в земле Российской просиявших Академгородка Новосибирска летом 1992 года. В 1992 году Русская Православная Церковь праздновала 600-летие со дня преставления преподобного Сергия Радонежского, и в том же году был принят закон Российской Федерации "Об образовании", благодаря которому стало возможно создание общеобразовательных школ под церковным попечительством.

По материалам сайта rondtb.msk.ru

Те, кто создавал первые православные школы, были первопроходцами, но отношение к ним, даже в православной среде, колебалось от аномально- восторженного до полного отторжения и недоброжелательности. Чрезмерные похвалы тоже внушали опасение: возлагали на нас непомерные надежды и кипели восторгом люди, верящие в рай на земле и чудесное преображение людей сразу после того, как они переступали порог православной церкви (здесь читай — школы). А когда мы этих фантастических надежд не оправдывали, вчерашние почитатели превращались в безжалостных критиков и противников.

Светские власти не принимали нас по другим причинам. Хотя надо отдать должное: таинственным образом во враждебной, на первый взгляд, среде неожиданно появлялись тайные и явные помощники и покровители.

Расскажу несколько эпизодов.

После того, как завод МЭЗ любезно предложил нам садик под частную школу на условиях годовой безвозмездной аренды, ему удалось сохранить здание в своем уставном фонде. Но на этом этап доброжелательных отношений закончился. Нам показали на дверь. Мы не согласились. Началась борьба за выживание. В поисках помощи я пришла в кабинет председателя комитета по имуществу Люберецкого района Черникова Сергея Кузьмича, с которым была уже немного знакома. Я рассказала о

Православная Свято-Петровская школа. Москва

(Учреждена в 1992 г. Братством во имя Всемилостивого Спаса как негосударственное образовательное учреждение «Традиционная гимназия»)

«...История гимназии началась задолго до ее основания, уже в 1982 году, когда несколько православных семей попытались собрать своих детей в стенах одной из московских школ N_{0} 91. Именно из этой школы во вновь учреждаемую Гимназию перешли первые ученики и некоторые преподаватели. Безусловно, первой и наиболее главной целью в обучении детей в Гимназии было поставлено православное церковное воспитание и образование. Именно на это были направлены основные усилия отца Владимира I, Николая Евгеньевича, Владимира Павловича. Непосредственное же возникновение нашей школы относится уже к 1992 г., когда начались первые занятия в Троицком доме, близ храма Живоначальной Троицы в Вишняковском перецлке (ныне здание "Православного слова"). В гимназии училось около 50 учеников и трудилось около 30 преподавателей и сотрудников. Это время, очевидно, можно назвать героической страницей истории становления школы, потому что тогда, десять лет назад, в школе практически ничего не было, и исловия ее жизни были очень сложными».

Из речи директора гимназии отца Андрея Пастернака

наших бедах. Сергей Кузьмич мгновенно ухватил суть и даже перебил нетерпеливо: «Ну что Вы объясняете, нехорошо с Вами поступают, незаконно, будем разбираться!» Это был праздник преподобного Сергия.

Обрадованная пониманием, ничего не зная об отношении собеседника к православной вере, я решилась все же поздравить его с днем Ангела. В ответ Сергей Кузьмич улыбнулся, поблагодарил и подозвал меня к окошку. Отодвинул шторку — за ней стояла иконочка преподобного. Надо сказать, что с тех пор на много лет (уже будучи заместителем главы администрации Люберец, на других постах и должностях) Сергей Кузьмич оставался и остается нашим близким другом и неленостным помощником.

А в тот период здание, при содействии Сергея Кузьмича, передали в собственность поселка Малаховка, чтобы потом заключить договор долгосрочной безвозмездной аренды со школой «Образ». Но передача здания затягивалась. И тут в Люберцах произошла очередная смена власти, Начался один из самых тяжелых периодов в жизни школы. Рассказывать о

Православная гимназия «Радонеж»

«Это сейчас с определенной долей легкости можно говорить — 20 лет... А вы вспомните 1990 год, когда на деле советская эпоха еще не отступила. Да и не намеревалась отступать. И тем не менее нашлись люди, которых мы сегодня хорошо знаем, и они сделали в то непростое и многим непонятное время нечто в высшей степени смелое, определенное и конкретное. Учредили православное братство «Радонеж», а затем гимназию, радио и газету, с тем же названием. Причем гимназию образовали за два года до появления первых нормативных документов для подобного типа школ».

Светлана Колосовская

тянувшихся около трех лет мытарствах пока, думаю, не время. Но именно тогда Господь давал нам много тайных помощников, которые если не решались заступиться за школу явно, выражали своё сочувствие и понимание пожатием руки, улыбкой на бегу в коридоре, а иногда и очень важным звонком по телефону. Если Господь с нами, то кто против нас? Так и выходило.

Но если бы не было этого трудного периода, пожалуй, не смог бы так сплотиться коллектив. Можно сказать, что наши явные и тайные недруги тоже учили нас всех молиться, что именно тогда мы из сообщества стали общиной. Сложился в те годы и родительские коллектив, и многие из наших мам и пап после совместных трудов по спасению школы сами стали членами школьной семьи.

В какой-то момент у нас закончился договор аренды, из-за чего министерство не могло продлить лицензию, истекал срок аккредитации. И тогда вышестоящие инстанции вынуждены были собрать родителей, чтобы предложить распределить детей в другие школы.

Родители слушали вежливо и внимательно. А потом стали один за другим приводить очень серьезные грамотные аргументы в защиту школы. Запомнилось, как встала одна красивая энергичная мама и сказала почти

«...Конечно, 20 лет назад произошло почти невероятное — мы получили возможность воспитывать наших детей в традициях православной веры. Мы учредили первую в России православную гимназию. Нашему примеру последовали другие, но далеко не все дожили до 2010 года. Если проследить прошедшие 20 лет, политика государства по отношению к негосударственному сектору образования, в том числе к православным школам, — дискриминационна. Доказательством тому служит неуклонное сокращение числа негосударственных школ. И я не скажу с уверенностью, чего больше в нашей работе — развития или борьбы за выживание...»

М.Б. Тишков, директор гимназии «Радонеж»

весело: «Вы можете лишить школу документов, денег, запереть двери — мы тогда на лужайке будем все вместе наших детей учить». И именно на этом собрании лед тронулся. Возникло, наконец, понимание, что школа «Образ» — это не прихоть двух-трех чудаков, а потребность большого, знающего чего он хочет, коллектива.

Рассказывая о поддержке родителей, приведу еще один забавный эпизод. В конце августа, кажется, за неделю до 1 сентября, начался обвал рубля, так называемый дефолт. Я еще, как и многие, не поняла, что происходит, когда мы встретились с родителями на традиционном собрании перед началом учебного года. Родители объяснили мне, что к чему. Стало ясно, что у большинства из них, людей среднего класса, организаторов и владельцев небольшого семейного бизнеса, финансовые дела на грани краха. А ведь школа существует в основном на родительские пожертвования.

И мы стали думать, что нам делать. Решили — пока надо выждать, выжить, хотя бы прокормиться самим и детям, но всеми силами сохранить

школу. И тут кто-то предложил как в школьно-студенческой юности поехать на поля соседнего совхоза, помочь с уборкой овощей и запастись на зиму. (Есть у нас большой погреб, где мы храним зимой варенье, соленья и картошку).

Сказано — сделано. И через два дня куча людей — средне- и старшеклассников, мам, пап и педагогов — работали на уборке свеклы в соседнем хозяйстве «Подмосковный».

Работали дружно, четко, к тому времени у многих ребят и учителей был опыт послушаний в монастырях, толк знали. Поэтому и на поле читали молитвы, пели «Богородицу», но успевали и пошутить, и посмеяться.

Потом все руководство хозяйства подходило посмотреть-подивиться — и выработка небывалая, и народ уж очень позитивный.

При расчете нас, правда, обдурили. Можно сказать, ничего мы толком не заработали. Но сам выезд «на свеклу» вспоминали потом долго и с удовольствием. А совхозное начальство и этой, и следующей осенью всё звонило и приглашало нас помочь в спасении урожаев.

Несмотря на то, что бизнес многих семей в тот год рухнул или серьёзно пострадал, из школы по причине дефолта не ушел никто. Искали выход, шли друг другу навстречу, крутились вместе и с Божьей помощью выжили.

Подытоживая рассказ о пережитых (а если честно, то разве они кончаются?!) за эти годы трудностях, правильно будет сказать, что мы создавались и жили вопреки житейской и экономической логике и реальным обстоятельствам и благодаря — чуду и милости Божией.

«Вас не должно быть!» — сказал мне в 1992 году молодой преуспевающий бизнесмен, чем нас по-своему приободрил («Но ведь есть же!»). Мы — были. И через 15 лет его ровесник, за это время тоже весьма преуспевший в бизнесе, сказал другие слова: «Вы понимаете, насколько вы счастливые люди? Вы создали среду, в которой не стыдно быть хорошим!»

НЕМНОГО ФАКТОВ

еобыкновенны и ни на что не похожи были эти годы — конец 90-х, последнее десятилетие второго тысячелетия от Рождества Христова. На наших глазах разваливалась надоевшая, лживая, но знакомая, как урок арифметики в 1 классе, империя. Очереди за мороженым на МЭЗе («Танька! Бежим, мороженое завезли!») сменились его полным отсутствием. За Чернобылем виделась звезда

Полынь, и при этом все безрассудно и пьяно ринулись к переменам.

У меня в 1989 году родилась дочка Лиза, второй ребенок. Трехлетний сын Ваня пошел в детский сад, и я поняла, что вернуться к своей любимой работе с юными поэтами и прозаиками в Московский Дворец пионеров будет трудно и неправильно. Появилась и начала крепнуть уверенность, что надо искать соратников и участвовать в превращении малой родины из спального района и рабочей слободки в то, чем она когда-то была — в центр культуры Подмосковья, средоточие творческих сил. Я не помню, от кого узнала о существовании Малаховского краеведческого музея, но вскоре, толкая перед собой коляску с младенцем, я отправилась (благо, катиться было недалеко) на «ту сторону МЭЗа». Там в одноэтажной пристройке тогда помещался музей.

Как же мне повезло! С какими потрясающими людьми я в тот день познакомилась! Руководил затеей Адольф Фридрихович Миллер, вместе с ним разбирали архивы, систематизировали материалы, с ходу писали историю Малаховки Дарья Анатольевна Потемкина, Алла Владимировна Антонович, Клавдия Ивановна Шефова. Я стала приходить два раза в неделю, и сидела до тех пор, пока Лиза спала в колясочке под окном.

О том, как создавался музей, надо писать отдельно. Сейчас речь о другом. Здесь, в прошлом поселка, я нашла то, что искала, — образец культурно и грамотно организованного общества, интеллигентной, красивой жизни. Здесь узнала о потрясающих образовательных учреждениях и великих педагогах, служивших именно в Малаховке, о первой в России сельской гимназии, о Телешевских «Средах» и домике Бунина. О Летнем театре, чистых дорожках и одинаковых заборчиках. Здесь впервые увидела пожелтевшие листки издававшегося в Малаховке «Вестника».

Потом были первые независимые выборы, депутатом от наших улиц выдвигался некто Владимир Бунаков. Мы познакомились, подружились.

Идея создания в поселке образовательного учреждения нового типа была нам всем одинаково близка. Говорили об организации «Сред» по типу Телешевских — эта идея тоже летала в воздухе, и позже ее реализовала Любовь Михайловна Ракова. Думалось так — создать газету, как средство пропаганды новых идей, воспитания нового сознания, и уже с помощью газеты формировать новую культурную среду, вспоминая лучшее из старого, рождать новое и живое: музей, школы, детский центр... Сейчас не все представляют или помнят, что в советское время было всего несколько центральных газет, в каждом районе одна своя «Правда», да еще кое-где газеты ведомственные.

Но вот в конце 90-х, ко всеобщему изумлению, на свет стали появляться совершенно новые газеты и журналы. В Москве издали потрясающие «Ведомости», с ятями и ерами, со стилизованным дизайном и старинными рубриками. В Малаховке Петр Иванович Андросов начал на серенькой бумаге издавать журнальчик под названием «Атлетика» — но как он был популярен, как не хватало новому движению культуристов этих перепечаток из иностранных изданий! Журнал давал прибыль! Его издателя все считали миллионером. Не знаю про миллионы, но помню, нас так и познакомили однажды на улице: «Знакомьтесь, наш первый Малаховский миллионер и меценат». В тот момент я не могла догадаться, что именно Пётр Иванович станет соучредителем и первым спонсором «Вестника», а потом поможет мне сделать шаги к созданию частной школы.

Не буду рассказывать здесь о первой в России поселковой газете «Малаховский вестник», которая, наконец, была создана, и где я год прослужила и литературным, и выпускающим редактором, и многоименным автором, пропуская через себя каждую публикацию, придумывая рубрики, собирая по поселку материал.

При редакции «Вестника», в здании старой аптеки, которое теперь снесли, мы открыли литературную студию для подростков, предварительно организовав среди школьников поселка литературно-творческий конкурс. Сюда стал приезжать из Верхнего Мячкова отец Александр Шередекин² и проводить занятия воскресной школы. Здесь же, после статьи в «Вестнике» «Еще одна дорога, не ведущая к храму», были собраны первые совещания церковной двадцатки по вопросу открытия Малаховского храма Петра и

² Протоиерей Александр Шередекин, настоятель церкви Рождества Пресвятой Богородицы в селе Мячкове, первый, кто благословил автора этих строк на создание авторской школы. Поддерживал со школой добрую дружбу вплоть до своей кончины в 2008 году.

Павла. Все эти направления, не говоря о собственных детях, занимали немало времени.

Одновременно мысль о создании авторской школы нового типа меня и моих друзей захватывала все сильнее.

В этот же год Зинаида Николаевна Новлянская познакомила нас с Владимиром Ражниковым, автором программы, созданной в рамках лаборатории Эльконина-Давыдова и называвшейся «элементарное музицирование». Идея программы состояла в том, что во главу угла любого образования должна быть поставлена музыкальная деятельность ребенка, основанная первоначально на очень простых в техническом отношении приемах и инструментах.

Андрей Жуков, педагог, депутат, человек активный, включился в этот проект. Открыли класс шестилеток и даже один 6-й класс. Были приглашены предметники. Расположились (конечно, безвозмездно) в помещении Дома пионеров в старой Малаховке (через три года его сожгут, и на этой земле выстроит себе дома люберецкое начальство).

Мы с Ражниковым активно взаимодействовали, встречались, обсуждали перспективы, думали, как дальше сообща развивать проект.

Как-то в феврале после совместного заседания редколлегии и попечительского совета ко мне подошел Петр Иванович Андросов и оглоушил сразу рядом предложений.

Оказывается, не только мы думаем о создании в Малаховке школы нового типа, но и педагоги школы №48, в которой учились дети Петра Ивановича, хотят возродить Малаховскую гимназию. Для чего подыскивается отдельное здание, а Петр приглашен в качестве попечителя. И Петр Иванович предложил мне возглавить этот проект.

Вторым было предложение моему мужу, Алексею Юрьевичу. А.Ю. – тогда был геологом, 10 лет проработал в экспедициях (о чем любит теперь порассказать вечерами у Хоробровского костра) и только год как с красным дипломом окончил Московский геологоразведочный институт вместе с закадычным другом Володей Янчевским. К этому времени в геологии деньги платить перестали, месторождения консервировали, чтобы постепенно почти все продать за границу (проверьте, например, в чьей собственности находится единственное в мире месторождение чароита!), геологические партии закрывали одну за другой. Отличник Володя Янчевский к этому моменту воцерковился, сменил геологию на грузовик и развозил по стране православную литературу, которой остро не хватало. Алеша работал в своей любимой геохимической экспедиции, а чтобы нам не помереть с голоду, точил поделочные камни в ванной на камнерезном

станке и продавал их на птичьем рынке. И вот в этот момент Андросов предлагает Алексею уйти из геологии, и заняться — изготовлением плетеной мебели! Петр знал, что Алексей человек рукастый, но мебели тот дотоле никогда не делал и ивового прута в глаза не видел. (Вспоминаю и думаю — не так давно ведь было, ну и сумасшедшее же время, а?!)

И мы согласились попробовать.

А тут еще Леша привел в наш дом нового человека. Этим человеком был Олег Гриценко, как и Алексей — геолог по профессии, а еще и преподаватель геошколы МГУ. Именно он стал третьим юным учредителем (ему не было, кажется, в тот момент и 25-ти лет) новой частной школы. Вначале планировалось что-то вроде филиала геошколы.

Мы с Олегом сразу сошлись на почве одинакового понимания образования, методических подходов. Встречаясь за чаем чуть ли не ежедневно (Олег, фактически, переехал к нам в квартиру), обсуждали идеи будущей школы. Мы познакомили Петра Ивановича с Олегом. А тут еще новость: в 48-й школе собранием коллектива был избран новый директор — Петр Андросов. (Мы были в очередной раз ошеломлены — зачем миллионеру такая морока? Но оказалось, Петр Иванович, человек, по тогдашним нашим меркам, пожилой — лет 35! — смотрел вперед, видел, что его бизнес сходит на нет, и рад был стабильной и интересной работе.)

Надо понять, что в советские годы мы имели очень смутное о развитии образования и педагогических представление рождавшихся в XX веке в Европе. Нас тогда, помню, очень заинтересовала Вальфдорфская педагогика. В ней было близкое нам понимание роли художественного развития в образовании, развития образного мышления, внимания к опытному познанию мира, ключевого положения промыслов и ремесел в образовательном процессе, идеи трудового воспитания. Мы побывали на курсах в Москве. Весной в Малаховку, по нашему приглашению, приехали гости из Дании и провели большой семинар для всех желающих. На курсах обучились все, кто хотел заниматься новой школой. Увлекся ими и Ражников. Вальфдорфская концепция во многом помогла нам сформировать концепцию и нашей будущей школы. Но сама я, посидев в Ленинской библиотеке, почитав идеолога этого направления, философа Штайнера, познакомившись с Московскими «вальфдорфцами», четко поняла для себя, что православие и Вальфдорфская педагогика несовместимы, а потому мы будем делать другую школу, взяв у коллег все конструктивное и полезное и переработав его на свой лад.

В 48-й школе не было учителя географии. И Петр Иванович пригласил на эту вакансию Олега — для непосредственного внедрения и знакомства с

ситуацией. Итак, Алексей пытался узнать, как выглядит ивовый прут, Олег (по геошкольному — Гриц) преподавал географию и возил детей в экспедиции, я редактировала «Вестник».

Но тут произошло еще одно событие. С одобрения Малаховской администрации, в полном сознании своей «революционной» правоты, у Московского комитета по образованию, не без нашего участия, было захвачено и отсужено пустовавшее здание «Школы олимпийского резерва» на улице Пионерской — для расширения Малаховской школы №48, а фактически — для создания частной школы.

Мы начали всем миром восстанавливать здание, здесь же на территории Алексей варил первый добытый им ивовый прут и делал первый плетеный гарнитур! Новую будущую школу решили назвать «Сказка».

Начались педсоветы, обсуждения концепции. Опытный, сработавшийся коллектив 48-й школы знал, чего хотел. Их педагогическая концепция была четкой, логичной и современной: информатика с первого класса, два-три иностранных языка, выезды за границу, обучение детей правилам хорошего тона... И все это в целом было довольно далеко, если не противоположно нашему представлению о школе нового типа. К тому же этому коллективу не мог нравиться наш юношеский максимализм и либерализм во взаимоотношениях с детьми, да и просто наша, скажем прямо, неопытность и желторотость.

Назревало мощное расхождение, и мы плохо представляли, что делать. Первый гарнитур был продан на «ура», он не был комом, он был великолепен! На нем сфотографировались все, кто мог. Петру заплатили небольшие посильные проценты. В нашей семье на какое-то время появились фрукты и сыр! В подготовке «Сказки» к новому учебному году участвовали геошкольники, 8-й класс из 48-й школы, в котором Гриц был еще и классным руководителем, кое-какие родители и мы сами. Почти полным составом 8-й класс решил переходить в «Сказку» и – о чудо безрассудства! о безумство храбрых! – родители этих отроков нам с Грицом поверили и тоже были готовы идти за нами. В июле Гриц повез геошкольников и ребят из 8-го класса в Хибины. Привязав к рюкзаку горшок, наша семья с шестилетним Ваней и трехлетней Лизой, присоединилась к ним. В поездке мы набрали множество образцов, претерпели немало трудностей и крепко подружились с ребятами. Один из этих мальчиков, Никита Мишин, через два года со своей бригадой отремонтирует в нашей школе крышу. Другой — Андрей Мыльников (теперь хирург и староста храма), познакомится в школе со своей будущей женой,

учительницей математики... и вот уже его дочка окончила нашу школу, а сын перешел в 10-й класс. Еще одна участница того исторического перехода — Аська Гумилевская (нынче Анастасия Сергеевна), работает в школе «Образ» преподавателем и режиссером.

Вернулись из Хибин, скрепя сердце — расхождение уже явно начало перерастать в антипатию — стали готовиться к новому учебному году. Снова событие — «Школу элементарного музицирования» Ражникова, где к тому времени училось человек 15 ребят, попросили покинуть помещение Дома пионеров. Ражников искал базу в Раменском, где и жил. Но ехать туда большинству семей не хотелось.

И тут — 15 августа! — дома раздался звонок. Звонила заместитель директора завода МЭЗ по социальным вопросам Нина Алексеевна Журавлева. Мы были давно и хорошо знакомы, да кто на поселке не знал Нину Алексеевну?!

- Говорят, вы хотите открыть частную школу?
- Хотим.
- У нас освобождается здание бывшего детского сада №90.
 Возьмете?

В этот же день мы собрали экстренное совещание нашего будущего коллектива. Здесь были мы с мужем, Олег Гриценко, Андрей Жуков, Андрей Журавлев, преподаватель истории из школы №47, Лена Лисовская, будущая Мыльникова, тогда преподававшая математику в школе №48, Аннета Глуховская, музыкант, сильно увлекшаяся Вальфдорфской педагогикой. Больше не помню, а может, и все.

Были ли сомнения? Честно говоря, симпатичного здания «Сказки», имевшего интересную историю, прекрасные интерьеры и выгодное, уютное местоположение, было очень жаль. Пугали просторы детского сада, государственная школа напротив, рабочий поселок вокруг... Пугали и две недели, остававшиеся до начала нового учебного года. Денег ни у кого из нас не было вообще, если не считать того, что осталось от проданного гарнитура.

К концу совещания мы единогласно решили, оставив «Сказку» Петру Ивановичу и его дружному педколлективу, открываться первого сентября в здании бывшего детского сада.

* * *

Первого сентября мы открылись. Мебель на первое время нам дал из запасов ныне покойный Виктор Николаевич Порхунов, директор интерната

для слабовидящих, у которого тогда работал Андрей Жуков. Привезли их на фуре, принадлежавшей семье Паши Минашкина, будущего ученика. Грузили и таскали мебель тоже будущие ученики. И мыли, и красили. И на кого-то вылили ведро известки...

«Когда мы только организовывались, у нас не было ни парт, ни стульев, — вспоминает Ирина Вячеславовна, бухгалтер школы. — Сидели у нас дети на лавках типографии. Иногда продуктов на кухне не хватало и приходилось идти за ними в магазин. Для этого у нас была специальная тележка. Я заходила в любой класс и говорила: «Мальчишки, пора идти за едой». Все кричали «ура!», и полдня мы ходили за продуктами».

От Ражникова пришли дети в первый, нулевой и седьмой класс. Из 48-й школы перешло 14 детей в 9-й класс. Так как 10-го не было, то Ася Косминкова и Аня Ковалева пошли в 9 класс повторно. Детей всего было человек 37. Оформлять юрлицо было некогда, и вначале открылись как «Школа элементарного музицирования» с любезного позволения Ражникова, хотя сам он ездить и работать с нами уже не решился, открыв свой класс в Раменском.

Анета Глуховская взяла нулевку, Лисовская — математику, я — и русский, и литературу. Были, как помните, историк, математик, географ, две преподавательницы английского. Пришла уехавшая из разгромленного Грозного опытная учительница химии и биологии. Нашелся и физик. Штат был укомплектован.

Часть здания до января еще принадлежала детскому саду. Детей уже не было. Коллектив детсада занимался вопросами расформирования. Мы попросили остаться у нас завхозом заведующую садом, и она здорово помогла в этот первый год содержать хозяйство и справляться с дряхлыми коммуникациями. Остались повар тетя Катя Меркурьева и ее помощница Смирнова Ирина Вячеславовна.

А еще мы решили сохранить одну группу детского сада, где продолжала работать изумительно добрая и опытная Александра Павловна Горбатова. Сад тогда состоял только из одной девочки — трехлетней Лизы Смирновой. Потом привели еще мальчика с поселка. Когда к январю группа выросла, пригласили бессменную напарницу Александры Павловны — Валентину Михайловну Хлудову, которая воспитывает наших малышей и по сей день.

Что вело нас в те годы и подвигало на явные безрассудства? Думаю, в этом видится явный промысел Божий о нас, немощных. Просто выросли дети, и пришла пора Ване идти в школу. Просто не было никакой

внутренней возможности отдать его в переработку государственной, советской тогда, системе образования. Просто самим хотелось работать интересно. Просто пришло время и все сошлось одно к одному, так что, кажется, и выбора-то у нас не было.

...Первого сентября 92-го года мы сыграли с детьми и родителями в первую «ролевку» — зарыли на территории «гранит науки», который им отныне предстояло «грызть», спрятали карту, сами педагоги нарядились в разных героев. Хорошо помню, что Аннета была золотой рыбкой и что-то

На 1 сентября было много интересного. На этом празднике были концерты, игры, песни и... курица! Я участвовал в песне, которую сочинил Алексей Юрьевич. Эту песню мы пели в лагере Хороброво. Еще мы искали клад. Первый клад мы нашли приклеенным к решетке подвала. Второй — около кабинета Татьяны Юрьевны. Было очень интересно!

Но самый хороший момент был тогда, когда мы ели курицу. Она была сочная и теплая.

Моя маленькая сестренка так сильно дергала за веревочку колокольчика, что он оторвался. Кончилось тем, что язычок колокольчика привязали и сестренку отдали папе.

Илья Паршуткин, 6 класс (2011 год)

вещала из сухого цементного бассейна перед школой. Я, наверное, была без роли. Но я читала стихи. Бунина, кажется. Начальство не утомляло речами — мы себя начальством еще не ощущали, а почетных гостей просто забыли пригласить. Были улыбки, шутки, чай, душевное тепло. У всех присутствующих было чувство, что начинается что-то большое и хорошее.

СМЫСЛ И ЦЕЛЬ

О детской молитве

то было на одной православной конференции в Белгороде. Вечером мы сидели за столиком в кафе с директором православной гимназии в Твери отцом Леонидом Водолазским, говорили о нашей трудной школьной жизни. И вдруг батюшка спросил: «А вот в чем главный смысл существования православных школ? Зачем по большому счету они нужны?» И так же неожиданно, даже для самой

себя, я ответила: «Конечно, в детской молитве!» Батюшка крепко обнял меня: «Вы первая мне так прямо и ответили, а остальные говорят все что угодно — и о высоком уровне образования, и о нравственно воспитании, только не об этом. А ведь детская молитва — это такая сила!»

В подтверждение этой истины приведу ряд эпизодов, нескольких из огромного множества.

* * *

На улице середина декабря. А снег еще не выпал. Мало того, что на улице от этого темно и неуютно. Но ведь до сих пор, несмотря на начавшиеся морозы, невозможно подготовить площадку для катка. А что такое для нашей школы каток? Это трудно объяснить, это надо видеть. Каток — это когда вся школа носится радостная и оживленная, когда на большой перемене не надо никого выгонять на холодную улицу, потому что, в рекордные сроки зашнуровав на лавке у входа коньки, народ вываливает на каток в начале большой перемены и ему стоит большого труда не опоздать на трапезу, а на трапезе стоит тишина, только небольшой треск за ушами от быстро поглощаемой пищи. Каток — это когда все заняты и нет ссор, драк и дурацкой возни в коридорах. Каток... Да что говорить, это такое детское счастье!

И вот — нет снега. Алексей Юрьевич, заведующий этим детским счастьем, в конце трапезы подходит к аналою и говорит сердито: «Такое ощущение, что никому не нужен каток! Почему вы дети, не молитесь, чтобы пошел снег? Надо молиться». С трапезы я иду к себе в кабинет. В этот день ко мне по делам приехала друг и помощник нашей школы, адвокат

Татьяна Викторовна. Она улыбается и говорит, вспоминая только что услышанное в трапезной: «Ну, вы даете! Как же теперь выкручиваться будете?» Я сижу спиной к окну, а Татьяна Викторовна лицом ко мне. Я не успеваю ответить, только вижу, как глаза нашего адвоката начинают округляться. Она привстает, продолжая смотреть в окно. Я тоже оборачиваюсь. За окном валит первый, настоящий, снег.

Мы молчим. Я не удивляюсь, но, конечно, очень и очень рада милосердию Божию, верю и в то, что такое быстрое исполнение «требования» к Богу произошло и ради самой Татьяны Викторовны. Только не могу понять, когда дети успели помолиться.

Через час, решив вопросы и проводив гостью, я выхожу в коридор и спрашиваю первую пробегающую мимо меня второклашку: «Послушай, Оля, а ты молилась, чтобы пошел снег?» «Молилась!» — деловито и твердо отвечает малышка, и я знаю не только о том, что она не врет, но и о том, что молилась она тоже как-то по-своему, может быть, именно на бегу.

* * *

Знаете старый милый анекдот? Умирают старый проповедник пастор и водитель автобуса, лихач и гуляка. Водитель отправляется в рай. А пастор в ад. «Почему?» — спрашивает у Господа кто-то из апостолов. «А потому, — отвечает Господь, — что когда пастор говорил свои проповеди, все спали, а когда этот водитель вел свой автобус, то все пассажиры молились!»

Вот и у нас был такой первый автобус, ПАЗик, который учил нас молиться. Были случаи, когда он не мог одолеть подъём, мы вылезали, плелись за ним в горку. А так он у нас ездил не столько на бензине, сколько на молитвах. Приезжает народ в летний лагерь на Сольбе, я их спрашиваю: «Сколько времени ехали?» А они в ответ: «7 акафистов Николаю чудотворцу». Это значит, не меньше 5 часов, если считать остановки и паузы.

Бывало, автобус завязал в грязи, застревал, глох и под пение тропаря св. Николаю благополучно трогался дальше в путь.

Однажды, году в 96-м, посередине пути между Оптиной пустынью и Калугой в автобусе кончился бензин — водитель не подумал, что не встретит на пути ни одной заправки. Был темный осенний вечер. В те годы народ на дороге ночью зря останавливаться не рисковал. Стоим, дети в автобусе, а я и водитель бегаем по шоссе с канистрой и голосуем. Завидев нас, редкие машины поддают газку. Водителем тогда был крупный такой мужчина. Я

В Хороброво у нас были посиделки, где каждый придумывал свое выступление. У нас в отряде было всего пять человек, наверное, поэтому наше получилось обыкновенным. Больше всего мне понравилось выступление, где дети придумывали игру. Две команды пишут свои слова, затем меняются листами и составляют рассказы с чужими словами. Самый интересный и смешной рассказ получился у ребят из команды Ольги Ивановны. Он был про корову, собаку, курицу, метель, матрац и солнце в шкуре.

Но чудесней всего оказалась песня Алексея Юрьевича про зиму. Когда он ее пел, и мы ехали в автобусе, пошел снег. Он валил и валил, и его стало так много, что автобус застрял. Толкать было бесполезно. И мы начали молиться. Не успели прозвучать первые слова тропаря Николаю Чудотворцу, как автобус сдвинулся и выехал. Это было первое чудо, которое я сама видела.

Соня Коржова, 6 класс (2009 год)

попросила его отойти в сторону и стала бегать одна. В это время в автобусе замерцала свеча, и я поняла, что все встали на молитву. Возле меня резко затормозил «Москвич», набитый шумной пьяной молодежью. Взяли деньги, канистру и уехали. Если не вернутся — вообще не понятно, что делать. Но минут через двадцать они приехали с бензином. Водитель завел автобус в тот момент, когда прозвучало последнее «аминь» акафиста Николаю Чудотворцу.

* * *

Был еще забавный случай, когда мы зимой поехали в одну из первых гастрольных поездок (о них отдельно в главе «Паломничества и поездки»). Первым пунктом назначения был детский дом в селе Ковалево под Нерехтой Костромской области. Это был не первый визит в этот гостеприимный и умный детский дом, которым руководит прекрасный пастырь и педагог отец Андрей Воронин. Детям очень нравилось туда ездить, их уже ждали друзья, завязывались новые знакомства. Но на Ковалево было запланировано только 2 дня. К крещенскому сочельнику нас ждало село Великое под Ярославлем, где надо было дать ни много, ни

мало, а три спектакля, попеть на всенощной и литургии, на Великом освящении вод, и подготовить первую за последние лет 70 иорданскую крещенскую купель на озере Черное.

И тут грянул страшный крещенский 40-градусный мороз. Водителем большого автобуса, взятого нами для поездки в аренду, был совсем молодой человек по имени Игорь. Ночью он безмятежно спал, не догадываясь вставать и прогревать двигатель, и к утру автобус просто примерз к стоянке. Завести его не было никакой возможности. Я позвала всех наших детей и взрослых в домовый храм на молитву. Несколько удивилась, что многие идут как-то смущенно и неохотно, но приписала это нежеланию прерывать общение с друзьями. После молитвы я увидела идущую мне навстречу Машу Тюкавкину. Я отозвала её в сторону и стала ругать за то, что она не пошла на молитву. И тут искренняя и честная Машка горько разревелась и, всхлипывая, пробормотала: «Как же я пойду молиться за то, чтобы мы уехали, если ночью мы вместе с Ковалевцами молились за то, чтобы нам остаться еще на один день?» Когда мы с Алексеем Юрьевичем начали излагать свои проблемы отцу Андрею — надо ехать, а автобус не заводится — он вначале предложил остаться на Крещение с ними, но когда понял, что у нас неотменимые обязательства, стал придумывать технические способы спасения автобуса. И тут я рассказала историю с акафистом. «Ну, — развел руками отец Андрей, чего же вы теперь хотите? Что мы можем против детской молитвы?!»

За клирошанками на машине приехал отец Алексей из Великого, мы отправили их петь всенощную без нас (при этом юные клирошанки, которые тоже молились за то, чтобы на день задержаться, громко всхлипывали). А к утру автобус удалось отогреть паяльными лампами, и в назначенное время мы благополучно прибыли в Великое.

Было у этой истории и небольшое продолжение. Мороз только крепчал, когда, освятив воду в проруби, батюшка начал щедро кропить народ, на бородах и челках висли сосульки, брови примерзали ко лбу. Вечером в Иордани купались самые смелые и потом летели греться у костра, младших детей и народ послабже мы искупали в баптистерии (крестильном бассейне) в храме городка Гаврилов Ям. По Великому перемещались короткими перебежками. Автобус все равно хандрил, и перед выездом из Великого в Москву его завели с трудом и нас строго предупредили: «Ехать без остановок, или можете потом не тронуться с места!»

Мы ехали до Москвы четыре с лишним часа, и водитель больше всего боялся, что нас, как должно, остановит для проверки ГАИ. Но при приближении к посту все начинали громко петь «Богородица дева,

радуйся» — и изумленный водитель видел, как постовой неожиданно опускает на половину поднятый жезл, или просто вдруг отворачивается при виде нас. Когда мы благополучно прибыли в школу, молодой водитель Игорь застенчиво попросил переписать ему эту необыкновенную молитву. Я подарила ему молитвослов.

* * *

Была еще история, когда водитель Володя, он же организатор нашей первой паломнической поездки в Псков и Новгород, не хотел нас везти в Михайловское в Пушкинский заповедник, ссылаясь на то, что мы не выполним всей остальной паломнической программы. Вечером в Новгороде нас почему-то не приняли на ночлег в запланированном месте. Отдохнули в автобусе. Водитель немного поспал и решил трогаться. Тогда еще не было такого строгого требования не ездить с детьми по ночам. И вот все спят, я сижу, развлекаю Владимира, чтобы он не впал в дрему. Начинает светать. Водитель читает вывески и явно нервничает. Я тоже удивляюсь названия какие-то нерусские. Смотрим карту и обнаруживаем, что мы заплутали, свернули ближе к эстонской границе и, в результате, дали верст 300(!) крюку. Водитель ждет, что я начну злиться и ругаться, а я смотрю на него благодушно и даже утешаю: «Ничего, дескать, не переживайте так, разобрались же». Мне очень трудно скрыть радость — мы ведь так молились, чтобы нам попасть в Пушкинские Горы, а теперь их даже при желании не миновать!

Побывав с нами в заповеднике, послушав рассказ, позвонив на колокольне и потрапезничав в дивном Святогорском монастыре, Володя предложил мне иногда с ним вместе возить специальные паломнические поездки в Пушкинские Горы, вот как понравилось! А еще через несколько лет признался, что был поражен тогда тем, что мы ему не выговаривали за потерянное время, и с тех пор полюбил с нами путешествовать.

Вообще водители обычно очень хвалят наших детей и даже спрашивают, где мы таких набрали. Но однажды попался нам неверующий молодой шофёр, всю дорогу он ворчал и ругался, сам вел себя неподобающе, кричал на детей ни за что ни про что. На обратном пути он ни в какую не хотел задерживаться и ждать окончания литургии в Варлаамо-Хутынском монастыре, где нас благословили причаститься. Я поняла, что надо смиряться, мы только помолились у мощей преподобного Варлаама, чтобы, если можно, он управил наше дело. И вот бежит наш

испуганный водитель и сообщает, что поехал мыть автобус в каком-то прудике и залез в грязь по самое пузо.

Мы оставили его бегать вокруг автобуса, спокойно отстояли литургию, причастились святых тайн, а потом все вместе легко и быстро вытащили автобус из грязи. Водитель ждал с нашей стороны криков возмущения, а мы были довольны и еще подбадривали его. На пути домой он был кроток как овечка и даже сам предложил заехать на Валдай, от чего мы, конечно, не отказались.

* * *

Узнав на опыте силу детской молитвы, люди часто приходят или звонят нам с просьбой помолиться в школе за больных и страждущих, а потом благодарят за счастливый исход дела. Но здесь уж мы молимся как положено, поминаем имена на утреннем правиле или во время школьной литургии. А в особых случаях поем и читаем тропарь и канон за болящих, предварительно обратившись к детям и взрослым с просьбой помолиться о том-то и том-то в такой-то нужде. Потому что молитва должна быть осмысленным разговором с Богом, а не набором непонятных фраз.

Но чтобы картина была объективной и полной, расскажу о случаях, когда не исполнялась наша соборная молитва. Это серьезные и грустные истории. Сын священника, некоторое время до этого учившийся в нашей школе, мальчик, которого мы знали и любили, Вася Арзуманов, получил страшную травму головы в результате несчастного случая. Он лежал в коме больше 40 дней, и каждый день вся школа молилась о нем коленопреклоненно, всем сердцем вознося к Богу прошения о его исцелении. Почти одновременно с ним в городе Сергиев Посад попала в такую же беду его ровесница, тоже дочка священника по имени Марфа. И она тоже лежала в коме. Надо сказать, что об этих отроках в те дни молились, конечно, не только мы, но во множестве храмов и монастырей, по всей России и даже на Афоне. И почти одновременно с тем, как Марфа пришла в себя, Вася отошел ко Господу. И когда мы с ребятами были на отпевании и после похорон, я больше всего боялась, что пошатнется детская вера. Но дети поняли все правильно — была такой воля Божия. А один из Афонских монахов, утешая отца Васи, сказал, что такая сильная общая молитва не могла не быть услышана, просто Василий сам выбрал Царствие небесное.

Также на протяжении несколько лет мы молились за нашу милую девочку, Алису — Алевтину, когда у нее нашли рак мозга. Ей делали операцию за операцией, ей становилось лучше, и она снова приходила в школу, всегда радостная, с цветами благодарила за молитву.

За время ее болезни вся ее семья из прохладно верующей стала глубоко церковной. Через 5 лет болезни девочка умерла. Подруги и друзья всю ночь читали псалтирь над её гробом. Вся школа была на отпевании. Когда оно началось, в храм хлынули из окон такие потоки света, что мы несколько минут не видели друг друга. Конечно, и в этот раз все что-то такое поняли, отчего никто не усомнился и не роптал. Даже ее прекрасные любящие родители.

УКЛАД

ак и когда сложился наш нынешний уклад? Ведь когда мы начинали, у нас, верующей основы коллектива, было большое желание и дерзновение, иногда и не по разуму, как говорится. А вот опыта было мало, как церковного, так и педагогического. Опыт церковный, даже у тех, кто несколько лет ходил в храм, был не велик, не было литературы, мало у кого были духовные наставники. Уклад только предстояло

восстановить и в семьях, и в обществе.

Первыми начинали монастыри. Но и монастырей было ещё очень мало. Кто-то уже побывал в недавно открывшемся Серафимо-Дивеевском монастыре. Знающие пожили в Пюхтице, никогда не закрывавшейся, сохранившей традицию обители. Все вместе мы в какой-то момент

...Наша школа небольшая, и это очень хорошо. Мы все друг друга знаем, общаемся — старший с младшим и младший со старшим... Наша школа необычная, вернее, должны бы все школы быть такими... Очень хорошо, что в нашей школе мы празднуем православные праздники. Ездим в храм, ставим спектакли. Я считаю, что человек никогда не почувствует себя частицей своего государства, если не будет соблюдать и уважать традиции и законы, по которым жили его предки...

Дмитрий Табаков, 9 класс (2003 год)

побывали в Иоанно-Богословском и стали туда ездить. Постепенно из паломнических поездок, литературы, мы стали узнавать, как это было устроено до революции или после — в русском зарубежье.

Но в 92-м — 93-м ничего этого не было, и мы шли, в основном, по пути собственных проб и ошибок. Придумав же что-то нестандартное, считали себя неповторимыми новаторами. А потом узнавали, что другие продвигались примерно тем же путем и приходили к тем же выводам.

Законы школы похожи на законы семьи. И в разных школах, как и в разных семьях, свои традиции и свой уклад. Откуда берется уклад? Складывается — иногда годами, иногда поколениями. Чем он обусловлен? Духом семьи, теми общими идеями и идеалами, которыми живут все её члены. Что скрепляет семью? Единство идей, общее дело, а главное — взаимная любовь.

«Все счастливые семьи счастливы одинаково», — заметил Толстой. А почему? Почему все лучшее, творчески выстраданное и обретенное, все эти детали уклада, традиции и обычаи, которые нельзя механически взять извне, а можно только вырастить заново на собственной почве — все это, в конце концов, совпадает в жизни разных семей и разных школ? Почему, найдя ответ на вопрос, искомую формулу действия, ты понимаешь, что ты ее не изобрел — нашел, взял из какого-то кладезя, где эта истинная и единственная форма всегда изначально была? Как Менделеев однажды получил откуда-то во сне свою великую таблицу. Почему, двигаясь разными путями, мы приходим к одним и тем же формам и результатам? Может потому, что стремясь к истине, преуспевая в поиске, мы приходим к Богу — и Он открывает, как всё должно быть?

Может ли уклад сложиться раз и навсегда? Нет. Потому что когда живое перестаёт двигаться и развиваться, погружается в полный покой — это обозначает смерть. Потому что полноту истины и совершенство формы в земной жизни обрести невозможно — можно только узнать направление и приблизиться к ней.

И к моменту, когда вы читаете эти строки, что-то еще изменилось в нашем укладе. Но структура и основа останутся — потому что все счастливые школы счастливы одинаково.

ЗАКОН ПОДРАЖАНИЯ

снова всего нашего уклада – воспитание примером. Закон повторения, подражания — главный в педагогике, в первую очередь дети повторяют своих родителей. Но и с преподавателями в школе они 11 лет проводят бок о бок от 20 до 35 часов в неделю, и те, иногда вопреки воле той и другой стороны, в плохом и хорошем становятся образцом для копирования, примером для подражания.

Поэтому педагог не может воспитывать хорошо, если сам не хорошо, если он не работает над собой, если не оказывается лучше самого себя. Если педагог не знает пути, то куда он поведет детей? Не дай Бог забыть Евангельское предупреждение и оказаться в роли «слепого — вождя слепых».

требование Поэтому православной школе первое воцерковление? коллектива. что Это воцерковление такое оборачивание очей внутрь себя, переход от демонстрации своих достоинств к трезвому видению своих слабостей, недостатков, падений, к работе над собой, а в результате — к самосовершенствованию, к стяжанию доброго и мирного духа. Это и есть самое трудное. Для этого педагоги живут церковной жизнью, исповедуются, причащаются, подчиняются вместе с детьми общим законам и требованиям. Как это происходит? Объясню на простых примерах — в школе нельзя курить не только детям, но и взрослым. Сухой закон нарушается лишь раз в году на выпускном вечере, когда и выпускникам, и взрослым благословляется немного шампанского.

Откуда взялось такое правило? Признаюсь честно, из горького опыта. Во второй год существования школы коллектив предложил устроить новогодний праздник для взрослых. Как положено— с вином и без детей. Пришли сотрудники и некоторые родители.

Одна учительница явилась в красном платье мини и с таким декольте, о котором Алексей Юрьевич до сих пор вспоминает с изумлением. А меня с самого начала ожидал сюрприз — во главе стола уселась самозваная «тамада», достаточно шумная наша уборщица, которая любезно махнула мне рукой — пристраивайся, мол, гостем будешь, — и я, думая, что смиряюсь, села на краешке в уголке. Стали есть, пить, тосты хорошие говорить. Танцевать начали. Я чувствую, что дело куда-то не туда идет, но остановить не могу. Откровенных пошлостей не было, но общий дух пошлости витал в воздухе. Когда через некоторое время я поведала о

«вечеринке» священнику, он благословил меня больше никогда так не смиряться, даме с декольте и уборщице при первой возможности показать на дверь, а в школе ввести сухой закон и правило — все делать вместе с детьми, то есть в таких формах, что и при детях не стыдно. Выполняем почти 20 лет и довольны.

Одним словом, в главном требования ко взрослым те же, что и к детям. И если детям нельзя пользоваться косметикой, то и взрослые дамы должны ее использовать весьма и весьма умеренно. И брюки в первую очередь не должны носить дамы-педагоги, а вместе с ними и девочки. И если мы учим детей просить прощения, то первыми показывают в этом пример взрослые, и не только перед Великим постом (у нас чин прощения бывает в пятницу на Масленице, перед тем, как разойтись по домам до Чистого понедельника).

Не все учителя в школе, особенно в первые годы, были людьми верующими. Где было столько верующих профессионалов набрать в то время, да еще и в стороне от столицы? Но иногда, начав у нас работать, люди воцерковлялись. Так произошло с прекрасной учительницей математики Раисой Павловной Павловой. Дети любили ее и говорили, что им повезло учиться у нее. А она признавалась, что для нее было счастьем на старости лет поработать у нас в школе, приобщиться к вере, к таинствам церковным. Царствие небесное этому удивительному, светлому, преданному своей математике и детям человеку.

Но были, конечно, люди упрямые, которые о себе думали высоко, а наши правила терпели до поры. Такие не приживались. Помню, в 93-м году молодая, тогда очень популярная в Малаховке в качестве репетитора учительница, доказывала с пылом: «Пушкин грешил, так почему же нам нельзя?» Не знаю, пришла ли она к Богу, мы давно не виделись, жизнь многое ставит на свои места.

Бывало трудно и с верующими. Одна учительница в Бога верила, на исповедь ходила, работала добросовестно, но «штукатурилась» так, что кожи не видать. Я ее уже много лет не встречала, но тогда она была дамой яркой, интересной, и честно признавалась: «Без грима выйти на улицу не могу, для меня это все равно, что голой». Приходилось терпеть.

Но здесь я должна уточнить, что равенство требований ни в коем случае не отменяет иерархии отношений и послушания младших старшим, подчиненных начальству. Главное, чтобы за этим послушанием стоял не страх, а смысл и любовь.

Что же помогает преодолеть противостояние взрослых и детей, традиционный конфликт поколений? Объяснение в нашей школьной песне:

«Наставники, ученики, /Мы с вами здесь по духу близки,/ Но лишь один/ Учитель у нас – Господь». Конфликт положений и поколений преодолевается только единством во Христе. Эту истину мы познали опытом.

Какая я дробь?

Лев Толстой сказал: «Человек подобен дроби, числитель есть то, что он есть, а знаменатель — то, что он о себе думает. Чем больше знаменатель, тем меньше дробь». На одном из бинарных уроков в 6 классе дети размышляли над высказыванием классика.

Иногда хочется сказать о себе многое, но при этом понимаешь, что твоя дробь становится маленькой-маленькой. Наверное, если бы я мог молчать о себе, а мои дела говорили бы за меня, то дробь превратилась бы в «неправильную». Но дробь есть дробь, и она является частью «целого». Мне хотелось бы, чтобы мой «знаменатель» равнялся моему «числителю».

Глеб Иванов

I\10 — в числителе этой дроби стоит единица, так как меня создал Бог в виде одного человека по Своему образу и подобию. В знаменателе у меня стоит цифра десять по числу заповедей Божиих, я все время борюсь за соблюдение этих заповедей, но у меня это часто не получается. Я исповедаюсь в их нарушении и начинаю борьбу сначала!

Настя Ильина

Батюшка Серафим думал, что он великий грешник, и просил у Бога прощения. А на самом деле был прекрасным человеком. Значит, числитель его дроби очень большой, он его поднял к Богу. А мы часто думаем о себе, что мы очень хорошие. Так мы увеличиваем «знаменатель». А ведь он — внизу и тянет нас в ад. Хорошо, что мы — православные, можно на исповеди исправить свою «дробь».

Сергей Рузиев

ОБЩАЯ МОЛИТВА

оздав школу, мы понимали, что надо часто собираться вместе: обсуждать нашу жизнь, сообщать о важных событиях, поздравлять друг друга с днями рождения. Сделать утреннюю линейку? Но это еще слишком четко отождествлялось с советским идеологическим укладом, с формализацией отношений. Попробовали по утрам до занятий просто собираться в круг, без построений, —

поздороваться, сказать доброе слово именинникам, даже что-то им спеть, подарить подарки. Это было мило, но чего-то не хватало, и все ощущали какую-то искусственность ситуации. Чуть ли не через день проводили общешкольные собрания, на которых бурно спорили, размышляли. На такие собрания уходило много времени и сил, иногда из-за них срывались уроки. И все было не то.

В начале второго года учебы появилась совместная утренняя молитва. Но мы ещё боялись делать ее обязательной, много было детей даже некрещеных, школа не считалась православной, какой смысл сгонять не ведающих веры людей на молитву? «Невольник не богомольник».

Во второй или в третий год школы на осенних каникулах поехали потрудиться и помолиться в Иоанно-Богословский монастырь. Поселили нас в холодном разоренном помещении, на железных кроватях. Для умывания во дворе один кран с ледяной водой. Некоторые дети сразу сдались и заныли — комфорту мало. Бывалые туристы переносили аскетические условия весело. Но я не об этом.

В монастыре мы растерялись, не понимали, как вести себя с детьми, можно ли их здесь ругать. Сами люди неопытные, замирая, стояли на вечернем богослужении, радостно погружаясь в тихую монастырскую молитву, слушая стройное мужское пение. А группа детей в это время с гиканьем носилась по монастырю, пугая людей и ворон, нарушая покой. Тогда-то к нам и подошел высокий иеромонах Виталий и хорошенько отругал за то, что не смотрим за детьми. После службы он зашел в наши «апартаменты». Мы как раз собрались на молитву. (Видимо, молитвы мы уже вместе читали, и мне казалось, что вполне прилично — выразительно.) Отец Виталий пришел в ужас от нашего чтения, посоветовал читать «без выражения» и строго наказал купить молитвословы с проставленными в них ударениями. Надо сказать, что молитвословы только начали издавать, у нас были репринтные с западных изданий, с ятями. Молитвослов с ударениями пришлось изрядно поискать.

После молитвы мы собрались ложиться спать. Отец Виталий, сам еще молодой человек, но явно имеющий педагогический опыт и сноровку, потребовал собрать планерку, удивившись, что мы сами этого не сделали. На планерке священник сказал слова простые, но которые стали для нас законом на все дальнейшие годы: «Пока вы с детьми, вы на работе. В первую очередь вы должны заниматься ими. Молиться будете потом». А мыто себе казались такими благочестивыми! Совет мы запомнили и с тех пор стараемся выполнять. Не пренебрегаем теперь, как бы ни устали, и вечерними планерками во время поездок или в летнем лагере.

Так от разных священников и добрых людей, собирался, как мед в улей, наш опыт, правила жизни и благочестия. И молитвенное правило складывалось в школе несколько лет, пока не пришло к своей нынешней устоявшейся форме.

И еще эпизод из эпохи «добровольной» утренней молитвы. Нас тогда было немного, и, надо сказать, большинство учеников на молитву приходило. Но нам хотелось быстрее стать православной школой, поскорее обратить всех детей. В душе часто вырастало раздражение на «неподдающихся» нашему религиозному воздействию детей. И вот начала ходить на молитву девочка Катя. Честно скажу, ее красивый солидный папа, режиссер, отдал нам свою тринадцатилетнюю дочь «на перевоспитание». Она, действительно, оказалась девочкой непростой. Милая нежная внешность и природный ум сочетались с рядом укоренившихся вредных привычек, о которых мы узнавали постепенно. Со временем весь «букет» распустился перед нами, и я спросила девочку в доверительной беседе, когда она, ребенок из благополучной интеллигентной семьи, успела так опошлиться? И девочка честно ответила, что и не ведала о курении, мате и определенных отношениях с мальчиками, пока не полежала в детской больнице. Там, менее чем за месяц, ее всему успели научить! История поучительная для родителей, но я хотела рассказать не об этом. Итак, Катя вдруг начала ходить на молитву. Но изо дня в день она четко являлась к середине правила, немного стояла и уходила. Однажды, с трудом скрывая раздражение, я спросила:

- Кать, почему ты приходишь не к началу?
- Мне нравится молитва Оптинских старцев. Все остальное мне непонятно.

В ответ у меня неожиданно вырвалось, раздраженное:

— Может, лучше тогда вообще не приходить?

Катя спокойно выслушала и, действительно, больше не приходила. Вскоре за дурное поведение мы были вынуждены исключить её из школы.

Что с ней стало в жизни — не знаю. Но очень жалею о слове, сказанном тогда в сердцах. Всё кажется, что сейчас бы я нашла другие слова или, по крайней мере, иную интонацию.

Постепенно утреннее школьное правило стало обязательным. Легко ли это сложилось? Конечно, нет. Как справедливо сказано в стихотворении Маршака: «А всё хорошее, друзья, дается нам недешево!»

Были дети, которые сразу приняли утреннюю молитву всей душой. Так один мальчик, Сережа Толстоухов, еще в 95-м году написал: «Приходишь в школу с мороза, и во время молитвы согревается и оттаивает душа».

Но некоторые ребята пытались пренебрегать утренними молитвами, выкраивая лишнее время для сна. Другие отнекивались, ссылаясь на то, что дома они с родителями каждое утро читают длинное правило, да еще и главу из Евангелия. А были и такие, которые просто не могли стоять на молитве. Так один мальчик, назовем его Колей Ивановым, учившийся тогда в 5-ом или 6-ом классе, все время выбегал из молельни во время чтения Евангелия. И когда я его спросила, почему он убегает, он признался, что какой-то голос всегда в одно время требует от него, чтобы он ушел. А вскоре он подошел и сказал, что хочет креститься — мы и не знали, что он не крещён. Он крестился первым в своей неверующей семье. Потом его отец пожертвовал нам деньги на первую писаную икону преподобного Сергия. Но, сказать по правде, после крещения парень вместе со своим приятелем все равно часто прятался от молитвы в шкафу для уборочного инвентаря. Однажды утром он открыл этот шкаф и увидел надпись: «Место для Коли Иванова». Это Алексей Юрьевич написал. Прятаться он все равно не перестал. Так они и развлекались. И однажды я не выдержала, пригласила батюшку, преподававшего у них Закон Божий, вызвали ребят и я попросила благословения освободить их от молитвы. Ну, если они неверующие, что с них взять, «невольник» и т.д. Они долго беседовали со священником, а после разговора я подошла и спросила, разрешили ли им не ходить на правило. «Да мы сами будем ходить, Татьяна Юрьевна! Мы же верующие. Так просто — оболтусы».

С этими оболтусами был еще один «молитвенный случай». В первые два года жизни летом при Николо-Сольбинском монастыре мы собирали по селам материалы из истории монастыря. Довелось нам однажды поехать на телеге через лес в село Степанцево, до которого по прямой было верст 7, а в объезд на машине все 15. На обратном пути девочки тихо пели молитвы, к чему располагала дорога через глухой монастырский лес, о котором мы только что узнали немало благочестивых преданий. Вел смирную лошадку Вексу, всеобщую любимицу, рабочий из монастыря, ярославский мужичок

Саша. Рядом с ним сидели наши два оболтуса и молчали. Вдруг лошадь встала и захрапела. Саша, сильно «окая», распевно произнес: «Ишь ты, храпит! Должно быть, волки». Дети замерли. Но лошадка оправилась и зашагала дальше. Не пройдя и десяти метров, она снова резко стала и захрапела еще громче. «Нет! — изрек Саша. — Это не волки! Это медведь!» В тишине леса вдруг раздалось громкое: «Отче наш!» Это пели наши приятели. Саша подошел к лошади, обнаружил какой-то непорядок в ее сбруе, мешавший ей идти, подправил, и мы благополучно тронулись дальше.

Вообще понуждение детей на молитву, обязательность школьного молитвенного правила и посещения богослужений, это вопрос, который мы решали день за днем, год за годом, в непростых раздумьях. Многое упростилось, когда сложился костяк педагогов и преемственность традиций детского коллектива, когда в школу стали поступать, в основном, дети из крепких православных семей и вырастать у нас на глазах с самого детского сада или подготовительной к школе группы. Тогда функция «перевоспитания» перестала быть для нас главной, потому что основы благочестия закладывались с раннего детства в семьях и школе.

Итак, постепенно у нас сложилось молитвенное правило в его нынешнем виде, было оборудовано помещение для молитвы, которое дети, а вслед за ними и мы, стали называть «молельней». На утреннем правиле мы не только читали ряд важных утренних молитв, но, со временем, здесь же стали поздравлять именинников. Наш друг и помощник, Володя Янчевский, дарил нам молитвословы, другую литературу и иконы. Маленькими красивыми иконками стали поздравлять именинников, петь им «многолетие». Потом уже дети и взрослые стали обращаться с просьбой о совместной молитве: «Можно, мы помолимся за бабушку, у нее сегодня операция?» Стали поминать близких о здравии, если случалось горе — об упокоении. Появился школьный синодик, и традиция читать его во время правила назначенному дежурному «про себя».

И заканчивая рассказ о школьном правиле, которое складывалось, действительно, по крупицам, по подсказке и совету разных премудрых людей, я позволю себе рассказать вам одну сказку.

Сказка об Иванушке

Жил был на свете Иван крестьянский сын. Как-то собрался он в дальний и трудный путь. Стала матушка снаряжать его в путь-

дорогу. И дала ему волшебную котомку. Был там сытный ломоть хлеба, который никогда не кончался. Было там зеркальце, которое подсказывало, что ты сделал не так, и предостерегало чинить обиды другим людям. Были там старинные гусли, которые сами пели день вдохновляющие дивные песни. каждый новые. предупреждающие. Была там и скрижаль с клятвой, которая поможет устоять в любых испытаниях, не дать злым людям запутать и увести с прямой дороги. Дала и чудесную книгу — она и компас в пути, она поможет друга от врага отличить, научит умуразуму, укрепит, когда кончатся силы. Была там и дудочка, с помощью которой каждое утро можно напомнить всем друзьям Иванушки, где он идет, что делать собирается, чтобы в любой момент могли они прийти к нему на помощь. Так же и ее, матушку, велела с помощью этого нехитрого инструмента о себе извещать, а если надо, то и на помощь призвать, а она, где б ни была, услышит свое чадо и откликнется. Надела на него кольчугу от стрел вражиих, благословила и отпустила. С таким снаряжением прошел Иван огонь и воду, и медные трубы, темный лес, бесконечную степь, переплыл море-океан, победил всех врагов, освободил прекраснию царевни и вернулся домой к отцу-матери цел и невредим.

Так и мы поем каждое утро молитву «Отче наш» — это хлеб наш нетленный, который нас питает в пути. Призываем на помощь Матушку нашу Пресвятую Богородицу и всех наших небесных друзейсвятых: преподобного Сергия, батюшку Серафима, святую семью страстотерпца Царя Николая, врача-целителя Пантелеймона. А еще даем клятву верности, исповедуем все основы нашей веры православной в нашем гимне — «Символе веры». А еще читаем три псалма: 50 — зеркало покаяния, 90 — наша кольчуга, защита от врага, и еще один, каждый день новый, перебирая струны Давидовых гуслей и поучаясь в мудрости. И конечно, читаем Евангелие, потому что главный наш друг и наставник на жизненном пути — сам Иисус Христос, о котором свидетельствует и чьи слова несет нам эта книга. Вот такое у нас утреннее правило. Ни отбавить, ни прибавить, а есть в нем все нужное, что помогает достойно прожить предстоящие человеку дни, каждый из которых — путь, испытание и борьба.

Но продолжу о молитве в школе. Вначале молельня была над мастерской Алексея Юрьевича, потом мы придумали совместить блок

мастерских в заднем крыле, а место совместной молитвы перенесли и расположили над трапезной, где со временем и была устроена наша домовая церковь.

И здесь я хочу вернуться к совпадению духовного и практического, пользы и удобства. С тех пор, как у нас появилось утреннее правило, нам стали не нужны формальные утренние линейки. А общие собрания успешно заменила встреча на общей трапезе. Но об этом отдельно.

ОБЩАЯ ТРАПЕЗА

унаследованном нами детском саду малышей кормили по группам, для этого в каждом отделении были оборудованные столы, шкафчик, раковина для посуды. Мы тоже в первое время стали есть по классам. Разносили кастрюльки и кушали. Опять же — сами посуду мыли. Не было ни молитвы перед едой, ни тем паче, трапезного чтения.

Наталия Георгиевна Панченкова, учитель русского языка и истории, начала читать за трапезой в своем классе недавно изданную для детей книжку житий. Остальные за едой по привычке общались, шумели, балагурили. Не все и молились перед едой — не везде были верующие педагоги, не все знали молитвы.

Итак, в первый год мы обедали в классах, как это и было устроено в унаследованном нами детском саду. Но однажды получили благословение делать общую трапезную. Это было ново и казалось непросто. Но поставили столы, какие придется, за отсутствием скатертей покрыли их простынями с пометочками: «детсад № 90». Начали читать молитвы до и после еды. Здесь же, после обеда, делали необходимые объявления и обсуждали общие вопросы.

А на следующий год Алексей Юрьевич с помощниками изготовили множество красивых деревянных столов и лавок. Так возникла трапезная на нынешнем месте и в ее нынешнем виде, с тех пор ее только обновляли, ремонтировали, расширяли, пополняли столами и лавками.

Совместная трапеза сразу решила проблему общего собрания — на ней стали делать объявления, обсуждать вопросы. До и после еды молитвы уже не читали, а пели. А со временем, поездив по монастырям и увидев, как это хорошо, начали вводить трапезное чтение. Тоже сперва страшно было. Все хорошее и новое поначалу бывает страшно

делать. Если есть священническое благословение, то проще — оно дает силы и прибавляет решимости.

Вначале пробовали давать читать детям, но потом отказались от этой затеи. Читать стали взрослые, обладающие громким голосом. Важна была и манера понятного, четкого, но не художественного чтения. Этому тоже надо было учиться, и поэтому даже из учителей литературы не каждый мог читать на трапезе. В течение нескольких лет я почти всегда это делала сама, никому не доверяя. Чтение подбирала, в основном, из Четьи-Минеи Димитрия Ростовского. Пытались брать жития в пересказах для детей — не понравилось. В них ощущалась некоторая фальшь, будто с детьми взрослые заигрывают. Произведенное в этой книге упрощение текста влекло за собой почти всегда порчу языка. Жития в пересказе переставали звучать как священные, достоверные и значимые тексты. А вот сложный язык Святителя Димитрия, при некоторых пояснениях и сокращениях в тексте, неизменно звучит торжественно, чинно, церковно, богат оборотами и, при этом, не напоминает сказки, он полновесен и убедителен. Это именно не художественное произведение, но сакральный текст.

Как-то на трапезе присутствовал наш «долгосрочный» родитель — старшая его дочка окончила школу в 2001 году, а младшая сейчас в начальной школе — отец Сергий Лопухов. Послушал чтение и стал задавать детям вопросы, пожурил, что невнимательно слушают. И тем преподал мне урок — обязательно в конце трапезы спрашивать по содержанию чтения. Этот мед мы тоже внесли в общий улей опыта и ввели в традицию. Казалось бы, просто, но сама я не решалась, не знала, уместны ли в этой полумонастырской традиции педагогические приемы.

На трапезу перешли и подарки к именинам, и чествования юбиляров, и всякие награждения, и «разбор полётов». На трапезе мы зачитываем важные приказы по школе, сообщаем о значимых событиях. На трапезе спрашиваем и по утреннему Евангельскому чтению.

Научились кушать в настоящей тишине. Наблюдение такое — чем интереснее чтение, тем меньше надо следить за порядком. Теперь уже читаем и не только жития, но и разные хорошие душеполезные книги, подбирая их заранее.

Я уже несколько лет не читаю сама, появились другие, лучшие, чтецы. Есть и помощники по подбору текстов.

На трапезе и благодаря трапезе школа ощущает себя единым стройным организмом. Каждый день получает небольшой ненавязчивый урок благочестия, иногда — нравственности и дисциплины. Но самое

главное — в монастыре говорят, что общая трапеза — часть богослужения. При правильной организации и соответствующем отношении она сама обладает благодатной силой.

И еще — пение утреннего правила и молитв до и после обеда к тому же является отличной ежедневной спевкой хора, которая позволяет потом довольно быстро подготовиться к выступлениям.

ТРАДИЦИИ БЛАГОЧЕСТИЯ

од 1993. Наша первая Пасха. Школа ещё не была православной, просто частная, но в ней работало много верующих учителей. Были, правда, и вовсе неверующие. Это различие касалось и детей. Но мы никакой разницы не ощущали. Нас объединяла общая идея создания Доброй Умной Родной школы, и мы на эту идею вместе самоотверженно работали. Правда, постепенно выяснялось, что в деталях мы

представляли эту школу не совсем одинаково, и потому, с опытом, у некоторых это представление менялось, а некоторые уходили искать свой идеал и его воплощение в другом месте.

Вы думаете, что и Пасху весной 93-го года мы не отмечали?

Вовсе нет! Очень даже праздновали! Мы с детьми вместе напекли множество куличей, покрасили яйца. Представить такое в советской школе было трудно. (А ведь в то время она была еще вполне жива, вместе с пионерской и комсомольской организацией). И всем, даже нецерковным людям была интересна новая красивая традиция, так непохожая на их предыдущий школьный опыт.

(Помню из своего детства в школе напротив. Прихожу в школу после Пасхи, открываю крышку парты и обнаруживаю там шелуху от крашеных яиц — кто-то из другого класса ел на предыдущем уроке! И у нас дома, хоть родители в храм и не ходили, только бабушка, но яйца красили. Правда, в школу их тащить я бы не решилась, и потому была изумлена находкой. Конечно, потом видели эту шелуху и взрослые, но никакой истории не было, виновника не искали. Думаю, большинство учителей дома тоже праздновали Светлое Воскресение. Как умели, хотя бы формально.)

Но вернемся в 93-й год. Ночью верующие учителя и дети, конечно, были в церкви. Многие пошли в Малаховку, на улицу Советскую, бывшую Петропавловскую. Это была вторая служба в Малаховском Храме Петра и Павла. Храм еще не был восстановлен и служили в сторожке на территории.

Днем в воскресенье собрались в школе. Так совпало, что к нам приехали молодые симпатичные итальянцы. С ними намечалось деловое сотрудничество в области геологии, которой мы тогда занимались. Они смотрели наши коллекции камней, в том числе тех, которые ребята привезли из нашей первой поездки в Хибинские горы. А потом мы накрыли стол. Точнее, не стол — постелили на ковер большую скатерть, поставили на нее пасхальные угощения... Что не уместилось — разложили на плетеном столе производства Алексея Юрьевича (потом этот стол продали и купили первую муфельную печку для керамики).

Сели вокруг скатерти. Я прочитала «Отче наш» вслух. Может, это и была первая совместная молитва? Помню, итальянцы держали руки сложенными по католическому обычаю молитвенно вместе, «лодочкой», и это всех немного смущало. Но это был благой пример: ребята увидели, что для европейца молитва — дело привычное и необходимое.

Потом, наверное, воскликнули «Христос Воскресе!» — как же без этого! — христосовались и вместе вкушали пасхальную трапезу. Первую пасхальную трапезу в школе «Образ». Было нас на ней человек 5 взрослых и 17 детей.

Отступив немного от темы, замечу, что общение с иностранцами не всегда было столь благим. В тот же год моя однокурсница, служившая в министерстве образования РФ, желая мне помочь, привезла к нам датчан. Те смотрели, слушали, улыбались. Когда сели за стол, они стали говорить, что готовы с нами сотрудничать и привезут нам свои (протестантские) программы по религиозному воспитанию. Я начала им объяснять (рассчитывая, что они очень этому обрадуются), что религиозным воспитанием мы и сами начинаем заниматься, очень даже осознавая его необходимость, но так как мы живем в России, то и растить наше дерево будем на родной православной почве. Беседа еще несколько времени продолжилась, потом они уехали и больше не появлялись, а моя однокурсница сердито отчитала меня за то, что я завела разговор о религии — они, дескать, этого не любят! Я удивилась — ведь разговор о религии завели как раз они. В чем дело и что их не устроило, я поняла, а она нет, так как была в то время человеком совсем далеким от религиозных вопросов.

На Пасху 94-го года мы пошли вместе со многими нашими учениками в храм Петра и Павла, который к этому времени вернули верующим и начали приводить в порядок. С нами было много малышей. После Заутрени малыши уснули на сложенных в уголке куртках, а к причастию их

разбудили. Разговляться отправились в дом к Дмитрию Анатольевичу (ныне дьякону Димитрию) и Ольге Андреевне Котовым, которые жили рядом с храмом. Лёня, Надя и Даша Котовы учились в нашей школе, Дмитрий Анатольевич преподавал у нас изобразительное искусство, и мы очень дружили. У Ольги Андреевны расселись по всей комнате, и у стола, и на диван, и на пол, разложили — у кого что было — освященную снедь. Пили чай, и так-то было нам хорошо вместе!

Я не могу описать тайну. Она ускользает от меня, как только я хочу ее поймать. Но на Пасху, когда светит солнце, поют птицы, дует теплый ветер, она сама прилетает ко мне.

Перед Пасхой я хожу святить и раскрашивать яички. Потом, когда несешь тяжелые корзинки в церковь, становится легко на душе. А когда на тебя попадают капли Святой воды, хочется взлететь и долететь до солнца.

Соня Коржова, 5 класс (2008 год)

В Малаховке, с разговинами у Котовых, мы встречали Пасхальное утро, кажется, три года подряд. (Хотя тут я могу и сбиться). Школа за это время сильно выросла, но всегда всем хватало места.

Может быть, когда-нибудь я смогу подробнее описать, как мы встречали Пасху в последующие годы. Например, в Мячкове, когда две наши маленькие девочки в красных пасхальных платьицах заснули на солее, а отец Александр не велел их будить. Так и служил на амвоне, украшенном двумя живыми бутонами...

Или в селе Домодедове, куда мы ездили несколько лет подряд не только на Пасху, но и на Рождество, в храм, который успели полюбить всей душой. Кажется, именно там довелось впервые звонить на колокольне...

Или незабываемые совместные поездки в Николо-Сольбинский монастырь, тоже несколько лет подряд. Вдохновенное служение отца, ныне Владыки Феодосия, приветливость матушки Еротииды, чтение евангелия на славянском, греческом, английском, немецком, французском, украинском, молдавском языках... Помню после службы радугу на весеннем утреннем небе... А уж Сольбинские творожные пасхи — таких больше не едали!

Когда появился лагерь «Хороброво», на Пасху поехали в село Андрианово, в храм святителя Николая, где уже полюбили молиться летом, к нашему отцу Владимиру.

В день, когда родился Господь...

На Рождество Христово в школьном храме прошла ночная служба. Придя в девять часов вечера в школу, все прихожане могли заметить, как изменился наш храм: полы покрыты плиткой вместо ковров, иконостас украшен еловыми ветками и гирляндами. Также сделана новая часть храма, где располагается свечной ящик. И теперь храм поражает своим внутренним убранством. Но этому предшествовал месяц напряженной работы.

В школу каждый день доставляли килограммы цемента и плитки. Алексей Юрьевич и Владимир Иванович работали не покладая рук. В храм никого не пускали. Видимо, очень хотели сделать сюрприз. И у них это получилось! За неделю до праздника началась генеральная уборка. Лариса Геннадьевна сбилась с ног, пытаясь все сделать, все успеть. Пономари начали уборку алтаря. Плитка была очень грязной, и оттирать ее приходилось несколько раз. Но вот все готово к празднику. В восемь часов вечера хор начал спевку. В девять началась исповедь. Вел службу отец Павел...

У алтарников проблемы начались задолго до начала службы. То нет подноса для литии, то кадило не готово, то ножа нет — в общем, все неприятности, сопровождающие любой большой праздник. Благо, отец Павел позвал нам в помощь пономаря Димитрия. Без него мы бы не справились. Служба шла очень тихо и спокойно, хотя нам, пономарям, пришлось побегать. Что-то, безусловно, не получилось. Но мне кажется, что служба прошла очень хорошо. Она закончилась в четыре часа утра. Все, даже малыши, стояли благоговейно, понимая всю важность происходящего. Конечно, все устали. Но та радость, которая переполняла сердца всех молящихся, окупила всю усталость.

...А когда мы выходили из школы, некоторые более внимательные и менее сонные видели, как загорается заря нового дня. Дня, когда родился Господь наш Иисус Христос.

Михаил Алексеев, 11 класс (2010 год)

Но нас становилось все больше, нас уже не вмещал автобус, желание встречать Пасху всем вместе укреплялось... Да и не только Пасху!

Когда-то к нам в гости в школу приехали два Соловецких монаха, игумен Герман и игумен Зосима. Они молились с нами на утреннем правиле, все осмотрели, были на трапезе, и в целом им у нас понравилось. Уезжая, подарили школе кадило, епитрахиль и поручи. «Зачем?» — удивилась я. «Надо, чтобы в школе появился свой храм. И он у вас обязательно будет».

Стыдно признаться, но мы хоть и давно говорили о создании школьного храма, но какой-то страх останавливал нас, не давая совершить решительные действия в этом направлении.

Мы ведь возим детей на литургию в Жилино и в наш приходской храм Петра и Павла, стараемся причащаться всей школой не реже раза в месяц, что еще надо? Так я думала и что-то такое сказала и отцам. «Ты не понимаешь, — терпеливо объяснял отец Герман, — литургия, совершающаяся в школе, будет освящать и здание, и всю вашу жизнь».

Школа разрасталась, и возить детей на службу в другие храмы становилось все труднее. Сложно было в условиях приходской церкви и следить за детьми, и приучать их к порядку. Они мешали прихожанам, как бы терпеливы те ни были, а некоторые прихожане раздражались и мешали нам. Необходимость в домовом храме во всех отношениях назрела.

Место для храма нам выбирать не пришлось, оно уже давно было выбрано и, не побоюсь сказать, намолено.

Только в первые лет пять на месте нашей молельни была мастерская керамики, а «намаливали» мы первоначально нынешнюю художественную мастерскую. Потом, когда внизу, на первом этаже, появилась трапезная, мы догадались расположить молельню над ней, помышляя втайне и об уместности в будущем именно здесь школьного домового храма. А мастерские, таким образом, образовали единый блок в дальнем крыле, с выходом на хозяйственный двор. И время потом только подтверждало удобство такого расположения.

Но чтобы в будущем не переделывать, мы уже в 2003 году начали продумывать план реконструкции и строительства новых помещений, в том числе настоящего домового храма, и тогда же Михаил Юрьевич Кеслер, отец нашего выпускника Вани, подготовил нам проект реконструкции со строительством третьего этажа, храма и спортивного зала. Потом проект еще менялся. Нынешний вариант реконструкции делал и делает выпускник 97-го года, архитектор Володя Могунов. Только вот до строительства большого храма, спортзала и третьего этажа никак дело не дойдет,

несмотря на явную тесноту и наличие всех техусловий. Только одного «условия» все нет. Понятно какого — денег. Но всё равно все наши внутренние перестройки мы обязательно согласуем с этой перспективой и верим, что когда-нибудь Господь благословит нам строительство, для чего пошлет добрых помощников и благотворителей.

Но вернемся к домовой церкви. В 2008 году по согласованию с благочинным Люберецкого округа протоиереем Димитрием Мурзюковым за время Великого поста, по проекту Алексея Юрьевича и под его руководством, на месте молельни был устроен Храм во имя преподобного Сергия Радонежского.

На Пасхальной неделе во вторник состоялась первая литургия в новом школьном храме! Пришли все учителя, ученики, много родителей и выпускников школы. Служил сам благочинный. Пели дети — был уже опыт пения в храмах, в том числе и в Светлое Воскресение!

С тех пор Богослужение совершается в школьном храме примерно один раз в месяц в течение всего учебного года, обычно в дни Двунадесятых и Великих праздников.

На службах поет школьный хор, если все дети готовятся к причастию, то накануне в Храме проходит исповедь. Приходят и жители поселка, а после литургии гостей вместе со школьниками кормят завтраком и угощают чаем в трапезной, как положено, с молитвой и чтением.

И вот постепенно мы начали замечать качественное изменение в жизни школы. Многие вещи, дававшиеся с большим трудом, стали получаться сами собой. Дети полюбили свой храм и молитву в нем, не нужно больших усилий, чтобы объяснить необходимость молитвы и чинного поведения во время ее совершения. Глубже стал сам дух общения и взаимодействия людей. И я поняла слова отца Германа, сама осознала на опыте, что совершающаяся в Церкви Божественная Литургия освящает и наполняет благодатью само здание и всех, кто в нем пребывает.

На школьных Богослужениях дети вместе со взрослыми поют, помогают батюшке, следят за порядком. Но самое главное, здесь у каждого совершается своя внутренняя духовная работа, труд над очищением своей души, труд молитвы и приближения к Богу — одинаково нелегкий для любого человека, вне зависимости от возраста и жизненного опыта. Здесь чаще, чем в иных ситуациях, взрослые учатся у детей и получают от них молитвенную помощь и поддержку. Здесь мы все, взрослые и маленькие, в первую очередь — церковная община. Здесь строчки из другого куплета школьного гимна — «Наставники, ученики, мы с вами все по духу близки.... Мы братья и сестры, единые во Христе» — исполняются буквально.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

История поездок и паломничеств как история нашего духовного взросления

ЗА ЛОЗОЙ

ам очень не хотелось, чтобы в нашу школу поступали только богатые люди. К тому же в 1992-ом разбогатеть успели, в основном, люди с непростой биографией. И мы решили работать и зарабатывать вместе с детьми, совмещая самоокупаемость с воспитательным процессом. Думали, что основными источниками дохода станут практические занятия с детьми геологией и плетением.

В школе сделали склад образцов, хотели собирать и продавать коллекции. Закупив несложные станки, занялись с ребятами обработкой поделочного камня. Пришла мастерица, которая помогала оправить камень в кожу. Получалась очень стильная бижутерия из натурального материала, которую с удовольствием приобретали родители и друзья, учитывая, что рынок в это время был еще пуст.

Геологическое направление закрылось само собой после разлада с Олегом, когда окончательно стал определяться и вектор нашего движения к православному образованию. Были потом попытки его возродить, но всегда чего-то не хватало — то сил, то людей.

Но, кроме того, мы на опыте постепенно убедились, что не сможем совместить задачи образовательные и производственные. Поняли: ремесла останутся в школе обязательно, как важнейшая часть образовательного процесса, редко принося прибыль, но зато всегда требуя немалых материальных затрат.

А вот деловые поездки не только сохранились, но и сильно развились за эти годы. И связаны они с добычей ивового прута.

В первую же осень мы с детьми отправились ко мне в деревню Дылдино, где я готовила ребятам в русской печке, а Алексей Юрьевич

Нам выдали секаторы — и понеслось!

Всё началось с того, как я проснулся, оделся, собрался и приехал в школу. В школе я увиделся с друзьями, мы загрузили автобус едой и вещами и отправились в путь. Путь был долгим. Сначала мы заехали в Сергиев Посад, покушали и приехали в любимый лагерь Хороброво. Мы вышли из автобуса, зашли в дом, покушали, и когда мы кушали, Алексей Юрьевич предложил сыграть в викторину. После викторины мы помолились и легли спать. Впереди нам предстояла большая работа.

Утром мы позавтракали, собрались и поехали на «лозинное» поле. Мы устроились: принесли стол, табуретки, лавочку, ложки, тарелки и чашки, нам выдали секаторы — и понеслось. У меня была самая большая бригада, она состояла из пяти человек, и поэтому Алексей Юрьевич дал нам самую большую плантацию. Мы её закончили за 3 дня, а потом помогали другим доделывать плантации. Вечером мы играли в «крокодила» и утепляли окна. Утром нас ждала плантация. Наутро у нас уже были мозоли, но мы всё равно работали и ждали полевого обеда. Нам готовили обед Ирина Вячеславовна и Лариса Геннадьевна. Они готовили очень вкусно. Вечером мы опять играли в «крокодила».

До обеда вся лоза была собрана. Мы её сначала склеивали, а потом клали в большие кучи, где будет проезжать трактор. Все мальчики клали пучки в прицеп для трактора, а потом трактор эти пучки и нас вёз, мы всю лозу выкладывали в назначенном Алексеем Юрьевичем месте. Нам обошлось всё это в 3 прицепа. Это всё весило 10 тонн. И, наконец, наша работа окончена, мы собрались, загрузили автобус вещами и поехали домой. Мне очень понравилась поездка на лозу, и я поеду ещё раз! Никита Сорокин, 6 класс (2011 год)

ходил с ними стричь лозу под линиями электропередач. Вечерами сушились и грелись у печи. Играли, шутили, пели.

Весной А.Ю. повез группу ребят за Рязань, где годом раньше он посадил иву у знакомого фермера. Оправились с Володей Янчевским на купленном им недавно грузовике.

Лоза, как выяснилось, не выросла. Но чтобы не возвращаться порожняком, притащили много глины для керамики, большие куски

Бесконечные ряды лозы

«Я закрываю глаза и осознаю, что вижу лозу!» Вот что говорили многие из тех, кто ездил на каникулах стричь лозу в Святово, недалеко от Хороброво. После целого дня на поле у некоторых ещё было такое — когда они брали что-то в руки, они инстинктивно это сжимали, как будто в руке секатор.

В первый день, увидев бесконечные ряды лозы, я подумала, что проведу три нескончаемых, кошмарных дня. Но мы начали стричь, потом оглянулись и увидели, что уже находимся далеко от начала. Развлекали нас ещё и Стас с Сережей Бабаковым — своим образом работы. Но мы были рады за них, потому что они поеханами Хороброво. Кто-то eceвремя фотографировал, так что не улыбаться мы не могли. Ещё весело было девочкам-поварятам, которые готовили обеды на поле. Засыплешь рис в кипящую воду для супа, оглянешься, и уже пена выливается из-за бортов кастрюли. Быстро-быстро надо помешать макароны, а то пригорят! Но только опустишь половник в кастрюлю, как весь дым от костра направляется прямо в лицо... Несмотря на все это, кушать на поле оказалось очень вкусно.

После дня на поле мы приезжали в лагерь, где другая маленькая команда приготовляла дом к нашей зимней поездке. Вечером мы занимались придумыванием песен, пантомим, натюрмортов...

Нина Неверова, 9 класс (2010 год)

кремния и липу с лесосеки. Только до этого произошло смешное приключение, которое сразу вошло в историю школы.

Среди других ребят был невысокий очкастый восьмиклашка Ленька Котов. И когда машина увязла, как говорится, по самое брюхо в весенней грязи, именно Леньку отправили за трактором к фермеру. Трактор дали, машину вытащили, но через десяток метров она опять погрузилась в грязь. До места, намеченного для установки палаток, оставалось некоторое расстояние. Леню отправили снова. И снова откликнулись добрые люди.

Но когда Леня явился к аграриям в третий раз, они сосредоточенно возились со сломанным конвеером и только отмахнулись от надоевшего мальчишки.

Ленька хорошо понимал, что отступать некуда, и стоя за спиной пыхтящих дяденек, внимательно следил за их работой, а, дождавшись паузы, тихо ныл: «Дяденьки, ну что же нам делать, дайте, пожалуйста, трактор!» Дяденьки не обращали внимания. В какой-то момент, приглядевшись, Ленька радостно воскликнул: «Дяденьки, да что вы мучаетесь! У вас просто фазы нет!» Дяденьки не среагировали.

- Мальчик, иди отсюда подобру-поздорову!
- Так трактор...
- Дайте вы этому пионеру трактор, и пусть идет отсюда!...

Трактор приехал, вытащил машину, и лагерь наконец-то был установлен.

К вечеру на огонек костра подошел один из «дяденек», фермер Алексей с ведром молока, и спросил стеснительно:

- Где у вас тут пионер, который за трактором приходил?
 Показали на Лёню.
- Слушай, пионер, держи молоко фазы-то, действительно, не было!

* * *

Напомню, что лоза за Рязанью не выросла. Нужно было искать прут. И как-то в субботу Алексей Юрьевич с группой ребят и с дядей Володей Янчевским на его УАЗике поехали на поиски снова в сторону Рязани. Искали по берегам рек, в основном на Оке, лазили по самым невероятным оврагам и буеракам, но ничего не могли найти...

Уже к вечеру завидели живописные церковные купола и решили заночевать где-нибудь неподалеку, чтобы утром побывать на службе.

Переправившись на пароме на красивый остров, поставили в темноте лагерь и легли спать. А когда проснулись, увидели над собой

раскачивающиеся, как в бамбуковой роще, ровные и длинные побеги великолепного ивняка.

Потом мы узнали, что на этом месте до недавнего времени была плантация сортовой лозы, и колхоз занимался плетением корзин.

А купола, как оказалось, принадлежали возрождающемуся Иоанно-Богословскому монастырю, куда с тех пор мы стали ездить и за лозой, и на источник, и на первые послушания.

Теперь у нас есть плантация лозы неподалеку от летнего лагеря Хороброво. И каждую осень, по сложившейся традиции, ребята едут на сбор урожая. А вечерами сидим в Хоробровском доме у построенной своими руками огромной печи, сушимся, греемся. Играем, шутим, поем.

ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА ЛАВРА

о, что нам всем кажется недавним прошлым, постепенно стало историей. И мы с недоумением обнаруживаем, что наши дети плохо представляют, что было всего 20 лет назад, будто забываем, что многих из них тогда и в проекте не было.

90-е были трудными, но интересными. Тогда мы делали то, что уже не решились бы, а может и не смогли сделать сейчас. Мы торили дорожки и искали пути. В основном обращались к прошлому, к опыту досоветского образования и

к тому, что накопили соотечественники за рубежом. Но главное подсказывала сама жизнь. Верю, что нами, немощными и неопытными, руководил Господь. Не то что верю, но вижу ясно и могу доказать, как дважды два. И история наших паломничеств — тому подтверждение.

Что считать первым паломничеством? Пожалуй, поездку с детьми в Троице-Сергиеву Лавру в первый месяц существования школы, 21 сентября 1992 года. Тогда школа не называлась православной и даже жила под другим именем, так как открывались за две недели и на оформление документов не было времени.

На Рождество Пресвятой Богородицы я предложила старшеклассникам поехать в Сергиев Посад. К тому времени мой «стаж» регулярного хождения в храм насчитывал более десяти лет, но как мало я и сама тогда знала о православии! По дороге в Лавру я почему-то подумала, что едем «не по адресу», что сегодня надо было везти ребят в храм Рождества Божьей Матери. И не знала еще, что именно в праздник Рождества Богородицы в 1280 году здесь, у Святой Троицы, по молитвам

преподобного Сергия за Русское воинство и князя Димитрия Ивановича Донского, решалась судьба Руси на Куликовом поле.

В электричке ко мне подошла одна из наших девочек, Аська Гумилевская, и сказала, что хочет сегодня покреститься. Я понимала, что не имею права крестить ребенка без согласия родителей. Пока я мучилась раздумьями, подошли еще четверо — Аня Ландман, два брата Чиркиных и еще два мальчика, все девятиклассники. «Не могу», — отказывалась я.

Мы сошли с электрички, поднялись в гору. Лавра встретила нас во всем своем великолепии. Осмотрелись. Постояли в храме. Литургия подходила к концу. Высокий пожилой священник, — почему-то я решила, архимандрит — вынес крест. Я подошла, приложилась и решилась задать вопрос. Что мне делать, если ученики просят их крестить, а у меня нет на то разрешения их родителей? Я была уверена в отказе. Но священник благословил пойти за территорию Лавры в Ильинский храм и крестить ребят.

Мы обошли Лавру, поднялись на горку к церкви. Служба закончилась. Священник уже собирался уезжать, садился в машину. Я подбежала, рассказала всю ситуацию. Священник вышел из машины и повел нас в новенький нарядный домик-крестильню. О плате я, честно говоря, не вспомнила, а батюшка не спрашивал.

Хорошее было крещение. Больше ни разу в жизни подобного не видела. Светило солнце. Батюшка совершал таинство неспешно, останавливался и объяснял ребятам, что сейчас с ними происходит и зачем нужно делать и говорить то или другое. И я оказалась всем им в какой-то мере крестной.

С тех пор каждый год на Рождество Богородицы мы стараемся побывать в Лавре. Пока нас было не очень много — добирались на электричке. Когда появился автобус — на нем. Через несколько лет мы уже арендовали по два туристических больших автобуса. А когда и это стало сложно, решили — ездим в Лавру в течение года, а двадцать первого, в день Куликовской битвы, отправляем в паломничество 1-й класс.

Одна из девочек, которые крестились в тот день, теперь работает учительницей в нашей школе. Другая — растит пятерых детей. И дети их учатся в школе. Теперь уже точно православной — школе «Образ».

Мы ездили на экскурсию в город Сергиев Посад в монастырь Троице- Сергиева Лавра.

Когда мы ехали на автобусе, нам Любовь Анатольевна рассказывала, что преподобный Сергий Радонежский родился недалеко от Ростова, в семье боярина Кирилла и его супруги Марии. Когда Сергий был маленький, он никак не мог научиться читать. Но Бог ему помог, и он зачитал. После смерти родителей он вместе с братом ушел в лес, чтобы служить Богу. Вскоре к нему начали приходить монахи за советом и помощью. Сергий Радонежский творил множество чудес, помогал бедным и немощным.

Мы доехали до монастыря. Нас отвели в трапезную, мы поели и пошли на экскурсию. Самый большой храм был Успенский! Когда я его увидела снаружи, меня охватило такое чувство, что я очень маленькая. Просто у этого храма были огромные купола! Когда я вошла в храм, у меня дух захватило. Внутри он был такой большой, просто громадный. Там были мощи Сергия Радонежского. Мы все приложились. Там еще был иконостас. Он был семиярусный, громадный. В этом храме каждое воскресенье проводят службы. Я бы хотела послушать, как там поет клирос...

Дарья Полякова, 5 класс (2011 год)

ПИГУЛИНО

има 1995 года. Школьный приятель Алексея Юрьевича, недавно ставший священником, получил приход в Вяземском районе Смоленской области в селе Пигулино. В крещенские каникулы мы решились поехать к нему на приход, чем-нибудь помочь, помолиться, стать поближе к церкви. Ехали скорым поездом до Вязьмы, оттуда на рейсовом автобусе. Всего человек 17. Мы с Алексеем Юрьевичем, наши дети —

пятилетняя Лиза и восьмилетний Ваня— Антонина Николаевна Кравченко, учитель биологии. Был еще мальчик лет десяти, Дима Литвинов, ныне дьякон и многодетный отец, десятиклассник Леня Котов, ныне иеродиакон Никон, подвизающийся в Троице-Сергиевой Лавре, девятиклассники Вова

Могунов и Сергей Афанасьев, их ровесница Оля Кузнецова, ставшая со временем регентом, и кто-то еще из ребят, точно не помню, кто. Но в основном это были взрослые мальчики.

До этого в гости к отцу Алексею уже приезжали друзья, имеющие опыт церковного пения, пели на клиросе. Приезд человек пятнадцати молодежи мгновенно пронесся по селу новостью: «Хор приехал!». Через несколько лет два участника этой поездки станут отличными регентами, но тогда никто из нас петь на службе не умел ничего, кроме «Символа веры» и «Отче наш». От руки переписали крещенский тропарь «Во Иордане крещающеся тебе Господи...», кто-то с уверенностью знатока поинтересовался, каким гласом его петь. Батюшка, без труда разгадав степень нашей осведомленности в церковном пении, твердо ответил: «У нас здесь один глас — глас бабы Ирины, нашей певчей».

Но, как я помню, почему-то на службе сочельника пришлось петь самостоятельно. Отец Алексей посоветовал — главное, все время пойте тропарь. Мы старательно пели на вовсе неведомый миру глас. Служба, на которую ребята натащили огромное количество воды из колодца, шла долго. Когда к обеду мы вернулись в избу, девочки никак не могли остановиться: «Во Иордане...»

Вечером пришла чудесная, иссохшая от своих годков настолько, что казалось, ее несет ветерок над поземкой, укутанная в старые шали бабушка Ирина. Пела она старческим, чуть дрожащим голосом, на особый полународный напев, но чисто и уверенно. С ней еще одна высокая красивая старуха с сильным голосом. Мы, как могли, подпевали. В какой-то момент батюшка попросил старух спеть кант. Они запели о преподобном Серафиме: «Ночь. Как безмолвные зрители,/ Звёздочки смотрят с небес./ Тихо вокруг, от обители/ Тянется Саровский лес...». Последние две строчки повторялись. Уже со второго куплета к старушечьим искренним и просветленным голосам стали присоединяться неуверенные баски, альты и дисканты. А к концу длинного-предлинного канта пели все мы и наши дети, и я плакала, а краем глаза видела, что плачут и все мои здоровенные парни.

Ночью случился пожар в одной из построек на территории храма. И мальчики во главе с Алексеем и отцом Алексеем почти до утра его тушили. Батюшка попросил оставить происшествие в тайне, и что удивительно —половина участников поездки, девочки и младшие мальчики, узнали о нем только через много лет. К утру у Лени поднялась температура 39. Но он был единственным из ребят, кто раньше уже помогал батюшке в алтаре, и потому пошел на службу.

Самое трепетное событие зимы

 \dots Особенно часто я вспоминаю Иордань. Это самое трепетное событие зимы.

Каждый год все начинается со сборов в школе. Именно в этот момент начинаются обсуждения будущего. Все начинают волноваться и спрашивать друг друга: «Окунаться будешь?»

Потом мы с большей частью школы загружаем наш «театр на колесиках» декорациями и реквизитом и отправляемся в путешествие. В дороге происходит много разных игр и разговоров о том, кто решил окунаться и чего ждать в этой поездке. Если с нами из школы едут новички школьных приключений, которые боятся Иордани, то начинается пугающий рассказ о глыбах льда, стоящих на снегу, горящих бревнах, окружающих ледяной крест, вырезанный бензопилами во льду, о том, как в прошлый год в 25 градусов они окунались, а потом ломали волосы на голове, отогреваясь у костра. Но до этого момента надо еще перенести много испытаний.

....В этот раз наша обычная поездка затронула новые места. Из Варниц мы поехали в село на горе под таинственно радостным названием «Дивная гора». С нами в поездку отпустили трех учеников: Корнея, Ивана и Сергея. И они нас очень выручили, сыграв вместо отсутствующих мальчиков. После выступления нас покормили чаем с пирогами, а потом показали храм, в котором служит о. Борис. Этот батюшка был очень простой, веселый и очень гостеприимный. Он нам спел известную песню «Мама» ансамбля духовенства Ярославской епархии», а мы для него спели песню про коня.

На крещенский сочельник я уехал к себе в Дмитриевское, где помогал отцу в службах. В эти дни я особенно ощущал долгожданный день Крещения. В нашем храме Литургия была ночью. А днем 19 января я поехал в Андрианово.

В этом селе, вот уже какой год, «Образ» выступает в клубе с концертом. Когда я приехал, наш «бычок» уже стоял. Его разгружали мальчики, а из коридоров ДК слышен был родной голос Марины Евгеньевны, которая организовывала зал. Вскоре приехали остальные участники спектакля, и началась суета с реквизитом. Наш спектакль смотрели три священника и много гостей. Среди них были представители КСК «Святово», которые подарили нам конфеты и сладости.

После концерта началась самая тревожная часть перед Иорданью. Мы собираемся, готовимся и едем на нашу родную речку Нерль. Там, вот уже который год, местные мужчины вырезают большой крест — прорубь, и изо льда же сделан большой крест на льду. Он разукрашен разными красками, а в нем — фонарики, которые подсвечивают крест изнутри. Сбоку от Иордани, из того же льда, поставлены буквы, составляющие надпись «Крещение Господне». Нижняя часть Иордани была закрыта палаткой, куда можно было зайти и окунуться. У нас была своя система. Когда мы туда приезжаем, мы разделяемся на группы по 7 — 8 человек.

Сначала в Святую воду под пение тропаря один за другим идут мальчики. А на улице нас уже поджидает костер, чай и сладости. Потом приходит очередь девочек. Судя по крикам, они молятся более усердно. И потом занимают места на согревание у костра. По приезде в лагерь мы укладываемся спать, а на следующий день нас опять ждет Москва...

Тихон Беляев, 10 класс (2011 год)

На Крещение съехалось много народу, в основном запеленутых в шали старух, которые прибыли на санях и привязали своих лошадок к церковному забору. Служба была долгой. А в конце ее парни подняли старинные алые и золоченые хоругви, и все пошли из храма по крещенскому морозцу, под ослепительным зимним солнышком к речке, где была с вечера вырезана Алексеем с ребятами простая круглая прорубь в полуметровом льду. «Хор» радостно голосил «Во Иордане...», и виделся дух в виде голубине, и было холодно-прехолодно. Но после того как освятили

воды и батюшка кропил нас из проруби, и вылил на пышущего жаром Леньку три ковша воды, вдруг стало жарко всем и весело-превесело. (Я с тех пор из года в год замечаю одно и то же чудо — когда идешь к рекам на освящение вод, мерзнешь и тужишь, а когда бежишь обратно, то нет холода, но жар и ликующая радость).

Было два часа дня. Мы с шести утра были на ногах, почти не спали ночь и со вчерашнего дня не ели. Я побежала вперед, поставила на печку обед, и ждала ребят у ворот, спеша их накормить и обогреть. Но они мчались мимо с ликующим криком «По коням!» и один за другим уезжали с

Когда мы крестным ходом пошли к реке Нерль, мне очень посчастливилось — досталось нести икону Богоявления, икону праздника! Нам всем очень понравилось освящение воды: во льду реки была вырублена прорубь в виде креста. А большой крест изо льда и весь ледяной городок был вокруг Иордани. А окунались мы вечером. Для меня все это было в первый раз. И не было никакого страха! Эта радость будет со мной на всю жизнь.

Тимофей Волков, 6 класс (2006 год)

закутанными старушками на их Саврасках куда-то вдаль — кататься по веселому морозцу!

...А вечером, когда я тщетно пыталась отмочить на ужин подаренную кем-то солонину, в дом ввалились испуганные дети, ведя посредине мою маленькую Лизу, из ручонки которой сквозь варежку потоком лилась кровь. Оказалось, что на самодельных, согнутых из жести санях, на которых перед этим так весело перевезли кучу дров, дети катались с горки у реки, в кучемале повалились все на Лизу. Рука ее попала на острый край саней... Как ей вовсе не отрезало руку этим ужасом?

Ночью ехали на скорой в городок Холм-Жерки, зашивали ребенку ручку, ночевали в гостях у местного батюшки, отца Евгения. Так я впервые узнала на горьком опыте о странной, на первый взгляд, закономерности — после большого Божьего дела, какой-никакой духовной победы, жди и искушения. И очень часто эти искушения резали меня «по-живому» — чтонибудь случалось с моими родными детишками. Особенно, если развеселившись, забудешь о молитве и осторожности.

В АРХАНГЕЛЬСК

ервый школьный автобус, ПАЗик, появился у нас в 1995 году. А летом 1996-го мы решили поехать на нём — что мелочиться? — на Белое море, а там, «как-нибудь», добраться до Соловков!!! До Архангельска. С кучей детей, на ПАЗике, по карте. Можете себе представить? Об отпусках мы в те годы не помышляли, и если б не «осознанная необходимость» отправляться с детьми в

дальние поездки-паломничества, так бы и сидели в школе, погибая в ремонтах старого здания. Но решимость ехать в поездку заставляла закончить очередной этап ремонта в рекордные сроки и просто опрометью отправиться в путь.

Точно так было и в этот раз. Затянулся ремонт двигателя, никак не могли получить техосмотр. В конце концов, ребята из ГАИ сами подъехали в школу посмотреть сохнущий после покраски автобус. Спросили, куда едем. Когда я радостно сообщила про Архангельск, инспектор слегка поперхнулся и дружески посоветовал, отъехав от Малаховки километров 60, разбить лагерь и спокойно себе отдыхать.

Но мы поехали. А чтобы не тянуть и не откладывать выезд в четвертый раз, выехали, как только получили талон техосмотра — вечером.

Мы ничего не знали о предстоящем маршруте! Не было у нас ни книг, ни интернета. Хорошо, подруга рассказала, как недавно побывала в Переславле-Залесском, и посоветовала заехать в Никитский монастырь.

Под Переславлем мы были в 10 вечера. Встали на обочине и заснули в автобусе. А утром поехали в Никитский монастырь. Надо сказать, это было великолепное начало, а Никитский монастырь с тех пор стал излюбленным местом наших паломничеств. Вериги Никиты-мученика, его подземная келья-столп, источник на месте его покаянного «стояния на комарах» проповедовали лучше любых книг и уроков.

Потом мы направились к Ярославлю. Тогда мы не знали, что с этим городом, с этой, уточним, епархией, нас через несколько лет так плотно свяжет жизнь. Так что начало было символическим.

За 10 верст до Ярославля (это место я запомнила на всю жизнь!) под автобусом что-то страшно заскрежетало, казалось, он сейчас развалится на кусочки. Кое-как мы нашли место стоянки возле живописного карьера, разбили лагерь. А утром я с водителем Мишей на скрежещущем автобусе поползла в Ярославль.

Нам повезло— на въезде в город нам показали автобусный парк. Я пошла к главному инженеру, рассказала, что везем детей в паломничество... Нас поставили на ремонт.

Миша с мастерами сидел в яме. Оттуда раздавались всякие слова, а я над ними в автобусе терпеливо читала акафисты... Дай Бог здоровья тем добрым ребятам — почти бесплатно они фактически собрали и установили новую коробку передач, на которой мы потом ездили несколько лет без поломок.

Забежав вперед, расскажу о том, как на обратном пути, через 10 дней, мы с тем же водителем, снова оставив детей на берегу карьера, поехали на Ярославский шинный завод покупать колеса. Сейчас, к счастью, понятие «рэкет» почти всеми забыто. А тогда оно было так же понятно, как слово «рынок» и «магазин». И вот сидим мы на площади перед заводом и ждем, когда придет на работу администрация. Я читаю книгу.

Вдруг с улицы входит высокий плечистый парняга лет двадцати, а за его спиной робко стоит наш щупленький водитель. И вот парень начинает что-то мямлить про то, что они тут охраняют стоянку, и если я ему не заплачу, — а возьмет он с меня самую малость, меньше, чем со всех, — то меня потом «оштрафуют» другие. До меня доходит постепенно, что вот передо мной самый натуральный рэкетир. И я не понимаю, чего он так боится, чего мямлит — может, его моя книжка смутила?

Не знаю, что на меня нашло. Я посмотрела на него строго-строго, как на двоечника, и вежливо спросила: «Скажите, пожалуйста, Вы в школе учились?»

- Учился.. пролепетал парень, совсем растерявшись.
- А учительница у тебя любимая была?
- Бы...была... Анна Михайловна... А что?
- А то, что я вот учительница, еду с детьми по святым местам, колеса на школьный автобус покупаю, и зарплата у меня 3000 рублей 3 , а ты хочешь, чтобы я эти деньги ни за что ни про что кому-то подарила?!

Парень попятился в полной оторопи. Право слово, он едва не плакал. Как вызванный к директору зарвавшийся озорник.

— Да ладно... да что Вы так... да я ж!

Он почти уже спустился со ступенек, как вдруг его будто осенило:

—У Вас ведь обязательно еще... ну, деньги попросят. Вы тогда скажите, что я не велел брать. Вот я вам и имя свое напишу. Я Саша. Смирнов.

³ Честно говоря, не помню, какие тогда были денежные измерения – в рублях, тысячах, миллионах? Но он просил, действительно, сумму, соизмеримую с моей зарплатой.

Я снисходительно согласилась принять обрывок бумаги с фамилией...

— Ладно, тезка, давай твою записку! — хотя прекрасно понимала, что она нам не понадобится.

Но это будет на обратном пути. А пока, забрав ребят, осмотрев, какие нашли, достопримечательности Ярославля, мы с новой коробкой катили по карте в сторону Пошехонья. Очень нам название понравилось! А еще привлекала дорога вдоль озера, дающая надежду на частые купания.

Но берег Рыбинского водохранилища оказался болотистым, непригодным не только для купания, но и для постановки лагеря.

...В Вологду мы на пути туда заезжать не стали. А устремились на берег Белого озера. Путь затягивался, дети, небольшие еще по возрасту, начинали ныть. А тут еще водитель робко сообщил мне, что вообще-то он сильно не советует ехать дальше Белозерска, потому что там по пути и лагерем встать негде — сплошная колючка, зоны...

Об это сломалась и наша решимость.

И тут — Белозерск. Ничего подобного я ни до, ни после не видела и представить не могла. Было ощущение приморского провинциального городишки начала 20 века: деревянная пристань, громко плещущие о берег волны, улицы, стекающие к огромному озеру без берегов, спокойные, полные достоинства прохожие, гостиные ряды и храмы...

Найти место для стоянки оказалось очень сложно. Кроме этой пристани, весь берег был опоясан глубоким и широким каналом, и встать непосредственно у озера не получалось. У канала, правда, тоже было неплохо, но слишком близко к домам и огородам, как-то неромантично.

В воскресенье на литургии в приходском храме не было ни шороха. Кажется, никто ни разу не переступил с ноги на ногу. Как выдержали наши дети — не знаю. Но шевельнуться казалось немыслимо. Выяснили у батюшки, что Кирилло-Белозерский монастырь вовсе не в Белозерске, а в Кириллове, километрах в восьмидесяти отсюда. И что если проехать вдоль берега на восток, можно на берегу найти место для стоянки.

...У Шексны, впадающей в озеро, долго ждали парома. Смотрели на полузатопленный храм. Еще не представляли тогда до конца, кем, когда и как были выстроены все эти каналы. Дети босиком бегали по берегу.

К парому подкатила «Волга» и встала около нашей живописной группы. В открытом окне мы увидели паренька, который явно читал псалтирь. Потом из соседней дверцы вышел высокий молодой монашек с длинными волнистыми волосами.

Мы поздоровались. Он смотрел на нашу босоногую детвору с добрым смехом. Рассказали немного о себе. Решили узнать про Кириллов монастырь. Выяснили, что он не действующий. Но есть храм и музей. И получили приглашение на обратном пути заехать в Вологду в Спасо-Прилуцкий. Не обещали — не знали. Как получится.

На Белом озере мы стояли несколько дней. Это были волшебные дни. Озеро плескалось о берег с морским шумом в трех метрах от палатки. Сияло солнце. Вода была теплее парного молока, мелкая и ласковая. Каждое утро на рассвете с берега уходили рыбацкие шлюпки проверять сети. Это были настоящие рыбаки-профессионалы, потомки тех, кто когдато по зимнему пути, как отец Михайлы Ломоносова, отправлял отсюда обозы с метровыми судаками к царскому столу.

Надо сказать, тогда в магазинах хорошей рыбы почти не было. Мы покупали огромных судаков. И ели до отвала.

Вечером сидели на берегу, любовались закатом, кто-то штопал спальник, и вдруг тихо запели... В тот момент я ощутила удивительное чувство семейного мира, идиллическое состояние счастья.

Перед отъездом я решила, пока все ездили куда-то в город, засолить в огромном баке килограмм 50 рыбы, которую купила за бесценок. Хотелось привезти друзьям и родным гостинчик! Сколько я ее потрошила, стоя по колено в теплой озерной воде... Высыпала пачку соли...

Через два дня пути по автобусу уже явственно разносился запах тухловатой рыбы. До дома мы ее все же довезли. Оказалось, конечно, что и жабры я не вынула, и соли положила совсем мало. Закопали мы этих судаков под полудикой яблоней, и с тех пор эта яблоня стала отлично плодоносить!

Так вот, наступило время возвращения. Спешили на службу к празднику Смоленской иконы. И я как-то подумала — вот мы на Смоленскую попали на север, а в самый раз бы нам быть у отца Алексея в Пигулине.

По пути попали в волшебное Ферапонтово. Увидели обрушающиеся фрески, опечалились. Но самое интересное было все же в Кириллове.

Мы приехали туда к вечеру. Монастырь поразил величием стен, сложенных из огромных, в рост, камней. Поразил величавой северной красой, отраженной в глади озера. Походили вокруг, поискали вход. Всё было закрыто. Не помню, кто нам объяснил, что здесь службы не будет, но если хотим, нужно проехать в какую-то деревню в нескольких километрах от Кириллова. Надо было спешить, куда-то тащиться, чтобы потом стоять

службу в маленьком сельском храме, каких и дома немало.

Но поехали, что было еще делать? Встали лагерем среди чахлых кустов в тучах комаров. Переночевали. И утром попали как раз на архиерейское богослужение. После службы владыка Максимилиан пригласил нас ехать вслед за ним и за другими прихожанами на источник Смоленской иконы Богородицы. Становилось все интереснее. Наш ПАЗ был как нельзя кстати — по таким буеракам могли проехать только танки, «козлики» и «пазики».

А на источнике мы узнали, что чудотворная Смоленская икона, праздник которой в этот день совершался, недолго пребывала на родине, что преподобный Кирилл когда-то принес ее с юга — вот на это святое место. И мы в который раз убедились в величии промысла Божьего и Его внимании к нам, маленьким и слабым.

После всех молебнов владыка посоветовал нам ехать ночевать в Вологду.

- Примут ли нас, ведь прибудем уже к вечеру?
- Ничего, настоятель добрый, а вы сошлитесь на меня... И дал телефон.

Напоминаю — мобильников еще не было. Звонили мы, кажется, из автомата, закрепленного на телеграфном столбе. В монастыре обещали нас дождаться и приютить.

Приехали мы туда часам к 12 ночи. Нас ждали. Даже не пожурили. В трапезной накормили горячим ужином, отвели спать.

А утром я отправилась представиться и поблагодарить настоятеля.

Войдя в дверь настоятельского кабинета, я остолбенела...

— Так вот кто это у нас шатается по ночам, старые знакомые! — смеялся, глядя на меня, молодой монашек с парома — наместник монастыря игумен Дионисий Воздвиженский.

ДИВЕЕВО

осенние каникулы того же, кажется, года, мы отправились в паломничество в один из скитов Дивеевского монастыря. До этого там побывали и пожили Галина Андреевна и Анатолий Владимирович Паленки, и рассказывали всяческие чудеса о красоте и благодатности места, кротости и молитвенности трудолюбивых насельниц.

Ехали на ПАЗике, который хандрил как никогда и в гору лез со скрипом и пыхтением.

К скиту мы подъезжали поздно вечером. О нашем приезде никто определенно оповещен не был. Впереди на горке замерцали огоньки, и проявились силуэты каких-то строений. ПАЗик мужественно преодолевал непролазную грязь, переезжая через овражек на въезде (что-то вроде естественного охранительного рва?) В подмогу автобусику мы дружно пели известные нам молитвы.

Вынырнув из овражка, мы увидели спускающуюся с горы небольшую процессию с иконами. Получалось, что монахини шли встречать неведомых гостей. Мы пели нестройно любимый припев из акафиста Покрову Пресвятой Богородицы: «Радуйся, радосте наша, покрый нас от всякого зла честным Твоим омофором...» Двери автобуса открылись, с улицы донеслось: «честным Твоим омофором...» Два хора слились в благостном изумлении на ветру ноябрьского вечера.

Скит носил имя Покрова Пресвятой Богородицы.

С утра мы попросились на послушания. Полевые работы были почти окончены, но дело нашлось. Девочки перебирали семена и учились читать «Богородичное правило» батюшки Серафима — с тех пор оно стало привычным подспорьем во всех дружных общих работах. Анатолий Владимирович и Алексей Юрьевич что-то чинили на скотном дворе. А я с мальчиками отправилась разносить на огороде ведрами навоз.

Надо сказать, что мальчики с нами были разные, но несколько человек очень вредных и хулиганистых, которых мы и взяли-то с собой на перевоспитание. Они было заартачились, придя на огород, смотрели исподлобья. Но добрейшая средних лет послушница, каким-то неведомым мне способом взяла их в свои руки, они безропотно выполняли ее задания, все быстрее и азартнее бегали по холодку, повторяя молитвы. А матушка нет да и скажет к слову: «Так батюшка Серафим благословил...», «Батюшка Серафим говорит...» — и было ясно, что присутствие в Дивеевской округе преподобного Серафима очевидно для «его сироток».

Когда работа окончилась, ко мне подошел один из самых строптивых мальчишек: «А здорово мы поработали, а? Завтра пойдем еще? Только Вы в школе не рассказывайте, что мы ... навоз носили!»

Потом нас повели на поющий источник. При пении тропаря Пресвятой Троице в нем постепенно начинают бить со дна ключифонтанчики, так нам сказали. Мы пришли. Встали у леса над источником. Запели. На дне источника была ровная белесая муть. Мне было страшно — а вдруг не забьют, вдруг у нас не получится?! И может пошатнуться детская

чистая вера. Но вот вода дрогнула, в белом появилось прозрачное окошко, другое, третье — и вот уже явно веселые фонтанчики бьют из глубины, просветляя постепенно всю воду колодезя. Нет, детская вера поругаема не бывает. Дивны дела Твои, Господи!

Святая канавка

По ней ходила сама пресвятая Богородица. И нам довелось по ней ходить. А вокруг — березы, усеянные гнездами. Идешь, читаешь «Христос воскресе», а сама смотришь на эти березы, осматриваешь монастырь — красиво как! Особенно, когда вечером ходили. Я-то ходила один раз — с крестным ходом, а еще два — со школой. Первый раз было поздно, уже подсветки на храмах включили. А второй раз я земли набрала (килограмм, наверное). Хорошо так было... И уходить не хотелось. Хочу еще туда поехать.

Мария Волкова, 5 класс (2012 год)

Нам так понравилось в скиту Покрова в Канерге, что, списавшись со скитоначальницей, мы решили летом ехать туда на послушание. Опыт предыдущих поездок убедил, что с детьми лучше стоять лагерем стационарно, в хорошем месте, поближе к природе. В Канерге был прекрасный лес для сбора грибов, пруд для купания и даже уютный деревенский домик, который добрые насельницы скита выхлопотали и подготовили для нашего пребывания.

Мы приехали в Дивеево к вечерне. Здесь нас ждала скитоначальница. Объяснила, что нужно получить благословение матушки-настоятельницы, игумении Сергии. Ее не было на месте. Мы помолились на вечерне и стали ждать матушку у настоятельского корпуса. Дети устали, позади было 12 часов дороги. Наконец, уже в полутьме, приехала матушка. Я подбежала к ней, стала объяснять, что вот мы у вас уже были и снова приехали с детьми, чтобы пожить и потрудиться в Канерге. Игумения посмотрела, выслушала и сказала решительно: «В Архангельский скит!» «Как в Архангельский? Мы в Канергу, там уже дом...» Мне объяснили, что с игуменией не спорят, подошла начальница Архангельского скита, мы сели в автобус и поехали еще за 60 километров. В самый дальний из Дивеевских скитов.

Там не было домика, мы поселились в своих палатках. Там не было леса. Там не было пруда. Там на поле росли такие сорняки, что их приходилось (правда!) рубить топором.

Но сколько нового узнали мы в тот приезд и сколько духовной радости получили! Мы учились доить коров, делать монастырский квас. До отвалу пили этот удивительный квас, густое душистое молоко. Поверив в умелые руки Алексея Юрьевича, сестры как-то обратились к нему с необычной просьбой — починить корове лопнувшее копыто! Кажется, он замотал его проволокой.

Вечернее правило включало в себя монастырскую пятисотницу. В пустом, еще не восстановленном тогда храме Архангела Михаила, после тяжелого трудового дня насельницы метали по 500 поклонов. И что удивительно — самой не верится! — мы от них не отставали.

А на праздник преподобного, к 1 августа, мы с несколькими сестрами поехали в Дивеево. По дороге мимо нас шли крестные ходы из дальних и ближних сел, несли иконы.

С 12 ночи до 10 утра служили 4 литургии в разных храмах, вокруг собора стояли у аналоев приехавшие со всей страны священники и исповедовали народ. Благоуханно пахло цветами, ночь была тиха и торжественна, вспоминался кант, услышанный когда-то в Пигулине: «Ночь. Как безмолвные зрители, звездочки смотрят с небес. Тихо вокруг...» Несмотря на несметное число людей, было благостно, тихо и мирно.

Какой-то малыш бродил вокруг исповедников, и когда его маме предложили пройти без очереди, она ответила незабываемое: «Куда спешить? Пусть подышит благодатью!»

Все дышало благодатью.

Потом мы осели на Ярославщине, но в Дивеево стараемся приезжать хотя бы раз в четыре года на пасхальной неделе — за благодатью.

ИЗ КИЕВА НА СОЛЬБУ

а Светлой пасхальной неделе, по сложившейся традиции, мы обязательно едем в паломничество — Дивеево, Псков и Печеры, Оптина. И вот однажды, весной 99-го года, мы задумали в первый раз отправиться в Киев. Надо сказать, что жизнь требовала к лету решить вопрос — куда мы теперь будем ездить с детьми. Нас стало больше, хотелось уже обосноваться и обустроиться где-то на одном месте. У

подобных нам школ к тому времени появлялись стационарные летние лагеря или подворья «в глубинке».

Мы уже посмотрели несколько мест, но ничего подходящего не нашли. В Иоанно-Богословском был лагерь «Радонежа», Дивеевские скиты были

хороши, но для постоянного летнего детского лагеря по ряду критериев не годились. Нужна была природа, глушь и обязательно — речка. Хотели даже не ехать в Киев, а целенаправленно заняться поиском — лето не за горами. Но потом посоветовались и порешили, что в Киеве как раз и помолимся, и попросим Господа нас направить — где нам надо быть.

Не буду подробно рассказывать об этой прекрасной поездке, о первом знакомстве с Киевскими святынями, к которым потом мы стали возвращаться, как и во Псков, и в Дивеево. Мы побывали в пещерах, помолились в скитах. Осмотрели город, поклонились его святыням. Просили детей молиться, чтобы Господь указал место летнего отдыха. Дело уже подходило к отъезду, когда на литургии в Покровском монастыре, после причастия, ко мне подошла миловидная ласковая монахиня.

- Вы руководитель?
- Я.
- Ведь вы из Москвы? Могли бы отвезти посылку в один монастырь за Преславлем-Залесским? Туда направили одну монахиню, здоровье у нее слабое, живут они трудно, средств никаких, глушь, лес кругом.
 - А речка там есть?

Монахиня (я потом узнала, что ее зовут мать Филофея) должна была удивиться, но виду не подала, честно задумалась.

- Речка? Кажется, есть. Точно не знаю.
- А монахиня та детей любит?
- Очень любит.
- А как мы ее найдем?
- Приедете в Троице-Сергиеву лавру, спросите на просфорне отца Феодосия, скажете, что тут посылочка к нему и для матушки Еротииды на Сольбу.

Мало сказать, что я согласилась. Я возликовала в душе. Я надеялась, что наши молитвы услышаны и над нами совершается Промысел Божий. От восторга забыла записать имена и названия.

Посылка состояла из нескольких объемных коробок, но нас они никак не обременили. Скорее радовали. Смущала лишь необходимость провоза церковного кагора через границу. Но перед самым отъездом ко мне неожиданно подошла еще одна незнакомая монахиня, Анастасия, попросила задержаться и пройти за ней.

- Пойдем на колокольню, сказала она.
- И мы поднялись в стоящую на дворе небольшую квадратную звонницу.
- Я вам позвоню на дорогу, сказала мать Анастасия, оказавшаяся монастырским звонарем.

В автобусе меня потеряли и очень волновались, а она все звонила и звонила... А на прощание вдруг сказала:

— Езжайте и ничего не бойтесь! Будете проезжать границу или пост — читайте «Богородицу», никогда не задержат.

Мы все выполнили и проехали без сучка без задоринки через все границы.

А на третий день по приезду я поехала в Лавру с нашей родительницей, Дмитриевой Любовью Леонидовной. По заднему сидению прыгала маленькая Аня по прозвищу Буся, потому что у нее глаза были, как бусинки. (Теперь Аня окончила нашу школу и учится в музыкальном училище на дирижерско-хоровом).

В лавре я поняла, что не помню ни одного имени. В монашеской проходной я попросила, запинаясь, позвать отца Феофила... кажется... с просфорни.

- Если с просфорни, то вам нужен отец Феодосий! подсказал дежурный. Пришел высокий и худой монах Феодосий (теперь епископ Киргизстанский).
 - У меня тут посылка к вам, из Киева.
 - Из Киева? Хорошо.
 - A еще для одной матушки. Кажется, в Солотчу?
 - В Солотчу???
 - Евроида... Не помню, как зовут!
 - Может, для матушки Еротииды, на Сольбу?
 - Ну, которой недавно дали заброшенный монастырь!

Через полчаса мы с отцом Феодосием, с Любовью Леонидовной и с Бусей радостно распевали пасхальные песнопения, летя по живописной дороге мимо деревень, лугов, а потом — все через лес и через лес.

Мы познакомились с матушкой, погуляли по окрестностям, полюбовались узкой, но чистой и живописной, полноводной по весне речкой Сольбой.

Перед Троицей, с благословения Ярославского владыки Михея, за алтарем единственного тогда на Сольбе полуразрушенного храма Успения Пресвятой Богородицы, мы поставили лагерь. Началась наша новая, ярославская, эпоха жизни.

Пять незабываемых лет наш лагерь стоял за алтарем возрождавшегося Николо-Сольбинского монастыря. Кроме того, мы стремились в монастырь и зимой, и осенью, понимая, что мы там очень нужны, и сами нуждаясь в этом благодатном общении и уроках. Стремились в праздники и в будни, в любое свободное время.

На Сольбу я езжу с шести лет. С тех пор прошло всего десять лет. Но как сильно возмужала и выросла наша школа, как выросли мы все. И как изменилась Сольба... Представьте мое изумление! Изумление девочки, которая видела ужасающую разруху, видела, как не хватало еды и как все монахини жили в одной комнате, так как во всех остальных было очень холодно из-за больших щелей и разбитых окон. А сейчас эти руины превратились почти в Лавру. В храме, единственном сохранившемся до наших дней с XIX века, уже три очень красивых придела. Когда только открыли монастырь, десять лет назад, служили лишь в одном правом приделе, в остальных была невероятная и даже печальная картина. Каждый раз, когда приезжаю, вспоминаю, каким был и стал монастырь. И я понимаю, скольких все это стоило трудов!

Но как бы ни менялся внешне монастырь, мы всегда матушек, встречаем там радушных искренне радующихся нашему приезду, так же, как и десять лет назад. Нас вкусно покормили, девочки-воспитанницы спели нам рождественские песни, многие из которых нам известны, поэтому мы подпевали. Нас покатали на лошадке, после чего мы совсем не жалели, что пришлось ждать около часа. Когда нас везли, я вспомнила, как была маленькой и нас катали в санях, совсем старых, покрытых соломой, они были плоские, когда любимая лошадь Векса наша поворачивала, тот, кто сидел с краю, просто улетал, как мячик, в сугроб, а потом бежал за санями. До сих пор ярко помню свои впечатления!

Дай, Господи, людям, трудящимся в монастыре, сил на осуществление грандиозных планов, на улыбку и свет, который они нам дарят!

Лена Демидова, 11 класс (2010 год)

А когда монастырь стал бурно развиваться, то, по благословению и с помощью матушки Еротииды, мы стали искать новое место для стационарного лагеря. Матушка познакомила нас с незабвенной памяти Валентином Владимировичем Кошкиным, и с его помощью мы попали в

Хороброво, в здание закрытой к тому времени сельской школы, в которой он когда-то учился. Валентин Владимирович, почетный гражданин Переславля, руководитель огромной энергостроительной фирмы, построившей плотину на Нерли возле Хороброва, местный уроженец, внук кузнеца, заслуживает отдельного рассказа. Большой потерей для всех нас была его смерть весной 2009 года.

Интересно, что когда мы заехали в лагерь в июне 2004-го, и я поднялась и открыла шкаф, в котором оказались документы сельской школы, первым мне на глаза попался журнал 4-го класса за 1946 год. На странице русского языка я увидела знакомое имя — Валентин Кошкин — и двойку напротив!

Вечером я показала журнал Валентину Владимировичу, приехавшему посмотреть, как мы устроились. Он даже немного рассердился: «Смотрите, смотрите, у меня одни пятерки и четверки, я ведь хорошо учился! А эту двойку я помню. Я тогда уроки не выучил. Надо ж было Вам ее найти!»

Я подарила ему журнал на память.

Из отчета директора Детского Православного лагеря дер. Хороброво Ярославской области Переславского района Смирнова Алексея Юрьевича Высокопреосвященнейшему КИРИЛЛУ Архиепископу Ярославскому и Ростовскому:

«По благословению Вашего Высокопреосвященства в июле — августе 2004 года был организован летний палаточный лагерь труда и отдыха в дер. Хороброво Переславского р-на Ярославской области. Для организации лагеря администрацией Переславского р-на было передано в безвозмездное бессрочное пользование Ярославской Епархии здание бывшей восьмилетней школы дер. Хороброво.

С 15 июня по 15 августа на территории школы проходила организация и работа палаточного лагеря. С 10 по 14 июля на базе лагеря и Николо-Сольбинского женского монастыря проводился Съезд православной молодежи Ярославской Епархии. Одновременно велись работы по ремонту и восстановлению здания школы.»

А в Хороброве мы и нынче живем, и здесь, сидя на втором этаже нашего старинного дома, любуясь в окно на полевые просторы и Андриановский храм вдали на холме, поджидая возвращения байдарочного крестного хода с Волги, я и пишу эти строки.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ Краеугольные камни

О ЗАБЛУЖДЕНИЯХ

так, какой должна быть православная школа? Какими должны быть ее ученики? Для нормального педагога это вопрос, на который невозможно ответить. Зато он прост для всех проверяющих, оценивающих, критикующих. Часто привожу одни пример. Дело было давно, но с тех пор ничего не изменилось. Во время Рождественских чтений в гуманитарном корпусе МГУ ко

мне подошла православная дама из какого-то комитета и, похвалив мой доклад, попросила ей помочь: отобрать для награждения лучшие православные школы.

- А что значит, по вашему, лучшие?
- Это же ясно! Чтобы дети там не пили, не курили и матом не ругались.

Вот как легко всё, оказывается!

Многие знают, что святой страстотерпец Николай II и святитель Николай Японский курили. Семинаристы иногда тоже курят. Грустно, обидно. Но добродетели святого превысили его немощи, и вот он прославлен Церковью за свои подвиги. И семинариста одного ректор както в этом грехе обличил, но ведь не выгнал! Хороший священник потом вышел. И даже курить бросил. А в книге «Несвятые святые» есть рассказ о том, как последняя Дивеевская монахиня матушка Маргарита пьет водку. Для вас это должно быть ужасно, многочисленные дяденьки и тетеньки из комитетов, линейкой измеряющие людей!

А что, есть приходы, где ни одного курящего мужчины, ни одной невенчанной семьи? А детей-то в школы откуда приводят? Хорошо, если из

такого храма, где духовник реально работает с людьми и знает, кого благословить в школу. Но часто пытаются отдать нам детей уже испорченных, искушенных — на исправление. Родители настаивают, требуют взять такую овечку, которая может нам всё стадо испортить, — ведь их благословили!

Процесс юношеских религиозных сомнений, брожений закономерен и необходим. Об этом писали св. прав. Иоанн Кронштадтский, протоиерей Василий Зеньковский. С точки зрения отца Василия Зеньковского, школе досталась самая неблагодарная пора — отрочество, возраст равнодушия к вере и юность — время сомнений. А плоды-то можно увидеть не скоро, по крайней мере, лет через 10, когда посеянное в отрочестве сборщики добрых плодов и не вспомнят, пожалуй...

Образец православного воспитания представлен в автобиографическом романе И.С. Шмелева «Лето Господне», а ведь плод

Многие думают, что если ты ученик православной школы, то ты не такой, как все. Но это не так. В нашей школе всегда царит добрая атмосфера. Свою школьную жизнь я могу разделить на два этапа: учеба до 9-го класса и после. До 9-го класса мы с мальчиками учились в разных классах. Но это нам, девочкам, не мешало быть веселыми и умными. Наш класс часто вызывали на педсовет. Алексей Юрьевич часто «навещал» нас по-соседски. Нам, девочкам, никогда не бывало скучно. Каждая из нас чем-то отличалась. От ичителей часто слышали: «Что за девочки? Что за шкоды?» Но мы знаем: нас учителя любили. Когда мы окончили 9-й класс, многие ишли. К сожалению, с некоторыми мы не общаемся. Йосле 9-го класса девочек с мальчиками объединили в один класс. Честно говоря, сначала было непривычно, но потом мы стали единым классом, одним коллективом. В одиннадцатом мы все очень сдружились, у нас никогда не было ссор, разногласий. А еще в нашем классе всегда царил смех. Ко всем неудачам мы относились с улыбкой. В моей памяти всегда останутся светлые моменты школьной жизни.

Маша Лебедева, 11 класс (2010 год)

этого воспитания — Ванечка Шмелев — в юности от Бога отошел, и в студенческих волнениях участие принимал. Так что, решим, что папенька и Горкин зря старались и неправильно воспитывали? Нет, конечно, тому свидетельство вся зрелая жизнь великого православного писателя.

Корень такого рода заблуждений, на наш взгляд, не христианский, а социалистический. Лакмусовая бумажка всех социальных кровавых утопий — стремление к раю на земле. Советская школа норовила переработать всех людей в идеальных граждан коммунистического будущего. От православной школы по стереотипу требуют идеального поведения учащихся, их стопроцентной «православной успешности». Интересно, что такой подход не только заведомо порочит школы и обрекает их на «плохие показатели», но, что еще опаснее, может спровоцировать учителей и администрацию идти по знакомому со времен советской школы пути «успешных отчетов» и внешнего показа своей деятельности, в обход честного анализа и преодоления трудностей. Многие боятся говорить всю правду, информационно закрывают школу от чужих недобрых глаз и безграмотных суждений.

Да, придя в православные школы, вы, верю, не услышите бранных слов, не увидите курящих детей. Девочки и мальчики скромно одеты, улыбаются открыто и добро.

Только кто может гарантировать, что завтра не вспыхнет мальчишеская драка и мальчик «с прошлым», не сдержавшись, не выплюнет словечки, какими пропитана была с пеленок его бедная душа? И что очередной 9 класс, войдя в переходный возраст, не пойдет за сарай совершать свой подростковый «подвиг»? И хорошо, если духовник или директор вовремя узнают, что курили, на соблазн малышам, или распили коллективно бутылку «красного», и будут распекать, исключать, прощать, плакать вместе с ними.

От этого спасет только время и традиция, сила сложившегося детского коллектива. Но ведь такая сила не берется в готовом виде, она растет и формируется годами, иногда, кажется, уже без надежды на успех.

Итак, самое главное, что надо понять, осмысляя живую школьную жизнь, — это то, что мы не можем и не должны ставить перед школой утопическую задачу коллективного воспитания идеальных христиан. Нельзя запрограммировать воспитание святых, не надо строем вести в Царствие небесное, потому что пути Господни неисповедимы, врата рая узки, а человек до конца дней будет стоять перед выбором на новых и новых житейских перекрестках.

Есть идеал, вектор, направление, и есть реальное воплощение идеала в жизнь, которое зависит от многих разнородных причин.

О СТИЛЕ

часто смотрю на школу так, будто это у нас — последний шанс. Будто потом может и не оказаться возможности что-то сделать. Наверное, это наследие неспокойных 90-х, когда работали абсолютно на свой страх и риск, вопреки всем законам экономики. И от директоров школ в разные годы приходилось слышать примерно такую фразу: «Само существование нашей школы свидетельствует, что Бог есть.

Может, для того нас Господь и держит».

Позволю еще пример-отступление. Это было, может, в 95-м году. Мы задолжали всем, кому только можно — коммунальщикам, налоговой, администрации поселка. И вот пришло предупреждение от электросети: не заплатите сегодня 4000 рублей — в течение суток отключим электричество. В тот момент это была большая сумма⁴. Мы сидим с Ириной Вячеславовной в ее кабинете, и уже не знаем, кому звонить, у кого просить. Я поднимаю глаза к иконе и не молюсь, нет, а почти сердито думаю про себя: «Ясно же, что без света нам работать нельзя. Кто нам поможет, если не Ты!»

Проходит в тишине и отупении несколько минут, звонит телефон и радостный голос сообщает, что он представитель организации, которая, оказывается, давным-давно задолжала нам четыре тысячи. Ровно. И сейчас нам их привезут. Можете не верить, но есть свидетель.

Итак, мы привыкли жить как в последний раз. Еще и потому, что нас всегда подстерегали опасности, иногда на фоне самого внешне безоблачного жития. Мы многих раздражали своим существованием. Особенно тех, кто пытался доказать, что ничего сделать нельзя, что школа не обязана воспитывать, пусть этим занимаются родители, а педагоги должны только давать знания. В такой позиции есть заведомая ложь. Потому что вкладывать знания в неготовые, иногда пустые головы в атмосфере недоброжелательности или страха невозможно. Точнее, дать можно, но они не попадут по адресу, они канут в пустоту.

Перечитывая «Педагогическую поэму», я обратила внимание на сцену, когда Макаренко смотрит на своих воспитанников в момент расцвета колонии, перед огромным испытанием — отъездом в запущенную колонию Куряж:

«Как было бы хорошо, если бы со мной шли на Куряж только испытанные старые одиннадцать горьковских отрядов. Отряды эти с боем

⁴ Еще раз замечу, что теперь трудно восстановить «единицы исчисления» денег в тот или иной период перестройки — имеется в виду некая условная сумма, но цифру 4 помню.

прошли нашу шестилетнюю историю. У них было много общих мыслей, традиций, опыта, идеалов, обычаев. С ними как будто можно не бояться. Как было бы хорошо, если бы не было этих новичков, которые хотя и растворились как будто в отрядах, но я встречаю их на каждом шагу и всегда смущаюсь: они и ходят, и говорят, и смотрят не так, у них еще «третьесортные», плохие лица».

Такое единство, выраженное даже в манере двигаться и говорить, я в последние годы часто вижу в своих детях. Вижу, как та же радостная четкость движений и некоторая, пусть не военная, но все же выправка, объединяет стареньких. И как выделяются на их фоне расслабленнорастерянные фигуры новеньких — в школе в сентябре или в Хороброве в первые дни смены. Это настолько очевидно, насколько и удивительно, ведь мы не занимаемся строевой подготовкой, ничего специально не объясняем.

Манера, стиль, образ формируется постоянно, ненавязчиво — всеми и вся, начиная от интерьеров школы, продолжая поведением с детьми всего персонала, не говоря уже об учителях. Как хочется на молитве одернуть непоседу, нахала: стой ты смирно, наконец! Но вот я вижу, как Галина Николаевна обнимает его за плечи, нежно и твердо прижимает к себе. Постой тут, около меня.

А вот Никита, который сам не так давно досаждал всем своим перетаптыванием на утреннем правиле в храме, доброжелательно, но настойчиво, отводит и ставит возле себя в заднем ряду болтуна-малыша. При этом Никита шепчет мне доверительно: «Просто беда с этим Колей!»

На трапезе я хожу по рядам и поправляю ребятам спинки — осанку. И не только ради порядка. Это тоже общение. Это и бессловесный призыв к молчанию, и подбадривание, для кого-то — упрек-напоминание. Вот я подхожу к девочке-подростку, которую не так давно перевели в нашу школу. Я пытаюсь выпрямить ей согнутую в дугу спинку, она напряженно сопротивляется. Я оставляю ее в покое, подхожу после трапезы:

— Посмотри, за трапезу я поправила спины очень многим ребятам, и никто из них не сердился и не сопротивлялся. Потому что они все знают, что я не собираюсь их обидеть. Мы ведь друзья. И тебе все здесь желают добра.

Сейчас этот подросток-ёжик, не имевший друзей в старой школе, — веселая, открытая девочка, трудяжка, первая помощница своей классной наставницы. Она бежит мне навстречу, когда я приезжаю в Хороброво после отлучки в Москву, как и все, весело вешается на шею:

— А мы по вас соскучились!

Вообще, по тому как ребенок дает руку при первом знакомстве, как реагирует на касание, многое можно понять. Ребенок не должен бояться руки взрослого, так же как и руки товарища. Конечно, для этого он должен быть уверен, что эта рука его не ударит. Из доверия и спокойствия, из состояния внутреннего мира и рождается эта выправка, которая явно отличает «стареньких» от «новеньких».

Я вижу, например, в лагере, как «наш» Миша терпеливо объясняет, моя посуду вместе с новичком: «Ты неправильно моешь, поэтому у тебя и получается так медленно, посмотри, надо вот так и вот так». Вижу, как Катя ободряет девочку, тоскливо слоняющуюся по

Я пришла в эту школу в восьмом классе. Меня сразу же поразили теплая, домашняя обстановка, внимательные учителя, отзывчивые ученики. Эти люди на личных примерах показывают исполнение заповедей, высокие моральные ценности, и, попав в такую атмосферу, нельзя быть другим. Ты и сам начинаешь меняться к лучшему, а если нет — то не можешь удержаться в нашей школе. Меня удивило и то, как учителя любят преподаваемые ими предметы и как хотят передать знания. Благодаря усердию учителей, предметы, ранее не интересовавшие меня, открылись с другой стороны, учеба стала интересной и увлекательной. Еще я очень люблю свой класс. Они всегда поддержат, помогут...

Мы всегда остаемся дружными и сплоченными, принимая друг друга такими, какие мы и есть. Создаваемое окружение помогает с детства устояться в вере, моральных ценностях, помогает найти себя в жизни, а также приобрести знание по многим дисциплинам, и, конечно, друзей на всю жизнь.

Альбина (Евфросиния) Кириллова, 11 класс (2010 год)

лагерю без желания что-либо делать: «Не грусти! Привыкнешь, и тебе понравится. Ты, главное, займись чем-нибудь интересным». Застала как-то в актовом зале двух старшеклассников, которые твердо и спокойно втолковывали всех замучившему драчуну из шестого класса: «Понимаешь, у нас так не делают, так не принято. У нас другие правила».

Макаренко был атеист и коммунист. Но, как ни странно, он ближе мне иных православных, которые требуют внешнего благочестия, красивых отчетов и плохо понимают, что такое дети. А он шел от конкретного человека и ставил честные реальные задачи. И когда я читаю, как его ненавидели так называемые «свои», я понимаю, что своим он для них никогда не был, потому что кроме первой заповеди, которой не понимал, все остальные он последовательно выполнял. Более того, он жил по главной заповеди Евангельской — заповеди любви, трезвой, деятельной любви к ребенку.

И мне снова хочется процитировать Антона Семеновича:

«Область стиля и тона всегда игнорировалась педагогической ктеорией», а между тем это самый существенный, самый важный отдел коллективного воспитания. Стиль — самая нежная и скоропортящаяся штука. За ним нужно ухаживать, ежедневно следить, он требует такой же придирчивой заботы, как цветник. Стиль создается очень медленно, потому что он немыслим без накопления, традиций, то есть положений и привычек, принимаемых уже не чистым сознанием, а сознательным уважением к опыту старших поколений, к великому авторитету целого коллектива, живущего во времени. Неудача многих детских учреждений происходила оттого, что у них не выработался стиль, и не сложились привычки и традиции, а если они и начинали складываться, переменные инспектора наробразов регулярно разрушали их, побуждаемые к этому, впрочем, самыми похвальными соображениями. Благодаря этому соцвосовские «ребёнки» всегда жили без единого намека на какую бы то ни было преемственность не только «вековую», но даже годовалую».

Да. Это и есть краеугольные камни— стиль, тон, преемственность. Такие эфемерные понятия, и всё же— камни.

Вечером иду по лагерю «Хороброво» и радуюсь на новеньких. Смотрят спокойно, прямо, улыбаются доброжелательно, быстро на все реагируют — орлы! И плечи начали расправлять и сутулятся меньше. Еще раз подумала — отчего это? Отчего подросток горбится и зажимается в обычной жизни? От стеснения? А что это — стеснение, зажатость? Неуверенность в себе, неуверенность в отношении к себе окружающих. И когда они так быстро и явно распрямляют плечи и начинают спокойно смотреть людям в глаза — значит, на душе у них спокойно, они верят, что люди к ним добры, что рядом с ними друзья, которые не собираются смеяться над ними (а этого больше всего боится ребенок). Более того — они уверены, что их любят! Преувеличение?

Но вот приезжает новенький. Смотрит исподлобья, ничем не интересуется. Готов к обороне. Когда народ сочиняет песни, смотрит на всех снисходительно — дескать, мне бы ваши проблемы. Видимо, боится показаться маленьким, ботаном, и что там еще у них, подростков, очень стыдно? Как всегда — стыдно быть самим собой, стыдно даже, когда тебя хвалят — это для малышей. А они, искушенные, знают цену этим нашим взрослым штучкам. К тому же обидно — сегодня день рождения, а вместо тусовки с приятелями, от которых знаешь, чего ждать, вместо семейного торта, он должен быть в этом лагере, куда поехал больше по настоянию матери, чем по собственному выбору.

На разных этапах жизни человек начинает видеть школу с разных сторон. Вот ты идешь в первый класс — перед тобой новый неизведанный мир, полный тайн и загадок. Тебе все интересно. Но вот ты заканчиваешь начальную школу — и теперь твой мир усложняется: появляются новые законы, ты учишься дружить, прощать, держаться в обществе. В седьмом классе начинается самый сложный период школьной жизни: ты считаешь школу наказанием, карой небесной, тюрьмой. Главное — пережить этот момент и не сломаться. Но проходит время, ты сдаешь переводной экзамен — и вот уже 10-й класс! Кажется, что сложнее будет только после окончания школы... Но у тебя уже есть хорошие друзья, готовые помочь в любой ситуации, ты — взрослый и являешься примером для всей школы. Проходит год — и вот она, финишная прямая! Что-то заставляет тебя оборачиваться и смотреть на проведенные в школе годы с грустной улыбкой. Для всех это время прошло по-разному. Но все запомнят его как самое счастливое. Когда уходишь из впечатление, будто покидаешь школы, создается родной дом. Но ты твердо знаешь, что можешь вернуться, что тебя здесь любят и ждут.

Миша Алексеев, 11 класс (2010 год)

Но когда вечером у костра обнаруживается, что это ему сочиняли песни и стихи, тогда стихи перестают казаться глупыми и никчемными. А люди — чужими и враждебными. Правда, они не такие, как его приятели дома, но

тоже ничего. Очень даже ничего. И парень признается вдруг кому-то, может, неожиданно для самого себя, что это был лучший день рождения в его жизни.

Наш опытный завуч Тамара Константиновна спрашивала опять про Хороброво доброжелательно: «Вам это надо?! Столько сил!» Ещё бы не надо! Лагерь — это наш накопитель, аккумулятор. В лагере происходит такая концентрация всех энергий, которой потом хватает почти до Рождества. А там — Крещенская поездка, Иордань, уроки Великого поста и вновь весеннее ожидание Хороброва.

Конечно, за месяц в лагере, без школы, ничего не сделаешь, но и школе без лагеря было бы очень трудно, боюсь, что это была бы уже не та школа.

Лучи солнца на водной глади

Крестный ход 2011 года начался с раннего свежего утра, веселого солнышка, хорошего завтрака, прекрасного, восторженного настроения и утренней, чистой молитвы. Зревшее всю смену чувство счастья, что нам предстоит такое интересное путешествие, наконецто вырвалось на волю и отразилось улыбками на лицах детей и взрослых. До плотины, где должен был состояться торжественный спуск лодок на воду, мы шли крестным ходом. Вот и первый всплеск воды, первые брызги от весла, первые «Раз, два, раз, два...», первые звуки песнопений... В этот момент кажется, что впереди еще целая сказочная вечность этой воды, этого отраженного в ней неба, этого, несмотря на все трудности, счастья.

...Это такая радость, плыть по широкой реке, петь молитвы, понимать, что ангелы радуются вместе с нами, что речка становится освященной. И, как будто в доказательство этого, лучи солнца так ярко отражаются на водной глади, переливаются и играют. И еще так хорошо потому, что знаешь — в других лодках плывут твои друзья, с которыми уже проделан почти весь этот путь, и самое главное, ты знаешь, что они ощущают ту же самую радость близости Бога.

Щербакова Екатерина, 10 класс (2011 год)

В этом союзе и непрерывности общения в течение года и рождается доверие, любовь, родственность, гостеприимство, которые, надеюсь, и составляют основу нашего стиля.

О ДОБРОСОВЕСТНОСТИ

бразование не так важно, а воспитываете вы хорошо – такой сомнительный комплимент мне приходилось слышать не раз... Как это не важно?! Святые Оптинские старцы поучали мирян хранению совести, как первому правилу ко спасению. Что это значит? Оказывается, это всего лишь всем известное и ныне не модное слово — «добросовестность», причем добросовестность в труде,

обычном, повседневном твоем деле. Сейчас любят спрашивать о чем-то очевидном, чего хорошо делать не хотят: «Зачем мне это надо?» Подразумевая или продолжая: «А кто мне за это заплатит?» А раньше, в традиционном русском мире, старались любое дело делать хорошо — для Бога, для своей совести. Скрытый от глаз человеческих механизм замка или внутреннюю сторону ступеньки храма украшали узором. Бессмыслица или вечный смысл?

Сейчас, в обществе потребления, плохо делать стало не стыдно, иные даже кичатся умением работать с прохладцей и получать за это большие деньги. Только православный человек так жить не должен.

Поэтому главным в православном коллективе, да и в любой настоящей русской школе, должно быть исполнение заповеди хранения совести. Тогда мы сохраним себя, детей — и Россию. А ведь основная наша профессиональная задача дать образование. добросовестность не позволит дать образование некачественное, создать видимость ради комиссии или на показ родителям. Но для этого должна быть четкая образовательная концепция, представление о том, как и чему мы хотим детей научить. Потому что если при великой добросовестности преподаватель не будет знать меры и границы знаниям, которые он намерен впихнуть в ребенка, может получиться как в пословице: «Заставь дурака Богу молиться, он и лоб расшибет». Благо, если себе, а то ведь детям!

Оскудение духа жертвенности

Сегодня большинству людей неведом вкус той радости, которую подает жертвенность. Люди не любят труд. В их жизни появились праздность, желание устроиться потеплее, много покоя. Оскудело любочестие, дух жертвенности.

Если людям удается получить что-то без труда, устроиться потеплее, то они считают это достижением. Они огорчаются, если достичь легкой жизни им не удается. Но если бы они смотрели на все духовно, то радовались бы именно этому, потому что в этом случае им дается благоприятная возможность для подвига.

Сегодня все — и стар и млад — гонятся за легкой жизнью. Люди духовные стремятся к тому, чтобы освятиться с меньшим трудом. Люди мирские — к тому, чтобы заработать побольше денег, не работая. Молодежь — чтобы сдать экзамены не готовясь, чтобы получить диплом, не выходя из кафе. А если бы можно было, сидя в кафе, звонить в университет и узнавать результаты экзаменов, они были бы очень этому рады. Да-да, доходят уже и до этого!

Старец Паисий Святогорец

О ЗОЛОТОЙ СЕРЕДИНЕ

первых дней костяк педагогического коллектива составляли единомышленники, которые понимали, что не в количестве знаний цель и смысл, но в том, чтобы учение было осмысленным, а значит — интересным. Осмысленность стала первым принципом работы. Вторым — стремление к поиску, поощрение исследовательского интереса, познание процессов и законов, совместное открытие их, а не

получение в готовом виде. Результат в этом случае не столь быстр и заметен, как при вдалбливании знаний, но он всегда прочнее.

Следующим стал принцип своевременности. В чем он заключается? Когда в 90-е стали появляться гимназии и разные платные формы

образования, многие пошли по пути «услуг», угождения родителям. А чего хотят зачастую неопытные родители по своей человеческой слабости? Иметь повод похвастаться своими детьми, щегольнуть тем, что неплохо выбрали гимназию, прошли суровый конкурс и вот теперь уж — смотрите все! — вундеркинд! К трем годам читаем, к шести знаем таблицу умножения, в семь учим три языка... Только к десяти годам некоторые из этих родителей приходили к нам с просьбой помочь в беде: одни дети наотрез отказывались ходить в школу, испытывая отвращение к учебе, у других куда-то делись феноменальные способности и теперь самые простые задания вызывают трудность, третьи — просто не вылезают из болезней... Отчего родители, наконец, решились отправиться в нашу, по их представлению, «слабенькую» школу: «Зато у вас тут дети с охотой в школу бегут и все такие крепенькие и довольные! Все-таки здоровье важнее». Беда, как сапоги начнет тачать пирожник, а пироги возьмется печь сапожник... Все родители (они же учились в школе, и даже неплохо!) считают себя специалистами в образовании и знают, что надо их детям лучше всяких там педагогов. И тут для школы очень важно иметь свою линию и крепко гнуть ее, даже когда это не нравится «массовому потребителю» и выглядит, на первый взгляд, непопулярно.

Но я отошла от объяснения принципа своевременности. Важно, как считал великий педагог Константин Дмитриевич Ушинский, правильно определить время регулярной школьной учебы, время поступления в школу. И оно ни в коем случае не начинается раньше, чем у ребенка начнут меняться молочные зубы. Но этого, конечно, мало. Для мальчиков возраст школы наступает с семи лет, а у некоторых даже с восьми. (Также и у девочек, но для них два-три месяца иногда не так заметны). Но, загодя спасая цыпленка от армии, мама-курица сует его в школу пораньше, такого еще желторотого, слабого, не готового к школьным перегрузкам, и добивается своего — так калечит здоровье своему дитяти, что армия ему больше не грозит. Сколько боев я выдерживаю с родителями этих шестилеток, сколько слез, обид, ссор навеки. У всех один аргумент: ваш педагогический опыт, конечно, ценен, мы вам верим, но мой ребенок — исключение.

Доказательства вреда раннего обучения я приводила в своей жизни столько раз, что мне даже не хочется здесь о них писать. Но, наверное, надо. Почему нельзя рано, если ребенок умен, много знает, уже читает, считает и даже выполняет арифметические действия? Если он готов справиться со всеми тестовыми заданиями приемных испытаний?

А потому, что любой ребенок должен полноценно прожить каждый неповторимый этап своего детства. Он должен иметь много свободного времени до школы, но не для праздности или сидения за компьютером, а для размышления, созерцания, взаимодействия со сверстниками в ролевой и подвижной игре, общения с матерью. В конце концов, для дневного сна, или хотя бы отдыха, отсутствия жесткого школьного режима: урок — перемена. Просто в шесть лет ребенку рано ходить на работу. Понимаете вы это? И загнав вашего умненького послушного малыша в прокрустово ложе начальной школы (даже самой хорошей!) вы добьетесь того, что он вдруг начнет испытывать отвращение не только к учебе, но вообще к познанию, станет «доигрывать» свое в классах постарше; иной же не сможет найти друзей среди одноклассников, потому что всегда будет ощущать себя меньше других (в детстве не только год, но и месяц огромный срок). Таких примеров я из своей прежней практики назову вам не меньше десятка и опишу их образно. Этот так и не нашел друзей, пока не подружился в лагере с ребятами классом младше. Этот резко отстал в учебе к 6-му классу. Эта... Были случаи, когда удавалось уговорить родителей такого торопыги, который «вдруг» начал болеть и уставать в 3-м классе, предложить им — не остаться на второй год! — повторить курс этого года, закрепить, чтобы из троечника стать отличником. Родители соглашались, и ребенок постепенно действительно выправлялся. Но зачем такие жертвы, не лучше ли было послушаться сразу? И еще много я могла бы привести разных вариантов. Только заранее знаю, хоть кол на голове теши, все равно завтра придут папа или мама, прочитавшие эти строки, и скажут: «Мы вас уважаем, вы, конечно, правы. Но нашему сыну в ноябре исполнится семь, он так хочет в школу, он совсем особенный ребенок... Возьмите нас в порядке исключения!»

Да, всему свое время. Некоторые дети легко и без труда научаются читать в совсем раннем возрасте. Очень хорошо! Но если ваш ребенок пока не хочет и не готов начать учиться, не надо устраивать соревнования. В семь лет он должен зачитать и зачитать хорошо. Потому что приходит тому время. Но чтение вещь очень индивидуальная и не показательная. А вот преждевременное развитие логического мышления вопреки образному наносит явный и непоправимый вред развитию, калечит психику ребенка. До определенного возраста ребенок должен считать понятные и легко представляемые предметы. Он не может, как в задачнике для шестилеток Петерсон, составить обратную задачку из той, где было два шарика, один лопнул, сколько осталось? А обратная? Как восстановить лопнувший шарик? Любой ребенок понимает, что это глупости какие-то, и заставлять

его в шесть лет мыслить по-другому, переходить на чистые абстракции — преступление. Равно как и подменять схемами милые рисуночки в задачнике, который когда-то так прекрасно назывался «арифметика». Многие взрослые всю жизнь помнят эти крошечные яблочки, груши, мячики и ведерочки, которые так интересно было рассмотреть, а потом сложить или вычесть.

Но самое главное в принципе своевременности — не двигаться вперед, подчиняясь гонке программ и честолюбий, до тех пор, пока не убедишься, что дети действительно усвоили и закрепили материал. С другой стороны, так же вредно мусолить пройденное и стоять на месте, если все всё давно поняли.

Ну и в заключение, еще один принцип — не гоняться за количеством предметов и престижными дисциплинами. Так у нас обязателен для изучения только один язык — английский. Те, у кого есть силы и желание, могут после 5-го класса начать учить второй в режиме факультатива. В этом же режиме хотелось бы ввести и древнегреческий язык. Тут многие сторонники классического образования со мной поспорят. Я понимаю их стремление положить в основу обучения древние языки. Те, кто может учить мертвым языкам живо и осмысленно, - великие люди. Но для успешности такого учения нужен еще и достаточно жесткий отбор, потому что со столь перегруженной программой могут справиться только очень сильные и здоровые ученики. Но у нас не гимназия даже, и дети у нас разные, и таких великих педагогов пока нет. И учебный план не смеем раздувать, а убирать часы русского и математики тоже не хотим. Выручила бы шестидневка, да православным людям, которые в воскресенье утром ходят в храм, а часто берут детей и на всенощную в субботу, учиться каждую субботу невыносимо тяжело, почти невозможно. Надо еще учесть, что дети у нас добираются до школы иногда по часу, а то и дольше. Их тоже надо пожалеть. Так и выходит, что нам в отношении древних прекрасных и нужных языков приходится поступать по пословице — «Не до жиру, быть бы живу!»

Не спешим мы и с информатикой. И в первую очередь потому, что отдаем предпочтение царице наук — математике, родному русскому языку, на который, по большому счету, и шести часов в неделю мало. А еще потому, что, на самом деле, объем школьной программы по информатике, необходимый уровень владения компьютером, который позволит сдать ЕГЭ и развиваться в этой области самостоятельно, легко усваивается в отведенные стандартным учебным планом небольшие часы. Тут важно опять не количество часов, а качество преподавания. В свое время, когда было возможно, мы давали информатику даже не с 8-го, а с 9-го класса. Но

нередко ребята, поступая потом в профильные ВУЗы, хвастались, что школьные знания у них глубже, чем у однокурсников.

Мы с младших и до старших классов последовательно приобщаем детей к художественным ремеслам, видя в этом серьезный образовательный смысл (про это — в отдельной главе). Не считаем иностранные языки и информатику в жизни человека более значимыми, чем музыка и живопись, и обучаем этим предметам не абы как, а понастоящему, насколько позволяет время.

Люди, придерживающиеся иных образовательных принципов, дразнили нас и ремеслухой, и школой для дураков — почему, им ведомо. Но время все поставило на свои места и доказало обоснованность и прочность нашей концепции.

С первого выпуска, когда еще не было ЕГЭ, наши дети поступали в серьезные ВУЗы без репетиторов, писали сложные нестандартные сочинения без шпаргалок. Они часто побеждают на олимпиадах, получают награды на образовательных конкурсах, занимают первые места в интеллектуальных соревнованиях. А с тех пор, как появился единый экзамен, вообще исчезла возможность кривотолков. Рейтинг ЕГЭ у нашей школы — среди лучших в районе. Ни одного провала пока, слава Богу, не было (и опять — все обучение без репетиторов в рамках школьного времени). Причем иногда приходится вытаскивать в 9-10 классе ребенка неглупого, но, по ряду причин, сильно отставшего при учебе в другой школе. Нет, одна осечка была, по дополнительному экзамену по физике, к которому ученик не только не готовился, но который учил в школе нестарательно, пренебрегал им и потому имел по предмету тройку. (Следует понимать, что дополнительные ЕГЭ не всегда укладываются в рамки обязательной школьной программы, и чтобы их сдать, надо готовиться специально в течение года, предупредив учителя заранее о своих намерениях.)

В 2010-12 годах все дети успешно сдавали ЕГЭ и по результатам экзамена поступили в высшие учебные заведения. Дети выбирают много дополнительных экзаменов и сдают их очень хорошо. Но надо добавить, что часть детей идет в те учебные заведения, для поступления в которые ЕГЭ недостаточно. Есть у нас музыканты, архитекторы, студенты-медики. Конечно, кроме школы, эти ребята получают дополнительное образование. Но во многих из них именно школа разбудила творческое начало, дала первые знания и представления о будущей профессии.

Так, для того чтобы повысить престиж музыкального образования, мы стали проводить совместные концерты с музыкальной школой, а в

литературно-музыкальных композициях одинаково почетно как играть роль, читать текст, так и исполнять классические произведения на фортепиано, скрипке или флейте.

Внутри школы работает филиал Малаховской школы искусств, классы фортепиано и изобразительного искусства. А выставки и выступления проходят и на их, и на нашей территории.

Это и получается самое что ни на есть духовное воспитание — и для детей, и для взрослых. Потому что высокие результаты и качество образования свидетельствуют, что и взрослые, и дети добросовестны в исполнении своих обязанностей.

О ПОРЯДКЕ И ПОСЛУШАНИИ

ак-то ученик 2-го класса Даниил, имеющий горький опыт учебы в госшколе до середины 1-го класса, ехал в скором поезде с мамой. Разговорились с соседями по купе. Узнав, что ребенок учится в какой-то православной школе, попутчики недоверчиво спросили: «А чему там у вас учат?» Даня, по словам мамы, при этом вопросе встал, выпрямился и гордо ответил: «У нас учат порядку и послушанию!»

Прочтя эти слова, уверена, многие, даже вполне умные и прекрасные люди, содрогнутся не меньше, чем товарищ Зоя при виде шагающих строем колонистов.

А вот дети ходить строем чаще всего любят. И еще для них очень важен порядок, точность и однозначность требований и умение слушаться – это все, по мнению психологов, основа психического здоровья.

И чтобы сразу и окончательно шокировать некоторых читателей, приведу еще два интересных примера.

Мне рассказывали, как семинарист опоздал на занятия по вполне уважительной причине. Когда преподаватель сделал ему замечание, он начал объяснять, что выполнял важное послушание. За то, что он не попросил сразу прощения, а стал оправдывать себя, его исключили из семинарии.

Я часто привожу детям этот крайний пример.

Скорее всего, наш семинарист не только оправдывался, может, он еще и говорил дерзко, может, и ранее был замечен в проступках. Дело не в этом. Важна парадоксальная для современного человека суть

происшествия. Все ищут правды. Все жаждут справедливости по отношению к себе. Никто не хочет иногда просто послушаться, а иной раз и подчиниться. А вот как было у гениального педагога — и атеиста — Макаренко:

- «— Видишь... у меня особое дело...
- Никакого у тебя особенного дела нет. Глупости!
- Я хочу, чтобы меня... тоже можно было под арест... сажать.

Федоренко хохочет:

- О, чего захотел!.. Скоро, брат, захотел!.. Это надо получить звание колониста, видишь, значок? А тебя еще нельзя под арест. Тебе скажи: под арест, а ты скажешь: «За что? Я не виноват».
 - А если и на самом деле не виноват?
- Вот видишь, ты этого дела не понимаешь. Ты думаешь: я не виноват, так это такое важное дело. А когда будешь колонистом, тогда другое будешь понимать... как бы это сказать?.. Значит, важное дело дисциплина, а виноват ты или, там, не виноват это по-настоящему не такое важное дело. Правда ж, Антон Семенович?»

Послушание, наказание, приказание может превратить сообщество людей в казарму, тюрьму, во что-то тяжелое и невыносимое. Если не знать одного главного секрета.

Чтобы его раскрыть, опять обращусь к примеру из жизни. Как-то гостили мы в селе Ковалеве в детском доме и беседовали с отцом Андреем Ворониным. Кто-то из педагогов спросил у батюшки, как можно наказывать детей. И мудрейший отец Андрей ответил.

— Вначале надо, чтобы дети тебя любили и тебе верили. А тогда уже не важно, как наказывать.

В Евангелии от Иоанна (15, 5) приведены слова Христа: «Без Мене не можете творити ничесоже». Бог есть Любовь. И потому часто, перефразируя эти слова, говорят: «Без Любви не можете творити ничесоже». Наказание без любви — казнь и месть. Но когда есть доверие и любовь, тогда наказание соразмеряется с проступком и лечит, а не калечит. Только где взять любви нам, страстным и немощным? А это уже серьёзный духовный вопрос. У нас ее мало. У Бога — в избытке.

В одном популярном журнале прочитала как непреложную истину утверждение современного писателя о том, что сегодняшний мир — мир индивидуалистов.

Да, это так. Но это не только мир одиночек — это мир одиноких, потерянных, потерявших любовь и надежду. Потому что за

Как суп варили

Летний день. Мальчишеская смена. Нас выкинули как десант, да мы, честно говоря, были не против! О! Наши взрослые! О, мудрость и сила! Когда мы, все расфуфыренные в свете грядущей экскурсии в Переславль, вылезли наконец из своей палатки, то увидели... нет, не ребят, а удаляющийся автобус и записку: «Обед на вас!» Раньше мы готовили только под присмотром. «Ну и что теперь, — решили мы, — приступим!» Смыли ресницы (да простит нас Лариса Геннадьевна), повязали косынки.

- Машка, ты умеешь готовить щи?
- --Hem.
- H тоже, но надо.

Ведро, костер, картошка. Что еще кладут? Ах да, капусту. И вот на столе миска с капустным салатом. Вот повезло, так повезло... Но не знали мы, что некто Казанский ради шутки засунул в салат коробок спичек. Вылавливали ножницами. А тарелку Алексея Юрьевича проверяли особенно.

Никто ничего не заметил. Да вот только совесть штука упрямая!

Лиза Смирнова, выпускница 11 класса, лето 2006 года, Хороброво

индивидуализмом все равно неотступно, как тень, плетется безлюбое одиночество. То одиночество, которое толкает на страшные поступки, тянет к бутылке, не дает строить семью. Тот индивидуализм, который не учит терпеть и прощать, а значит — обрекает уходить, искать бесконечно и все равно оставаться, в конце концов, одному.

В отрочестве мне посчастливилось заниматься в литературном кружке Московского городского дома пионеров. Учила нас Зинаида Николаевна Новлянская, великолепный педагог, автор программ по литературе. Она здорово переворачивала тогда наше «советское» мышление.

Она приглашала на занятия Тамару Александровну Флоренскую, и та говорила о необходимости прощения, о вреде гордости. Мы узнавали об этом в мире, где на каждом шагу раздавалось: «Человек — это звучит гордо». Мы целый год слушали лекции в Третьяковке, и, вопреки

официальной программе, надолго задержались в зале древнерусской живописи... А сама Зинаида Николаевна как-то раз четко объяснила, чем отличается коллектив от корпорации: корпорация замкнута, в ней люди дружат только друг с другом и не принимают чужаков. Коллектив всегда открыт. Беседа была не на ровном месте — видимо, мы дали повод отношением к кому-то из «новеньких». Когда надо, Зинаида Николаевна может быть очень жесткой. Тезисы запомнились на всю жизнь, по крайней мере, мне. Тогда и слова-то «корпорация» никто толком не знал. А теперь корпоративность — верх и совершенство человеческих отношений. Только нам вовремя разъяснили, что это не так. На кружке нас учили создавать вокруг себя открытое человеческое сообщество.

Но в какой-то момент жизни я ощутила в школе эту безмятежную замкнутость, и мы стали искать пути ее преодоления. Так постепенно возникали дела милосердия — дружба с детскими домами, регулярные поездки в больницу, дома ветеранов, помощь отдельным пожилым людям. Эти люди радуются тому, что получают. Но еще больше они дают детям. Всем нам.

Если бы у меня оказался неразменный рубль...

Я бы (сначала себе) построил дом под водой, чтобы любоваться подводным миром.

Всем детям, которые живут в детских домах, я нашел бы мам и пап. Я летал бы по миру на сверхзвуковом самолете-истребителе и искал бы всем детям родителей. Своему папе я купил бы машину его мечты, а маме обеспечил бы хорошую жизнь, до самой старости. Своей сестре я дал бы денег на свадьбу (если она у нее будет). Маленькой сестренке купил бы много игрушек. Дяде дал бы денег на КАСКО и ОСАГО. И всему миру купил все что нужно, только полезное.

Илья Паршуткин, 5 класс (2010 год)

Делимся тем, что имеем. Устраиваем мастер классы по ремеслам — где только не проводили уже их наши педагоги и ребята: и в селе Великом, и в поселке Кубринск, и в городах Люберцы и Раменское, и в столице на ВДНХ и Манежной площади.

А еще мы ездим в гости и приглашаем гостей. Дружим с другими школами, учимся у них, перенимаем хорошее. Я уже писала об этом в

...Я был в группе, которая организовывала мастеркласс по лозоплетению. Мы обучали плетению из ивового прута всех, кому это было интересно. В нашей студии простоев не было, потому что многие захотели научиться плести из лозы. Работы были разнообразные: были корзинки под цветы, для чеснока, настенное панно в виде часов. У всех изделий были свои названия. Например, корзина для цветов была названа «Фонарь». Настенное панно называлось «Делу время, потехе час», корзинка для чеснока — «Восемь окон, одна дверь, полна горница... чеснока». Назвали эту корзинку так потому, что в борту корзинки было восемь отверстий, как окна. дверь верх корзинки. Мастер-класс продолжался два дня. На третий день была выставка. Мы показывали работы, которые сплели наши ученики. Всем очень понравилась работа под названием «Крепче за корзинку держись, шофер!», которую выполнил (тоже в качестве ученика) Андрей Вячеславович, водитель нашего автобуса...

Иван Змиев, 7 класс (2010 год)

других главах. Здесь просто еще раз пытаюсь объяснить, зачем нам это надо.

Чтобы не покрыться плесенью и не стать корпорацией. Чтобы быть коллективом — общиной, братством, семьёй.

О ТРУДЕ И РЕМЕСЛАХ

дной из ошибок постсоветской системы образования была отмена принципа трудового воспитания. С одной стороны, это объяснимо — принцип этот в СССР был в большинстве случаев искажен или формализован. Но при всех издержках советской программы трудового воспитания, мальчики научались в школе хотя бы забивать гвозди и работать на несложных станках. В результате появлялись

не только хорошие рабочие. И инженеры, и научные работники многое умели делать своими руками, а значит, могли управлять процессом и моделировать его. Экономя время в учебном плане, идя на поводу у

Никогда не думал, что мне будет нравиться играть на настоящих церковных колоколах. Конечно, без музыкального образования это довольно трудно, но интерес выручает.

На первом уроке наш учитель Смирнов Алексей Юрьевич прежде всего рассказал нам историю возникновения колоколов, а потом сам сыграл для нас. Теперь мы (а нас пока двое учеников) уже изучили несколько звонов. Как хорошо становится на душе, когда лыотся с колокольни твердые, могучие, красивые звуки! Пасха — вот время колокольных умельцев, вот когда можно наслушаться небесной музыки! А чтобы колокола пели, надо много умения и знаний.

Мне очень нравится в колоколах музыка и сила. Вот смотришь на них и понимаешь, что они как маяки в нашем грешном мире.

Михаил Алексеев, 8 класс (2007 год)

амбициозных запросов молодых родителей, школы 90-х разорили трудовые мастерские, сделав в них учебные классы или сдав в аренду. И это одна из причин того, что теперь в России хорошего токаря, слесаря, сварщика днем с огнем не сыщешь, причина того, что люди разучились трудиться и добросовестно выполнять свои обязанности.

Для нашего коллектива необходимость воспитания в труде была безусловной истиной, краеугольным камнем в начальной концепции школы, когда она еще не называлась православной. В этом нас поддерживали наши духовные наставники. Встречи с опытными духовниками тоже помогали противостоять «духу мира сего», который говорил, что воспитание трудовых навыков, простого мастерства непрестижно, несовременно, отнимает время от программы и вообще нужно только слабым в умственном отношении людям (каковыми своих чад тем паче себя самого никто никогда не признает).

В1992 году эта идея была особенно непопулярна и вызывала нападки и насмешки со стороны коллег. Но среди родителей всегда были семьи, которые нас понимали и поддерживали. И это обычно были люди культурные и образованные, не зашоренные рамками стандартных представлений. Думается, что именно благодаря таким семьям, не попавшимся на удочку идеологических провокаций и не ищущим «широкого пути», Россия устояла в эти невероятные годы.

Когда я был в третьем классе, то я ходил на керамику. Однажды я пошел на керамику лепить после уроков.

Я начал лепить большой дом из глины, лепил, лепил, и пришла мама. Пробили часы шестой час. А я лепил. Прошел еще час, второй, третий, и я слепил дом, и поставил его на стол, где все игрушки сушатся. Пока я одевался, дом осел и обвалился. Мне стало грустно, но что делать, я взял глину и положил ее, где лежит вся глина, и ушел домой. На следующий день я слепил хорошую и тоже большую игрушку. Я думал, что она тоже вся развалится, но она не обвалилась.

Денис Захаров, 5 класс (1996 год)

Итак, мы всегда считали воспитание трудолюбия основой образования, а отсутствие трудового воспитания в православной школе представляется нам и вовсе недопустимым. Если взять в пример монастырский уклад как модель идеального устроения православного общества, то мы увидим, что там все зиждется на готовности к любому труду и послушанию во славу Божию. Если вспомнить традиции воспитания в лучших из дворянских семей, в царских семьях, мы увидим, что привычка к труду, навыки самообслуживания занимали там важное место.

Приведем несколько «хрестоматийных» примеров. Св. мученица Елизавета и будущая императрица Александра с детства привыкли к труду по дому, из бережливого отношения к вещам штопали чулки, а будучи на вершине земных благ ухаживали за ранеными в госпиталях. Во время испытаний, в ссылке, Николай II с царевнами по собственному желанию пилили дрова и гребли снег, утешаясь физическим трудом. Если вспомнить русскую литературу — старик Базаров возделывает огород, лечит больных

Я хожу на студию лозоплетения уже второй год. На студии я единственная девочка. Некоторые думают, что плести могут только мальчики, но это интересно и девочкам тоже. Всему, что связано с лозой, нас учит Алексей Юрьевич. Как учитель Алексей Юрьевич очень хорош: он понятно объясняет, приводя разные интересные сравнения. Плести лозой совсем не так сложно, как кажется!

Лёся Коржова, 6 класс (2009 год)

не ради денег, богач и вельможа в отставке Николай Андреевич Болконский работает на токарном станке, а беременная княгиня Болконская в великосветском салоне коротает время за вышиванием.

Сейчас труд воспринимается светским сознанием, ориентированным на комфорт и удовольствия, в лучшем случае как неминуемое зло. А ведь еще в предыдущем поколении труд был здоровой потребностью человека, а хорошо сделанная работа давала удовлетворение. Древние старцы говорили о том, что для мирянина труд является первой молитвой.

В силу экономической отсталости русской деревни, в быту крестьянина и в сельской школе труд присутствует, так как он пока жизненно необходим. А вот городскому ребенку, напротив, даже при желании негде по-настоящему потрудиться, он лишен возможности физического труда. Именно ради погружения в деревенский быт, красоту природы и сельский трудовой мир мы в каникулы едем в наш летний лагерь, а точнее, на нашу школьную «дачу» Хороброво. Но об этом ниже.

В городской же школе же приобщать к здоровому физическому труду почти негде и некогда. И тем большее значение в этой ситуации приобретает преподавание художественных ремесел.

Я хожу в студию просфоропечения, которую ведет Лариса Геннадьевна. Нас учат печь просфоры. Сначала мы раскатываем готовое тесто, формочками вырезаем из него основу и «шапочку». На «шапочку» ставим печать и делаем дырочки. При этом мы читаем Иисусову молитьу. Просфоры выкладываются на противень и выпекаются в духовке. Это очень занимательная работа!

Александр Гвелиссиани, 4 класс (2010 год)

Ремеслам у нас обучаются в кружках и студиях, куда ходят не только дети разного возраста, но часто их с удовольствием посещают родители и преподаватели других предметов. У нас работает около двадцати кружков и студий, из них почти половина — художественные ремесла. Но многому дети учатся и на уроках, включенных в учебный план. Тут главное, чтобы сам преподаватель был не интересным дилетантом, но заинтересованным в своем деле профессионалом, тогда он сможет увлечь и научить другого.

С первого класса дети у нас лепят из глины, обучаясь постепенно изготовлению керамических изделий, скульптуре, росписи по керамике цветными глинами (ангобами), росписи по фарфору, основам работы на

гончарном круге. До пятого класса керамика присутствует как часть технологии, а позже желающие совершенствуются в студии.

Со второго класса мальчики учатся работе с деревом, выпиливанию, основам резьбы по дереву и т.д. А девочки на уроках технологии делают традиционную куклу, валяют из мокрой шерсти, постигают основы ткачества, шьют из лоскутов, вышивают, — в общем, занимаются предметом, который обобщенно называется «художественный текстиль».

С пятого, когда у девочек начинается домоводство, у мальчиков на технологии преподается плетение из ивового прута..

Какая радость, когда приходит мысль что-то соорудить, ты «включаешься», а к вечеру уже видишь на столе эту вещь — ложку деревянную, салфетку вышитую. И они уже живут своей жизнью. Как это происходит? В чем загадка человеческого творчества? Конечно. созидании. продолжении Боготворчества... Ремесло, на мой взгляд, есть некое измерение, которое человек может в себе открывать постоянно: и в росписи, и в резьбе, и плетении, и ковке. И когда он впервые видит плоды своего труда, перед ним открывается чудо. Когда-то я занимался обработкой камня. Бывало найдешь на земле большой, грязный булдыган, поглядишь на него и улыбнешься. Ведь я бывший геолог и представляю себе, что там, если его рассечь. Тайна его никому не ведома, люди проходят, не думая о нем. А если его раскрыть... там такая красота, что все, кто брел мимо, воскликнут: «Надо же, какое чудо!» Это настоящая красота, сотворенная Господом, а если человек творит со Господом — это счастье. Когда я сам еще только осваивал плетение, ездил часто на электричке и видел за окном кустарник, который вопиел: «Мои ветки – будущие корзинки, лукошки, срежьте!» И я начал замечать, как можно в обыденном разглядеть чудо...

Алексей Юрьевич Смирнов

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ *ПРАЗДНИКИ*

Пусть каждый припомнит свое детство, и он увидит, что праздник для ребенка совсем не то, что для нас, что это действительно событие в детской жизни, и что ребенок считает свои дни от праздника до праздника, как считаем мы свои годы от одного важного события нашей жизни до другого. И наоборот, тускло и серо было бы это детство, если бы из него выбросить эти праздники...

К. Д. Ушинский.

ПРАВОСЛАВНЫЙ ПРАЗДНИК В ШКОЛЕ

раздник в православной школе, как и во всем православном мире — это альфа и омега, начало и конец. Именно поэтому празднику хотелось бы посвятить отдельную часть, состоящую сразу из нескольких глав. Праздник не дался нам сразу в том виде, в каком существует сейчас, хотя, после пройденного пути, выводы и сложившиеся формы представляются нам — для нас —

единственными и безупречно выверенными. Это не исключает развития, потому что сами принципы эти и есть принципы творчества.

Не буду врать, шкала сомнений и колебаний шла в жизни от полного отрицания лицедейства, сцены, спектакля, до понимания того, что без них не построить современной школы. Но только при соблюдении ряда непреложных правил, которые можно кратко выразить как принцип «золотой середины».

НАЧНЕМ С КАЛЕНДАРЯ

т советского времени осталось многим в наследство странное представление о православии, как о чем-то непременно грустном, сером и могильном, тем более уж совсем не детском, если только так, на всякий случай, для укрепления нравственности... «Чтобы детей строгим Богом попугать, а то они уж никого не боятся и всякий стыд и послушание потеряли».

Скажем сразу, что с такими мифическими представлениями лучше за православный праздник не браться. Может выйти только обман и оскорбление святыни.

А православие-то наше, Византийское, русское, оно хоть и серьезно, и трезвенно, но эта серьезность и трезвенность радостью полнится и радость порождает. Мудрые духовники советуют поменьше детей пугать, а поить их от родника этой светлой благодатной радости, чтобы во взрослой, многотрудной и часто скорбной жизни эти детские воспоминания их питали, давая силы и надежду, порождая желание душой вернуться в светлый и чистый мир детства, «быть как дети». В Евангелии же о детях сказано: «Таковых есть Царствие небесное».

Встречаясь в храме, православные люди друг друга приветствуют: «С праздником вас!» Действительно, праздников у нас много: двунадесятые, числом 12, великие, почитаемые, престольные, местночтимые. Сколько же всего? Представьте себе — больше, чем дней в году! Потому что на каждый день приходится память иногда и трех, и пяти святых. А иногда и тысяч, их имена же ведает Господь, в календаре только цифра указана.

Можно ли почтить каждый праздник и каждого святого?

Как ни странно — можно. Ежедневно на богослужении церковь воспевает каждого из поминаемых в этот день святых, в благочестивой семье и православной школе, совершая утренние молитвы, тоже обращаются к святым «ныне поминаемым». Праздники же великие или местночтимые отмечают посещением богослужения, иными торжествами. Но для большого праздника в школе, конечно, выбираются даже не все двунадесятые, а два-три, самые-самые.

Главный праздник Христианского мира, напоминание о котором мистически звучит в названии «дня седьмого» нашей календарной недели, это Светлое Христово Воскресение — Пасха. Его-то уж точно нельзя обойти вниманием. А самый детский праздник на свете это, без сомнения, Рождество Христово, день рождения Господа нашего Иисуса Христа, день

рождения истории и, по особому счету, человечества. Помните, в «Рождественской звезде» Бориса Пастернака? «Весь трепет затепленных свечек, все цепи, всё великолепье цветной мишуры... Все ёлки на свете, все сны детворы»...

На улицах пустынных — никого, Мерцает отсвет от лампад на стенах. И я представила, как в сумерках звезда Зажглась на небосклоне Вифлеема. Ее увидели не те, к кому взывал Господь На протяжении столетий, Не книжники ученые, не царь, А пастухи, смиренные как дети. В стране Персидской жили три волхва. U вот, взглянув на небо в звездах, Они узрели незнакомую звезду И в руки взяли свой дорожный посох. Они предприняли такой далекий путь, Не зная ни писаний, ни пророков. Не зная, что родился Царь Царей И Сын для них неведомого Бога.

Марина Иванова, 3 класс

Из остального богатства и многообразия школа может выбирать произвольно. Так, многие считают третьим в этом ряду Сретение Господне, день встречи человека с Богом, день юности и молодости. С недавнего времени праздник Казанской иконы Божьей Матери, день освобождения России «от нашествия иноплеменных», стал общероссийским Днем Примирения и согласия, ну как не сделать его четвертым в ряду?

Масленицу во многих школах справляют уже давным-давно, но часто стихия народного гулянья и языческих обычаев полностью вытесняет христианский смысл этой «блинной» недели. При правильном же осмыслении Масленица тоже может дать духовную радость и пользу душе.

Празднование Троицы, дня святых апостолов Петра и Павла и Преображения Господня (Яблочный Спас) придадут цельность, смысл и красоту жизни каждой из смен в летнем лагере, помогут собрать воедино все формы работы с детьми.

Мы в жизни нашей православной школы, кроме Пасхи и Рождества, для «большого» праздника первоначально избрали Покров Пресвятой

Богородицы и, «чуть поменьше», Масленицу. Остальные чтим, по мере возможности, посещением Храма, молитвой, праздничным чтением. Почему именно Покров, а не Рождество Богородицы, например? Да просто по ритму школьного календаря, по равномерному расстоянию друг от друга и по несовпадению с постами. А ещё по нашей симпатии к народной культуре, потому что Покров и Масленица дают возможность обратиться к корням, прославить крестьянский труд, спеть фольклорные песни и заклички, инсценировать народные сказки, обыграть потешки, пословицы и поговорки. Ведь день Покрова чтился на Руси крестьянской еще и как праздник урожая, день благодарности Богу, Богородице и Матушке-земле.

Но с появлением школьного храма преподобного Сергия осенний спектакль переместился на несколько дней и совместился с престольным праздником, что не изменило его сути и характера.

ПРАВОСЛАВИЕ И ИСКУССТВО

то изображает и чему служит православное искусство? Не проповеди моральных сентенций, не порицанию порока — это, можно сказать, его свойство, а не цель. Сами же произведения человека верующего должны славить Бога и ликовать от сознания своего сыновства, а если скорбеть — то об утрате связи с Богом и потере Его Божественной благодати.

Православные художники — это, в первую очередь, иконописцы, церковные зодчие, сочинители ликующих акафистов и покаянных песнопений, вышивальщицы церковных облачений, ювелиры, изготавливающие сияющие узорные причастные чаши. Как видите, всем дарованиям, кроме таланта актера-лицедея, есть место в православном мире.

К лицедейству, то есть театральному актерскому искусству, церковь с первых времен христианства относилась неодобрительно. Во времена Римской империи театральные действа составляли часть языческих культов, не случайно именно в театрах отдавали на растерзание зверям исповедников Христа. Театр нового времени тоже становился, зачастую, рассадником легкомыслия, а то и пороков, святые не могли не видеть этого, понимали и опасность для души человека самого занятия актерством, «искусством перевоплощения».

Но вот один из замечательных русских святых, педагог и церковный писатель, автор 12 томов житий святых, святитель Димитрий Ростовский,

сам, будучи знатоком и ценителем искусства и поэзии, не пренебрегал развитием у детей сценического мастерства. В его духовной школе семинаристы разыгрывали пьесы и комедии. С позволения владыки они пользовались для изготовления декораций и костюмов материей из архиерейской ризницы и притом в таком размере, что возбудили неудовольствие стольника Монастырского Приказа. В 1702 г. была представлена известная комедия на Рождество Христово. Был тут и владыка. В 1704 г. ученики разыграли пьесу "Венец великомученику Димитрию" в стихах. Сам владыка сочинил для них диалог на Воскресение. Иногда давалась комедия на Рождество Христово. Драматическое построение "Стихов страстных", сочиненных святителем Димитрием, дает повод предполагать, что дети разыгрывали и эту пьесу. По смыслу пьесы на сцену выходило 11 отроков с предметами, бывшими при распятии Господнем (веревкой, бичом, терновым венцом, молотом...), и в стихах выражали скорбь о Его страданиях. Святитель считал, что разнообразие школьной жизни и самодеятельности способствовали сознательному развитию детей. Итак, святитель не занимался театром, как профессией, но использовал сценическую деятельность как мощный педагогический инструмент.

Мы же используем не только педагогические принципы святителя, но еще и с удовольствием разыгрываем Вертепное действо по его поэтическому сценарию. Вначале нам мастера соорудили классический двухэтажный вертепный ящик с прорезями для движения кукол. Сшили небольших кукол и стали возить и носить вертеп по гостям — в детские дома, в садики. Эта прекрасная короткая пьеса как нельзя лучше подходит для показа в камерной обстановке — помещении для маленького круга зрителей. Но вот зимой 2012 года захотелось показать всем фрагменты спектакля св. Димитрия. И тогда построили помост побольше, а кукол — очень красивых, почти в полметра высотой! — изготовила Диана Викторовна при участии детей. Теперь наш Вертеп можно включать как фрагмент спектакля. Показывать с большой сцены.

Хороший педагог всегда понимает, что только в деятельности ребенок может познать сущность искусства. Без творчества не раскрыть и не воспитать дарования.

Стремясь приобщить детей к православному искусству, педагоги чаще всего идут по пути подобия, по законам взрослой жизни. Ученикам предлагают изображать библейские и Евангельские сюжеты, храмы и святых, сочинять стихи и рассказы на те же темы, а спектакль заменить концертом, включающим в себя, наряду с духовными песнопениями и

традиционными кантами, детские стихи и песни благочестивого содержания. Скажем сразу — нам этот путь кажется не совсем или, может быть, не единственно верным.

Так что же такое православное по духу, а не по букве детское творчество? Может быть, изображение мира Божьего в его красоте и гармонии? Мира природы, растений, животных. Добрых людей, картин мирного труда и дружной семейной жизни, подвигов во имя ближнего своего. Мира без бесов-монстров, без тьмы и зла. Изображение в красках, поделках, в слове, наконец.

Это был первый концерт, который я видела в школе «Образ». Там было интересно, загадочно и красиво. Пели хорошие песни, танцевали, показывали сказки и загадывали загадки.

Маргарита Панасюк, 4 класс (2010 год)

Что касается современной православной литературы для детей и песенного творчества, то тут зачастую «отдыхает» вся официознобездарная патетика брежневских времен. В советское время хотя бы худсовет рифмы проверял, а у наших православных поэтов рифмовать «прекрасное» с «распрекрасным» и «благочестие» с «бесчестием» не только допустимо, но, кажется, считается хорошим тоном. Так что, отбирая репертуар для концерта, мы стараемся быть бдительными и отдавать предпочтение классическим образцам христианской поэзии, которых, к счастью, немало в творчестве А.К.Толстого, Ф.И.Тютчева, А.Белого, Б. Пастернака, Константина Романова и других русских поэтов.

Теперь еще несколько слов о театре вообще и о школьном театре в частности. «Театр вообще», пропитавший через кино и теле- культуру все современное бытие — это чересчур глобальная и ответственная тема. В порядке дискуссии приведу только два суждения. С одной стороны, в массе своей современная театральная культура потеряла и остатки той нравственно-возвышающей силы, которую несла классическая трагедия и русская драматургия. Сказать честнее — современная театральная стихия в большинстве своих проявлений действует на общество развращающее.

В противовес этому сильно желание уверовавших в Бога артистов и драматургов посвятить свои таланты Господу и нести через искусство проповедь любви и милосердия. По благословению священства возникают православные театры, проводятся кинофестивали.

ТЕАТР БЕЗ ЛИЦЕДЕЕВ?

о Церковь осуждает театр не только за тематику пьес и развязность постановщиков. Опасность таится, повидимому, и в самой сущности театрального искусства. Человеку вручена высшая ценность бытия — его единственная жизнь, его неповторимая душа. Душа должна вернуться к Небесному Отцу, выполнив свою задачу, воплотив и приумножив свои дары.

Привычка же к лицедейству, так называемое «искусство перевоплощения», легко доводит человека до того, что он, заигравшись, теряет самого себя. Но лицедей — русское именование актера. Можно ли говорить о театре без актера? Так что решайте сами, сможете ли вы, занимаясь школьным театром, не заразить ребенка страстью к постоянной игре и перевоплощению, не посеять в душе юного дарования семена звездной болезни, не направить всю его жизнь по ложному пути. Если вы надеетесь этих зол избежать — дерзайте.

Одно только кажется нам несомненным. Если вы носите на шее крест и считаете себя православными, то сделайте все, чтобы на школьной сцене никогда не ставились пьесы, подобные современному популярному мюзиклу по мотивам романа Виктора Гюго, не разыгрывалось всяческое иное бесстыдство, шабаш и безобразие. Тематику школьных пьес педагог, имеющий страх Божий, должен отбирать особенно тщательно, не заставляя детей играть зло, разврат, порок. Остальное — дело вашего вкуса.

Мы же решили школьным театром в традиционном понимании вообще не заниматься. То, что мы во время школьных праздников разыгрываем на сцене — предмет несколько иного рода и жанра, и именно этот род и жанр, условно назовем его «действом», и попытались мы представить вашему вниманию в этом сборнике.

ТЕАТР БЕЗ ЗЛОДЕЕВ?

о, что мы выше сказали о детском изобразительном и литературном творчестве, касается и школьного театра. Любое изображение, особенно созданное тобой самим, оставляет неизгладимый след в душе. Но если мы зло не изображаем на рисунках, то тем паче не можем детям позволить выступать в роли нечисти и в злодейском обличие. Но простите, скажет любой мало-мальски сведущий в драматургии человек, откуда

мы возьмем сюжет и развитие действия, если у нас не будет вообще отрицательных героев? Задачка, вполне согласна, почти неразрешимая. Но выкручиваемся, и пока без ущерба для интриги.

Во-первых, злодеи, выводимые на сцене, у нас обычно «не абсолютные». Иногда они немного смешны, их всегда жалко, Чаще всего они каются и исправляются. По крайней мере, они должны быть сыграны так, чтобы никому не пришло в голову им подражать, а актера учим играть «не заигрываясь», несколько отстраненно. Удивительно, но дети блистательно справляются с этой задачей, и герои их вызывают при этом полное доверие.

Когда же нам понадобилось показать фигуры фольклорномистические, такие как Горе и Злосчастье в одноименной сказке, мы прибегли к помощи больших кукол-пугал на деревянной палке, голова из картонной коробки. Они были, несомненно, злые и, безусловно, смешные. И побеждали мы их целиком и полностью, с отсечением картонных голов.

Что касается пьес и сюжетов непосредственно на религиозные темы, то тут возникают другого рода сложности. Так нам кажется дерзким и неестественным разыгрывание детьми на сцене ролей святых, монахов, священников. Ведь священническое и монашеское облачение — это не просто одежда, она имеет мистический смысл, и носить ее имеют право те, кому это право через Церковь даровал Господь. Надевание этой одежды мирянами — грех. Но если такое может быть каким-то образом допустимо во «взрослом искусстве», то совсем негоже для детей. В их исполнении такие «роли» обычно смотрятся наивно-пародийно. Да и, если согласиться с тем, что рисовать Бога и святого без выучки и благословения — грех, то, что сказать об именовании актера святым, даже в игре?

Но если не показывать на сцене святых (а значит, исключить из репертуара библейские и житийные сюжеты), то что может стать содержанием спектаклей, посвященных православным праздникам?

Здесь несколько вариантов. Один из них — рассказ косвенный, когда сами святые на сцене не появляются, но мы узнаем «о событиях» от

«свидетелей и очевидцев. Другой интересный вариант — это так называемые «живые картины», когда, например, в кульминации Рождественского спектакля герои подходят к традиционному вертепу, где внутри пещерки или на стене за ширмой открывается икона Рождества.

Но почти все священные сюжеты чреваты, опять же, вольностями в отношениях с подлинниками, опасностью создания неких современных детских «апокрифов».

Основной же репертуар школьных постановок может не быть столь строго и непосредственно связан с содержанием праздника, о празднике можно просто интересно рассказать. А вот для показа придумываются пьесы на самые разные поучительные сюжеты.

ТЕАТР БЕЗ СТАНИСЛАВСКОГО, А МОЖЕТ, И БЕЗ ТЕАТРА

дерзнула сказать, что театром мы с детьми не занимаемся. И поэтому лучшей похвалой мне показался отзыв одной учительницы, посмотревшей наше рождественское действо: «Наконец-то я увидела театр без Станиславского». Она поняла наш педагогический замысел абсолютно точно. Да, педагогический, потому что и сама сущность наших спектаклей не в лицедействе, а в детоводительстве. Мы

делаем театр для себя. М. М. Пришвин однажды сказал: «Надо найти такое место в жизни, чтобы жизнь для себя стала жизнью для ближних, для дальних, для всех». Так и хороший школьный спектакль «для себя» становится событием «для всех». Но перейду к разъяснениям.

Наша школа маленькая. В ней в разные годы учились от 100 до 130 человек. (Правда, к 2012-му их стало уже более двухсот, и наша задача усложняется.) И с самого начала мы решили придумывать наши спектаклидейства в такой форме, чтобы в них могли участвовать все. Зачем?

Затем, что в этом случае спектакль становится таким педагогически необходимым школьным делом, в котором «один — за всех, и все — за одного». Таким важным делом, что если кто-то паясничает на репетиции, этот проступок разбирают в кабинете директора, как ЧП общешкольного масштаба.

Затем, что подготовка к празднику занимает около месяца, и, таким образом, праздники становятся реальными доминантами учебного года, что соответствует и духовному ритму. Рождественский пост заранее настраивает на подготовку к Рождеству, Великий — к Пасхе, правильно

готовя масленицу мы приготовляемся одновременно ко входу в сам Великий пост. И не причастных к этой подготовке волей-неволей не остается.

А еще затем, что все дети любят играть. Так же, как все любят рисовать и петь. Некоторые, правда, об этом не знают. Потому что боятся. Потому что думают, что у них не получится. У нас петь, рисовать и выходить на школьную сцену боятся только «новенькие». А для остальных это спокойная органичная форма детского послушания, которое они выполняют добросовестно и с удовольствием.

Играть же им в большинстве случаев легко. Так как, во-первых, даже самому беспамятному без труда удается запомнить две-три реплики. Больше мало кому достается. Некоторые мечтают о главных ролях. Но те, кому их, наконец, поручают, догадываются, что два раза в жизни главной роли не получить. Это тоже педагогический принцип, лекарство от звездной болезни. И часто приходится жертвовать искусством ради педагогики — знаешь, что Коля бы лучше сыграл, да ему не полезно, и так носик высоко задирает. К тому же роли часто и пишем «под ребенка», так что многие играют сами себя и особенно лицедействовать им не приходится.

Здесь у нас в руках тоже великолепный педагогический инструмент, на котором, кстати, основано целое направление современной психологопедагогической терапии. «Проиграв» на сцене свою проблему, человек видит ее со стороны и, благодаря этому, преодолевает.

Эти проблемы, конечно же, типичные, а изображать мы их стараемся не сатирически, а с добрым юмором, смешно и необидно. В любом школьном коллективе найдутся свои жадины из «Пряничного домика» (действо «Сочельник») или модницы из «Золотого царства» (сказка «Белая ворона»).

Есть и «постоянные амплуа», продиктованные жизненной необходимостью. У нас в каждом рождественском спектакле есть роль для нашего Алеши. Алеша очень полный и почти ничего не видит, поэтому он играет то деревенского силача, которого дружки под руки важно выводят на драку, то богатыря-кузнеца, которому не приходится двигаться по сцене. И Алеша серьезно и ответственно исполняет роль, в которой он незаменим и неотразим.

⁶ Смотрите, например, книги Т. Шишовой и И. Медведевой

Что же для меня школа? Это друзья, замечательные учителя, веселые и познавательные уроки. Я всегда буду вспоминать поездку в Крым. Мы ездили с учителями в города, храмы, монастыри. различные в св.Анастасии. Посешали поднимались в скит монастырь святой мученицы Параскевы. ewe впечатлила поездка в Ялту: мы видели Ласточкино гнездо. Мне очень понравилось, но погода разочаровала, было холодно. Мне всегда будет не хватать Машиной доброты, оптимизма Миши Алексеева, искрометного юмора Филиппа и Миши Токарева, отзывчивости Веры и всех ребят на протяжении этих лет.

Алёша Верейкин, 11 класс (2010 год)

КТО ЗДЕСЬ АКТЕР И КТО ЗРИТЕЛЬ?

колько времени нужно, чтобы написать, разучить и поставить полуторачасовой спектакль на сто двадцать ролей? Разве такое вообще возможно? Представьте себе, да. Постановка самого сложного в году спектакля, Рождественского, занимает у нас не больше месяца, рекордный срок — десять дней. И секрет как раз в его форме, а форму эту подсказала нам сама школьная жизнь.

Повторю, школа у нас небольшая, мы стремимся дать возможность всем стать участниками. Но, значит, тогда мы лишим себя радости быть зрителями и этот праздник — только для гостей? А что если Покров пришелся на будний рабочий день и посторонних зрителей совсем мало? Кто же будет смотреть наше действо, кто будет зрителями? Да мы, конечно, тоже мы.

Когда мы решили, что будем делать праздник сами для себя и при этом приглашать тех, кому это интересно, то стали такие формы искать. За образец взяли народное искусство. Вот идет деревенская свадьба. Это ведь тоже спектакль: сложный, по-настоящему драматичный, где у каждого своя роль, где все — участники, и все — зрители. Правда, эти «роли» люди усваивают с раннего детства, когда из-за спин взрослых с любопытством наблюдают за происходящим, слушают, запоминают. Это действо учит, готовит к жизни в семье, предупреждает о предстоящих трудностях. Оно повторяется из поколения в поколение, веками, и каждый раз неповторимо.

Я играла в одной из последних сцен и из-за этого видела весь спектакль. Он был хорошим, но слишком длинным. Мне вполне понравилось, хоть и мало смысла. Я следила за текстом с лавки. После спектакля все герои пели «Во владеньях инея и снега...» А в соседнем зале была ярмарка. Я купила лося и диск с выступлением прошлого года. Там в конце пели ту же песню, что и в этом году. Я подпевала и даже прослезилась. В том году мне понравилась злая королева (Аня С.) А в этом — Варвара.

Кира Кузнецова, 5 класс (2010 год)

В школьном спектакле перевес в другую сторону, в нем могут быть некоторые повторяющиеся моменты, но в целом он должен быть новым.

Для того чтобы все могли быть зрителями, а репетиции не были слишком громоздки, спектакль или действо составляется из мозаики самостоятельных частей. Как стансы, или венок сонетов. И каждая часть разучивается, а то и сочиняется, самостоятельно, в секрете от других.

Сегодня утром я и мои одноклассники собрались вместе с Ангелиной Николаевной и отправились в 47-ю школу. Там уже было много народу, и стояли столы с поделками. Мы разделись и пошли в зал. Там было очень красиво и интересно. Начался спектакль. Вначале мне было немного непонятно — какой идет год и кто где (потому что некоторые актеры играли несколько ролей). Но потом все разъяснилось. Стало понятно, кого играли Тихон и Катя, Федя и Аня. Когда наступил нам черед выхода на сцену, я разволновался и забыл часть слов. Пришлось заменять их своими. Я бы хотел побольше таких праздников.

Вася Волков, 6 класс (2010 год)

ЗАДОЛГО ДО НАЧАЛА

де-то за месяц в школьную трапезную приходит письмо. За месяц до Покрова — от Осени, Царя, Садовника, всяко бывает. В конце ноября — от Деда-Мороза, Зимушки, тоже разно случается. Когда солнце к весне повернет — от Кота Василия, например. Что пишут? Задания назначают, в гости прийти сулят...

И вот в классах и мастерских начинается работа. Обычно это подготовка спектакля или концерта, костюмов, декораций, изготовление поделок для школьной ярмарки, для подарков друзьям и близким, подготовка к украшению своего участка школы, превращение классов в сказочные страны, по которым потом пойдут путешественники, подготовка игр, газет, генеральная уборка и пирог, наконец! Да мало ли дел в такой большой семье перед приходом гостей?!

После получения письма школа превращается в живой муравейник, где все спешат делать важные и интересные дела. Особенно радостно, когда в этом начинают участвовать и родители. Это поднимает в глазах детей значимость общего дела и объединяет нас.

Праздник предчувствуется и ожидается с нетерпением. Не забыть бы выпускников и всех друзей в гости пригласить, экскурсоводов по сказочной стране подготовить, выставку детских картин развесить...

До праздника далеко, но в школе уже пахнет праздником.

У КАЖДОГО ПРАЗДНИКА СВОЕ ЛИЦО

окров Пресвятой Богородицы, а позже — день преподобного Сергия — первый общешкольный праздник после начала нового учебного года, ему предшествует напряженный школьный сентябрь, и готовить большой отрепетированный спектакль нет ни возможности, ни резона. Поэтому на Осенний праздник у нас обычно «задается» только общая идея, и классу предоставляется возможность проявить свои

творческие способности. Конечно, художественный руководитель никому не отказывает в помощи, часто предлагается на выбор несколько вариантов разработки темы, а перед постановкой решение обязательно проходит художественную и идеологическую цензуру.

Я делала «коней»

Я хочу рассказать, как наш 8-й класс делал свои костюмы к сцене «Шахматы». Была достаточно необычная задача — сделать костюмы, похожие на фигуры шахмат. Мальчики у нас были черными фигурами, а девочки — белыми. Ирина Александровна сделала из ткани девочкам белые платьица, мальчикам — черные плащи. Но для того чтобы изобразить фигиры, недостаточно этого. На головы мы стали шить и вырезать фигуры. Пешки — набитые ватой круглые шарики из ткани на картонке. Ладыи картонный заборчик. Слоны — высокие конусы. Кони объемные силуэты коней. Все фигуры мы обтянули черной и белой тканью и решили просто закрепить резинкой на голове. За три дня все костюмы были готовы. Ребята стали примерять свои фигуры. Оказалось, что наш труд потрачен даром. Картонные сооружения слишком тяжелые и легко сваливаются с головы при малейшем движении. Оставалось меньше чем два дня до выступления... Мы начали думать, как сделать новые. На помощь нам пришел 10 класс и некоторые ученики из 7-го и 11-го. Очень здорово нам помогала Любовь Анатольевна, преподаватель основ православия. Старые фигуры разобрали и из них сделали новые, более легкие. Пришлось потратить время после учебного дня, чтобы переделать все. Я делала «коней».

Зимой темнеет рано, а у нас в классе домоводства не было света. Приходилось выходить в коридор и, сидя на полу, при тусклом свете доделывать их. Совместными усилиями «шахматы» были готовы.

Когда перед выступлением участники их надели, то, действительно, получилось очень похоже. Наши костюмы всем понравились. И становится очень приятно, что все усилия и потраченное время прошли не даром. Спасибо всем, кто помогал нам в этом!

Анастасия Васильева, 8 класс (2009 год)

К Рождеству обычно пишутся цельные пьесы, о которых мы расскажем поподробнее.

Пасха — Праздников праздник. Знаю многих людей, полюбивших Бога и Церковь после первой пасхальной Заутрени. Главное, конечно, происходит в Храме, и радость Пасхального богослужения настолько ослепительна и ни с чем не сравнима, что рядом с ней блекнут все пиры и концерты. На Пасху у нас, в соответствии с календарем, бывают каникулы. И поэтому праздник обычно отодвигается на вторую после Светлого воскресения неделю, а это неделя жен-мироносиц, православный женский день. Потому в наших пасхальных праздниках обычно три темы: Пасха, мама, весна. И нам всегда казалось, что наиболее уместная форма торжества не спектакль, а концерт. К концерту мы иногда присоединяем небольшие сценки, проводим «семейные» викторины, игры для мам и детей, дарим подарки.

На Пасху в последние годы устраивается придуманная Галиной

У нас в школе проходил праздник Сергия Радонежского! На празднике мы узнали о жизни этого святого. Потом был концерт. Я вместе с девочками нашего класса танцевала танец 12-ти дочерей. Я танцевала барыню, нам много хлопали. На празднике всем было весело. На улице были аттракционы веселые и смешные: ходули, танцы и многое другое. Затем мы пошли на обед. Было много сладостей.

Настя Сафошина, 2 «б» класс (2010 год)

Николаевной Жуковой выставка «Золотые руки моей мамы» с показом, рассказом, награждением. Вы не представляете, с каким трепетом дети в последние дни перед праздником носятся с варежками, шапочками, салфетками сшитыми, связанными, вышитыми мамами и бабушками. А некоторые приносят семейные реликвии, образцы мастерства своих прабабушек, чудные изделия ушедших времен.

Масленица. Стараемся помнить, что это не только заговенье, но Неделя о страшном суде. Поэтому широкую Масленицу мы в последние годы несколько «сузили». Постарались сохранить суть: встреча с друзьями перед началом поста, прием гостей, заговенье. Поэтому на мясопустной неделе мы проводим межшкольные научные конференции, на которые приезжают гости из разных школ.

Перед конференцией наши малыши, которые в научных прениях пока участия принять не могут, показывают для всех небольшой концерт.

Мне понравилась наша Масленица. Очень понравилась. Вы спросите: почему? Во-первых, было очень весело. Были пляски, хороводы, игры, аттракционы. Вовторых, каждому классу дали задание нарядить человека в чудо-блюдо. Наше чудо-блюдо было пындырик. Это хлеб, обжаренный в сладком сиропе, с яйцом, молоком, зеленью и икрой. Марина Евгеньевна сделала хлеб из поролона, икру из соленого теста, помидоры из шерсти. Мы переодели Нику в пындырика. Если честно, я хохотал до упаду. В-третьих, мы ели блины! Я съел штук десять блинов и потом видеть их B-четвертых, на Маслениие аттракционы. Мне понравился канат и бой на палках. На канате я стянул «фру-фру», шоколадку и конфеты. В бою на палках я выбил пять игроков и заработал 5 жетонов. Еще была такая игра — «божья коровка». Надо было сесть на большую божью коровку из фанеры и, когда тебя катают, не слететь. Я ни разу не слетел. Вот чем мне понравилась Масленица.

Илья Паршуткин, 6 класс

Это обычно фольклорные попевки и постановка небольшой сказки. Интересно, что однажды сочиненная сказка про Масляну-обжируху так пришлась к теме, что мы ее с удовольствием повторяем, как традиционное действо. И от повторения веселый смех не становится тише.

В последние пять лет стал традицией приезд на масленице гостей с родины преподобного Сергия — из Варницкой гимназии. Мы показываем спектакли друг другу, вместе выступаем на конференции, поем, играем, пьем чай.

После напряженной и радостной совместной работы вместе с гостями в четверг утраиваем действо — гуляние на улице, угощаемся блинами у костра. На прощание просим у гостей прощения. В пятницу — чин прощения в школьном храме.

Но все-таки главный детский праздник на свете — Рождество Христово. Как и обещали, о Рождественском спектакле поговорим отдельно.

11 РОЖДЕСТВЕНСКИХ СКАЗОК

Дню Рождения Господа нашего Иисуса Христа мы по традиции каждый год готовим НОВОЕ БОЛЬШОЕ РОЖДЕСТВЕНСКОЕ ДЕЙСТВО. Но для этого мне приходится отложить важные административные дела — всяческие приказы, постановления, решения и выговоры — и эту новую сказку сочинить. И когда приближается ноябрь, мне заранее становится страшно (а вдруг не получится, а вдруг

идея не придет в голову?) и радостно, и я с жадностью смотрю на листы чистой бумаги на письменном столе.

Придумать что-нибудь новенькое непросто, почти невозможно, после того как на свете жили Пушкин, Андерсен, Ершов и Сельма Легерлёф. Но такой уж у нашей школы неписаный закон — если надо, значит, не может не получиться! И, махнув рукой на себя, я полагаюсь на Божью помощь и русское «авось» — авось что-нибудь снова напишется.

Беда в том, что надо сочинить не просто сказку, а еще такую, в которой ребятам захочется играть. Однажды мне пришлось придумать историю, в которой действовало, по меньшей мере, 10 принцесс! Иначе девочки бы очень огорчились. К тому же почти все ученики (а это 200 человек!) хотят получить роль — и не последнюю, а, конечно, самую главную. Но теперь поставьте себя на мое место: 200 ролей — это не шутка! Что бы я делала без наших сценических «базаров», «снежинок», «зверюшек» и других друзей драматурга?! Чтобы мы делали без прекрасных хоровых песен, которые разучивает с детьми Валентина Геннадиевна, и без танцев-сценок, которые придумывает и ставит наша Ольга Александровна Субботина?!

Но свежий сюжет, где его-то взять? Много лет назад я опрометчиво решила, что хорошо было бы сочинить 10 сказок (тогда еще в школе учились 10, а не 11 лет), чтобы никто из учеников не играл в одной и той же постановке два раза подряд, а потом можно снова ставить пьесы сначала. И мне все время казалось, что ничего не получится. Расскажу для примера, что я испытывала, когда писала предпоследнюю, десятую свою сказку...

Сюжет не придумывался. Дел было много. В общем, не до сказок. Я откладывала, откладывала, но, в конце концов, отпросилась сама у себя из школы на 5 дней и села за письменный стол — ведь обещания, даже данные наедине с самой собой, надо стараться выполнить.

Повертела я старые сказки — обо всем, кажется, уже писала! В чем, думаю, у нас сейчас больше всего загвоздок, откуда основные наши

трудности? Я вспомнила разных «трудных» детей, их измученных мам и пап, и, неожиданно для самой себя, начала писать «Сказку для трудных родителей». Закончив сочинять сюжет, я усомнилась — педагогично ли мое решение? Уже само название могло обидеть взрослых. Да и в пьесе они впервые выглядели не жертвами детского непослушания, но виновниками их страданий. Я даже собралась растопить печку и, вообразив себя новым Гоголем, сжечь несчастную рукопись... Посмотрела в окно, оглядела письменный стол — на глаза попалась книга греческого старца «О воспитании». Я стала её читать. Прочла, подумала, истопила печку дровами и села за продолжение пьесы.

Когда я закончила, то поняла, что родители меня поймут обязательно. А если не поймут сразу, то им помогут мудрые бабушки и дедушки.

Теперь у нас есть 11 разных Рождественских сказок. Было бы и 12, но одна сказка перекочевала после переделки из зимних в летние — это «Сказка о Горе-Злосчастье». А первые две уже переписаны на новый лад,

То, что спасает детей и делает их хорошими, — это поведение их родителей в семейном кругу. Родители должны отдать себя любви Божией. Рядом с детьми они должны стать святыми, терпеливыми, имеющими любовь. Каждый день будем полагать новое начало, будем иметь новое расположение, воодушевление и любовь к детям. И радость, которая придет к родителям, святость, которая посетит их, излучит детям благодать. В плохом поведении детей виноваты в общем-то родители. Их не спасают ни советы, ни строгость. Если родители дисциплина. Huстремятся к святости, не подвизаются, то они делают огромные ошибки и передают детям зло, которое внутри них. Если родители не проводят святую жизнь, если они разговаривают без любви, тогда дьявол мучает родителей сопротивлением детей. Любовь, единодушие, хорошее взаимопонимание между родителями — вот что нужно детям. Великая защищенность и надежность

> Из книги Старца Порфирия Кавсокаливита «Житие и слова»

что, видимо, может произойти и со следующими. Но главное — теперь их 11, ровно столько, чтобы переходя из класса в класс, перемещаясь из разряда «зверюшек под елочкой» в число «ярмарочных торговцев», а потом уж и дорастая до «пап» и «мам», ребята ни разу за всю школьную жизнь не сыграли на Рождество в одном и том же спектакле.

ГОСТИ УЖЕ ПРИШЛИ

так, гости приглашены, школа вычищена до блеска, правда, классы немного завалены реквизитом и костюмами — ведь все участвуют в спектакле. Родители взволнованно спрашивают, куда нести конкурсные семейные караваи. У входа дежурные в народном костюме или в форме (это зависит от характера праздника) встречают гостей, ведут в раздевалку и на экскурсию.

Яркие таблички показывают дорогу на праздничную ярмарку поделок. Важный малыш спешит выкупить свою куколку на школьные деньги, гривны, и подарить её бабушке, пришедшей на праздник. Маме он еще раньше подарил свою первую работу, полученную на память от преподавателя. На ярмарке — керамика, вышивка, корзины и лукошки. Кто-то смотрит новую выставку картин.

Но основная часть школьного населения надевает костюмы, судорожно повторяет роли. Радостно обнимаются и щебечут выпускники. Правда, глаза у них грустные — жалеют, что выросли, и сейчас не им выходить на школьную сцену, что они немного в стороне от этой родной бурливой жизни.

Если мы в своих стенах, то главное — всех уместить. Уплотнились. В тесноте да не в обиде. А малыши даже рады посидеть на коленках у преподавателей и друзей из старших классов. Двигаем сидящих на ковре: «Дети, оставьте проход на сцену!»

Первые выступающие готовятся, музыка... Действо начинается. Знаете, привить вкус к школьным спектаклям ведь тоже удается не всем сразу. Многие вначале идут как бы «на работу», из чувства товарищества. Но придет время — и обязательно полюбят. Ещё и потому, что люди любят то, во что вложен их труд.

Что бы мы ни показывали и ни рассказывали — главное, чтобы происходящее хоть немного умягчило сердце, напомнило о добре и правде. В шутку и всерьёз мы говорим, что если во время спектакля никто не прослезился — плохо поработали.

ПОСЛЕ ДЕЙСТВА

пектаклем или концертом дело не заканчивается. Из уюта и духоты зала зрители и участники с одинаковой радостью спешат на улицу, где все давно готово для игр и гулянья. Взрослые и дети катаются с горы, прыгают через канат, его же дружно тянут, стреляют из лука. На длинной резинке скользят за конфетой по льду, карабкаются по канату на чудодерево за грушами и бананами, ходят на ходулях, пляшут

кадриль. Все зависит еще и от сезона. Есть игры традиционные, излюбленные, периодически появляется что-нибудь новенькое. Главное — чтобы никто не стоял, не ждал, чтобы было побольше конфет, чтобы победители сразу забывали о достижениях (некогда!), а побежденных в таких забавах и не бывает.

А как весело кататься с горы с папой и прыгать через веревочку с учительницей математики! А когда самым сильным в метании палицы окажется батюшка, авторитет его как преподавателя православия, поверьте, только поднимется.

Хорошо, если во время гуляния по площадке ходят и выкликают прибаутки коробейники со сластями своего изготовления, торгуют на гривны. Торговля покупным товаром и не в пользу класса преследуется «школьной таможней» в лице, например, завуча. Подготовка коробейников тоже бывает в числе заданий. Но не всегда можно найти любителей — куда интереснее прыгать на бревне и стрелять из лука.

Маленький секрет: если хотите, чтобы после праздника во дворе было чисто, объявите конкурс фантиков. Кто больше наберет — тому отличный приз.

После гулянья — чаепитие или общий праздничный пир. Обычно сюда и прибывает долгожданный гость, автор письма с заданиями. Как-то раз, когда на масленицу задания написал Кот Василий, мы перед праздником долго искали выход. Решили взять кота настоящего, благо, у нашего художественного руководителя Галины Андреевны Паленки кот оказался подходящий. Пошила она ему народный костюм, принесла на трапезу... Восторгу народа не было предела. А кот отлично справился с задачей: одни конкурсные блины умильно нюхал, от других почему-то отворачивался. Никто не обиделся. Нельзя же обижаться на кота!

Для трапезы лучше писать отдельный небольшой, но веселый сценарий. Но лучше всего на трапезе просто вместе петь. Для этого нужно знать побольше общих песен, а тем, кто не знает или подзабыл, очень

помогут репертуарные сборники. Мы такие периодически для себя переиздаем и во время праздника раздаем всем. «Страница 30, «Школьный вальс», подпевайте!» И, конечно, чтобы мы делали все эти годы

После поездки в Хороброво с «театром на колесиках» школы «Образ» мне очень хотелось посетить Малаховку. Я обещал ребятам, с которыми сильно подружился, что обязательно приеду к ним. И вот это свершилось! Приехав в школу, я очень быстро влился в распорядок школы. Я сразу почувствовал себя частью этой большой, доброй семьи, почувствовал всю полноту гостеприимства. Ребята показали спектакль «Евгений Онегин». Я был поражен объемом выученного ребятами наизусть текста, да и вообще смелостью такой сложной постановки...

Неизгладимые впечатления оставили «Блин парад», хоровод, длинный канат перетягивания, конфеты высоко на дереве, бои на брусе, прыжки через канат, ручеек — это незабываемо. Особенно мне запомнился побег блинов от ребят. Понравились посиделки, на которых была очень добрая домашняя обстановка. Bceчувствовали себя братьями сестрами. Вместе мы спели несколько песен. Уезжать совсем не хотелось, но это было неизбежно... От ребят я получил большой заряд детской радости. Очень надеюсь приехать снова этим добрым κ гостеприимным ребятам. Оставайтесь всегда такими хорошими.

> Корнилий Борисов, 11 класс Варницкой православной гимназии (2011 год)

без такого виртуоза-аккордеониста, как Владимир Владимирович Дмитриев! Русскому человеку потребно хоровое пение, в нем находит отраду соборность его души.

Вообще весьма полезно все делать вместе с детьми, это и взрослых очень дисциплинирует, и с детьми сближает. Важно и соучастие родителей, выпускников, друзей — когда еще найдется время пожить общей жизнью?!

ЧАСТЬ ПЯТАЯИ много других живых затей

лово «проект» стало модным и современным. Воспользуемся им для обозначения еще нескольких мощных и необходимых направлений в работе школы. Каждое из них возникало не столько от потребности, а от совпадения потребности в этом направлении с возможностями школы. Возможности не в материальных средствах, а в людях, имеющих желание и талант это направление реализовать. Объясню.

Мне иногда говорят: «А давайте в школе организуем то-то и то-то. Это вон как хорошо и интересно получилось в той или иной школе. Разве вам не хочется?»

- Давайте, соглашаюсь я. Делайте.
- Да нет, я ведь только предложил. Надо найти человека...

Самое трудное-то и есть — найти человека! Но когда приходит время тому или иному проекту, человек обязательно находится.

Так, мне с юности нравилась идея поэтического театра, я о ней читала, и во Дворце Пионеров на Ленинских горах мы с детьми ставили литературно-музыкальные композиции. Но делать такой театр мне самой было некогда, а больше на протяжении многих лет было некому. Пока не появилась Ирина Витальевна, и однажды не оказалось, что такой театр мы понимаем с ней одинаково — и по его целям, и по форме воплощения. И получился проект.

И музей создать давно хотелось. Я видела отличную постановку школьного музейного дела в Сергиево-Посадской православной гимназии, в других школах, сама потихоньку собирала материалы. Но не было человека, и не появлялся до поры до времени настоящий музей — так, разрозненные фрагменты.

А уж создание газеты было делом самым что ни на есть родным и знакомым. Я завидовала хорошим школьным изданиям, с удовольствием читала газеты «Центра непрерывного образования Серафима Саровского»,

школы-пансионата «Плёсково» и других. Очень хотелось сделать газету! Я просто «наступала на горло собственной песне», понимая, сколько сил и времени заберет газета, если ей заниматься всерьёз и постоянно — а иначе и не стоило. Редактора менялись три раза, дольше других проработала опытная журналистка из газеты «Первое сентября». Потом за это дело неожиданно решилась взяться наша библиотекарь Ангелина Николаевна. И оказалась на своем месте. А газета приобрела настоящего «своего» редактора, который жил школьной жизнью и знал ее и детей не понаслышке.

Ну и «бродилки» — дело совсем для нас «свеженькое», начатое в 2010 году. Не новое — что-то похожее на «бродилку» происходило, как я уже рассказывала, при открытии школы в 1992 году. И очень интересно рассказывала про ролевые игры коллега, директор школы «Рождество» Валерия Феликсовна Шварц. Но должна была однажды войти ко мне в кабинет Анастасия Сергеевна Гумилевская и предложить: «Давайте делать бродилку!» И она ее сделала.

А дальше пусть про эти проекты расскажут сами авторы — они ведь люди творческие и самостоятельные, или участники — им иногда виднее!

МУЗЕЙ

В 2011 году в праздник Благовещения в школе открыл свои двери музей в память Царственных мучеников. О том, как он создавался, вспоминает учитель истории Елена Александровна Казимирова:

«Однажды мне рассказали историю о дедушке, который, умирая, оставил наследство своему сыну. Записочки, как распорядиться наследством, он

оставил по квартире в разных местах. Всего их было три. В них указывалось, что патефон, фотоаппарат довоенного времени и многое другое, что хранилось бережно годами, сын должен передать в музей. Забавным показалось, как сын то тут, то там находил эти записки...

Потом мне принесли эти предметы, они были очень интересными и подумалось, что музей может быть и школьным, не обязательно передавать в городской.

Прошло время. Каникулы. Ремонт в квартире. И вдруг я вижу на полу газету «Аргументы и факты», на странице фотография императрицы Александры Федоровны с фотоаппаратом, точь-в-точь как у дедушки, и надпись, что царица была семейным фотографом. Вот тогда я уже точно осознала, что музей у нас будет, и посвятим мы его Царственным мученикам.

Музей создавали всей школой. Библиотека выделила из фонда книги, посвященные царской семье. Ребята из 8 класса, в кабинете которого решили делать музей, с интересом следили за перестановкой в классе. Сразу же загорелись участвовать в экскурсиях, принимать гостей. Особенно им понравился патефон: они его часто включают, благо, что играет громко, и пластинок нам досталось по наследству очень много.

Однажды появилась целая экспозиция с фотографиями императора в рамке, со стеклом, портрет. Откуда? Оказывается, умер сын у женщины, почитавший царственных мучеников, и мать, не зная, что делать с портретами, решила передать их в нашу школу, хотя и не догадывалась, что здесь открывается музей. Неожиданно появились у нас и деньги старинные. Любитель старины, Сергей Иванович Вязьмин, пожертвовал монеты времен Ивана Грозного, Анны Иоанновны, Екатерины II, Павла I... старинные крестики, пуговицы и другие ценности, которых не имеет иной краеведческий музей.

Работа в музее приносит большое удовольствие взрослым и детям. Это благодарное дело и вдвойне нужное, так как мы прославляем Святых, погибших от рук врагов земли русской. Как помазанники Божьи, они пострадали за Христа и за нашу святую Русь».

ГОСТИНЫЕ

олоссальная работа Свинарчук Ирины Витальевны, преподавателя литературы и мировой художественной культуры — это литературно-музыкальные гостиные. За учебный год в школе готовится две-три гостиных, и каждая постановка — кропотливый труд сценариста, режиссера, декоратора, костюмера — в основном во всех этих лицам выступает сама Ирина Витальевна. Хотя у нее немало и

помощников. И — почти каждодневные занятия с ребятами, бесконечные репетиции... Первые гостиные мы налаживали с большим трудом. У ребят еще не было привычки к хорошей живой музыке, к художественным

Метельное

...Недавно я побывала на школьном спектакле по пове $cmu\ A.\ C.\ Пушкина\ - «Метель».\ Я\ долго\ думала\ - cmo$ ит ли идти, у меня были довольно большие сомнения. Но я решилась, и об этом не пожалела. Хоть из-за незнания рассказа я и не могу сравнить спектакль с оригиналом, мне понравилось. Даже очень понравилось. И понравилось всё: и игра детей, которых я узнаю, и музыка, и сюжет. Хотя и было несколько запинок. Чаще всего, смотря спектакли, я просто смотрю. Но не сейчас. В этот раз мне хотелось знать, что будет дальше. Сами собой в голове строились предположения, складывались повороты сюжетных линий. Они почти никогда не оправдывались, но 2-3 версии оказались правильными. От просмотра я получила большое удовольствие. В конце сильней всего хотелось двух вещей: первое — сейчас же сесть и еще раз посмотреть спектакль. А во-вторых, мне хотелось знать — как бедная мать Марии отнесется к рассказу дочери и ее нового жениха. Если бы мне такое сказали, меня бы удар хватил. И естественно, я представляла этот разговор... Впрочем, помещать его здесь будет излишне. Желаю всем смотреть хорошие спектакли. Пока!

Кира Кузнецова, 6 класс (2012 год)

текстам, которые, к тому же, надо учить наизусть. Репетиции часто устраивались вместо уроков, на больших переменах, так как немногие готовы были жертвовать свободным временем. Но когда «вошли во вкус», когда участие в гостиных вдруг обрело вес в детском коллективе, тогда уже дети сами стали засиживаться с Ириной Витальевной до вечера и приходить по выходным. Хочешь выступать в интересной роли, в красивом костюме — не прогуливай репетиций и не заставляй себя уговаривать. Мало найдется теперь в старшей школе детей, которые бы хоть раз не поучаствовали в гостиной. И как приятно видеть неуклюжих и угловатых еще вчера подростков этакими денди в ролях Онегина, Ленского, Владимира из «Метели», пилота из маленького принца...

Гостиные — это ни в коем случае не театр, и не монтаж. Это действительно литературно-музыкальные композиции. Музыка здесь всегда только живая, в исполнении детей, которые учатся еще и в музыкальной школе, и иногда это очень сложные произведения, выученные добровольно и сверх программы «музыкалки». Музыканты играют в костюмах соответствующей эпохи, это тоже — роль. А литературные произведения, если это не пьесы (из пьес мы ставили только «Моцарта и Сальери» и то один раз в соединении с реквиемом Ахматовой), звучат без изменений, с текстом рассказчика и, если нет прямой речи, чтением героями рассказа «о себе» в третьем лице.

Чаще всего в гостиных показывают Пушкинские произведения — «Метель», «Реквием», «Сказка о мёртвой царевне», «Евгений Онегин», или раскрывают пушкинские темы: «Лицейская годовщина», «Болдинская осень». Были еще сказки — «Снежная королева», «Дикие лебеди»; ставили композиции к 60-летию великой Победы, по Экзюпери — «Маленький принц», по творчеству А.К.Толстого, о преподобномученице Елизавете — «Великая княгиня»; был вечер классического вальса, вечера, посвященные творчеству И.С.Баха, В.А.Моцарта (по «Детскому альбому») и П.И.Чайковского (по «Временам года»).

В спектакле некоторым исполнителям приходится играть две и даже три роли, так как наша школа очень маленькая, учеников в ней немного и для всех ролей не хватает.

Композиции готовят долго, и пока учат тексты, танцы, многократно слушают скрипку и фортепиано — разве тогда уже не растут и не впитывают в себя участники живую и полноценную культуру, без слов и поучений, без насилия и оценок?

Спектакль становится для ребят наградой, пиром, венчающим большой труд. А для всей школы — настоящим событием.

ГАЗЕТА

Школьная газета — это не просто печатное издание на энном количестве листов, а постоянная взросло-детская деятельность. Процесс, одновременно отражающий жизнь школы и сама эта жизнь, потому что, чтобы получить лучшие материалы, надо участвовать, «вариться» во всех событиях. Постоянно.

Для всех окружающих школьный номер газеты — это выходящий раз в месяц многостраничный сборник. Но так можно видеть только со стороны; те педагоги и дети, которые участвуют в ее создании, понимают, что работать в газете надо всегда. Что-то происходит в эту минуту — значит сейчас же надо поймать и «осветить».

Как только вышел новый номер этого месяца, и мы рассматриваем его, свежеотпечатанный, на студии журналистики, уже сразу же находимся в середине работы над новым, будущим. Любой журналист живет в особом времени. В августе вспоминает о майском последнем звонке, в сентябре думает: какую тему предложить для освещения октябрьского Дня учителя и одновременно для ноябрьских каникул... «Где я?..» Детям к этому привыкнуть сложно, сначала они недоумевают, путаются, им кажется, что впереди еще много-много времени...

Газета началась с 2006 года, в прошлом году мы тихо-мирно отметили пятилетний юбилей ее, даже завели непостоянную рубрику о газете, о студии журналистов в школе. Постоянная не получалась — уж больно много всяческих других материалов претендовало на размещение на восьми полосах. Вообще, постоянных рубрик в газете немного, главное — показать разнообразие событий, и поэтому приходится поступаться четкостью структуры. Школа всё время изменяется, и газета — вместе с ней. Но есть и определенные блоки — «Начальная школа», рубрика о поездках «Мы едем, едем, едем...». Всё остальное зависит от больших событий — им обычно отводится тогда и разворот, и первая полоса. А с недавнего времени стали выходить целые тематические вкладки «Газета в газете», по 4 полосы!

Раньше для главного редактора, автора этой статьи, самым сложным и даже страшным делом было поручение сделать подписи под фотографиями на стенде. Как их писать-то, эти надписи? Что нельзя написать, а что можно? Как я дошла до жизни редакторской и

студийно-журналистской, сама полностью объяснить не могу. Но рада произошедшему. С 2010-го —редактирую «Наш Образ», до этого год-два изредка писала репортажные статьи и рецензии на вышедшие книжки туда же, а с лета 2011 года веду студию журналистики, на которую ходят ученики средней и старшей школы, а в прошлом году пробился даже четвероклассник один — так, значит, стремился. И не зря, действительно хорошо пишет, не обыденно.

Наверное, это уже традиция: многое в школьной жизни начинается с нашего лагеря «Хороброво», и новые дети часто приходят в школу, побывав на летней смене. Так и наша студия зародилась летом в лагере. Там газета делалась оперативно: написали о текущих событиях, тут же набрали текст на компьютере, отобрали фотографии, сделанные пару часов назад — и давай печатать газету. И так почти каждый день в течение трех недель.

В учебное время немного по-другому. На студии мы успеваем и разобрать теорию, и проанализировать уже сделанное, и тут же применить полученные знания на практике, написав статью, и поиграть в полезные и интересные игры, развивающие качества, необходимые журналистам, например, память.

Но не только студия создает номер газеты. Каждый класс во главе с классным наставником выбирает себе один номер в году, за который затем и берется. Занимается сбором материала, пишет. Если не может писать —привлекает умелых к работе, фотографирует. Таким образом, у каждой газеты — свое лицо, точное отражение класса — седьмого, восьмого или пятого, или какого-либо другого. И получается такой много-Образный, «Наш Образ».

Кравченко А.Н., редактор газеты «Наш Образ»

БРОДИЛКИ

то было в начале 2010/11 учебного года. После того, как ушел прошлый одиннадцатый класс, мы поняли — предстоит в какой-то мере заново создавать школьный коллектив, детскую здоровую иерархию, свежую и добрую атмосферу. Уход старших мальчиков — оболтусов, сонь, лентяев, но и — друзей, помощников, людей, которые всегда подставляли плечо и без зова приходили на помощь. Уход мальчиков и

девочек, с которыми мы столько пережили и вместе создали за эти 11 лет. Уход людей, которым было НЕ всё равно, как живет весь школьный народ и какой станет школа, людей, которые являли пример живой веры и любви к богослужению — был пока невосполнимой потерей.

И вот школа стала другой. В ней то тут, то там высовывали голову вовсе не те лидеры, которые могли повести к добру и правде. А те, кто мог — или потеряли уверенность в себе, или просто расслабились. Золотой век учительского психологического благоденствия кончился. Надо было начинать все если не с начала, то с середины.

В общем, год начался тяжело и потянулся, как груженая камнем телега. Не хватало воздуха.

Что делать? Как направить энергию драчунов в мирное русло? Как подружить классы? Как вернуть здоровую любознательность и любовь к предмету?

Как, наконец, встряхнуть и оживить педагогический коллектив, погрязший в рутине?!

Вот тогда Анастасия Сергеевна и предложила сделать ИГРУ. Какую такую игру? А ролевую, или бродилку. Долго выбирали сказку. Выбрали «Алису в стране чудес». Почему? Да потому только, что была нужна игра, а точнее — персонажи веселые, колоритные. Нужны были чудеса, а какая еще сказка чудесатее Алисы? Нужны были превращения. Всего этого в Алисе хватает. И про науки там немало — есть и география (путешествие! к центру земли!) и мать-и-мачеха, и оооочень много всякого английского и русского языка, словесных игр и каламбуров. Играй — век не переиграешь. А сюжет как-нибудь сами придумаем. Очень весело было заранее — когда надо было все скрывать от классных наставников и даже — от завуча по воспитательной работе — раз она тоже классная дама!

Учителя требовали правил игры, а их не было. Там начнем — и разберемся! Всем было не на шутку страшновато, все равно, что нырнуть в незнакомое море и отдаться на волю волн. Меньше других боялись

педагоги с Хоробровским опытом — они-то знали, как это бывает, когда из ничего рождается вдруг целый концерт или спектакль. Алексей Юрьевич — птица Додо — плёл себе клюв. Михаил Александрович творил финансы в прямом смысле слова — рисовал время, то есть деньги, точнее, денежное время. Еще точнее — минутные деньги! И — ценные мыслями бумаги.

Так что же произошло утром 18 ноября?

Школа в зазеркалье

...Едва мы успели досмотреть мультфильм — и сразу в школе начали происходить кардинальные изменения распорядка дня. Вместо завтрака был ужин, а вместо обеда — завтрак. Даже некоторые учителя изменились, превратившись в героев мультика. Вот, например, учитель физики и информатики Александра Сергеевна преобразилась в героиню Агаты Кристи Мисс Марпл. А я был ее племянником.

Половина школы была разукрашена то наклейками, то разноцветными рисунками, напоминающими мультяшную атмосферу. Все классы заменились волшебными «станциями». На каждой станции для 1-9-х классов были подготовлены различные задания. На станции кибернетики участники разбирали и собирали компьютеры, рисовали красочные рисунки в редакторе «GIMP» и считали на калькуляторе. Так как я был любимым племянничком Мисс Марпл, я помогал ей давать задания детям, посещавшим нашу станцию.

За правильные ответы и хорошо выполненные задания мы с тетушкой давали им возможность преобразовать время обратно. Так весь день и прошел: в перемещениях по станциям — возвращая время вспять.

В целом этот день был похож на какой-то безумный праздник: день наоборот... Вот только со смыслом...

Родственник тетушки Джейн Саша Петров, 10 класс (2010 год)

Золотой ключик. Условия и правила игры

В этом году наш класс участвовал в игре в роли организаторов, а не участников. Это было очень здорово: хранить игру в секрете от остальных классов, помогать взрослым готовить станции, продумывать свой маршрут и представлять из себя делового менеджера. Все должно было происходить так: когда ребята и их классные наставники придут в школу, часть классов будут заперты (объясняем это не закончившейся обработкой школы против мышей), все идут (как ни в чем не бывало) на молитву, после — сразу на завтрак. Десятый и одиннадцатый классы быстро-быстро завтракают и тихонько «утекают» переодеваться. Следующим нашим пунктом было проследить, чтобы весь-весь народ зашел в зал, а самим зайти вслед. Участникам показывают видео-обращение Кардебаса Бардебаса, рассказывают о том, что школьная власть перешла к нему в руки, и теперь у нас новая система образования. И после того, как всё это кончится, ребята должны не успеть моргнуть глазом, а рядом с их классом уже должен стоять менеджер, радостно улыбаться и тут же начать рекламировать финансовию систему Кардебаса, действующие студии и уверенно повести свою команду на заработки. Далее все было у нас (менеджеров) в руках, по словам Анастасии Сергеевны, мы должны молоть языком, быть развязными, деловыми и уверенными в себе. Надо было уговаривать детей потратить побольше заработанных денег на удовольствия, которых на самом деле нет. Но вот в чем состоял вопрос игры: поймут ли дети, что в новой системе нет ничего хорошего, что всё строится на обмане?

...На финал игры надо собрать (буквально заманить) всех в зал на итоговый спектакль, забрав оставшиеся «золотые» на билеты, и запереть за собой двери. По времени уже должен идти обычный икольный обед, и оставшаяся за дверью Лариса Геннадьевна звонит в колокола. Дети (по плану) должны заволноваться, но вдруг среди детей встает Буратино и кричит: «Ребята, что же это такое? Чем же мы занимаемся? Нам обещали сладкую жизнь, мы работали, но ничего хорошего не получили! У меня есть золотой ключик, и мы откроем дверь!»

Входит приехавшая Татьяна Юрьевна, кладет конец беспорядку и радостно ведет всех на обед. Работники и единомышленники Кардебаса Бардебаса незаметно растворяются.

Катя Щербакова, 10 класс (2011 год)

Дети, реакции, случаи

Когда нам дали возможность выбрать, с каким классом ходить по станциям, я выбрала четвертый. Они уже не совсем маленькие, чтобы плохо соображать, и не совсем большие, чтобы не верить в происходящее.

После слова Кардебаса Бардебаса по видеообращению, я подошла к нашим ребятам. Стала объяснять, что с сегодняшнего дня не нужно учиться, что все можно купить и т.д.

Мальчики начали выхватывать кредитную карту, кричать, спрашивать, можно ли будет купить машину, в общем, вели себя диковато. Мы пошли по станциям. Первой была танцевальная. У всех все получалось неплохо, и мы, получив деньги, пошли в банк. Там давались всем примеры, результат которых был одинаковый. Но некоторые ребята просили меня сосчитать им. После этой станции все пошло не по плану. Везде было занято. Приходилось оставлять детей и бежать смотреть, где свободно. У меня все время интересовались, когда же, наконец, пойдем в трактир «Три пескаря». Анастасия Сергеевна спросила, кто что будет кушать. И началось... Посыпались заказы кока-колы, Бик Маков и прочего. Если честно, я не очень помню за всю игру такие крики девочек. Орали только парни и решали за них, по-моему, всё. «Шашлык будете? Да! Какой? Свиной? Да!» Когда мы зашли туда, крики и споры не утихали. В конце концов, сделали заказ. Какое же было недоумение и гнев детишек, когда им открыли картинки того самого, что они так хотели. Очень грустные и голодные они налетели на воду и белые сухари. Было сложно увести их из трактира. Идеальная тишина была только на станции Чистописания. Когда им предложили написать «Кардебас Бардебас, мы любим вас», Галина Николаевна сказала, что не стоит, он же заставляет вас работать на него и т.д. А кто-то выкрикнул: «Не-е, я напишу, он же банкир!!!» Много раз бегали и покупали освобождения, аттестаты и все спрашивали: «Насть, а это правда? Точно?» Тогда все опять убегали. Мне было немного тяжело, так как Галина Николаевна посередине игры уехала, и мне одной нужно было следить и за дисциплиной и за тем, чтобы не растерять всех. К концу я стала просить, чтобы мне сдали деньги на билет на спектакль. Никто не хотел, но как только я сказала, что верну на две больше, у всех как-то появилось много золотых, и сдали мне до единого. В целом было весело и интересно. Жаль, что мои четвероклашки не поняли того, что задумывалось, и совсем не вспомнили про Татьяну Юрьевну. Правда, мне под конец уже надоело, что их всюду обманывают и за все берут деньги. Я за день игры очень устала. Даже больше, чем в обычный учебный день. Как сложно все-таки быть педагогом!

Анастасия Васильева, 10 класс (2011 год)

А утром оказалось, что очень трудно в первый раз сделать реверанс перед королевой. Особенно когда тебе всего два с половиной года и в королев ты веришь всей душой. Приход королевы в детский сад был воспринят со счастливой оторопью. Если бы бабушка Валя не подала пример, реверанс Марусе и Любочке с Анечкой ни за что бы не удался. Но вслед за элегантным книксеном Валентины Михайловны они старательно скривили крошечные ножки, и, не отрываясь, смотрели на корону. Когда их провели по школе, они вели себя вполне восторженно-очумело (что и требовалось в этот день), но обиделись, что их не отвели к черепахе (старший брат потом рассказывал, что у черепахи особенно интересно, там есть прозрачные банки, а в них — большие красивые денежки).

Большим и разумным книксены тоже давались не всем и не сразу. Быстро втянулись учительницы — будто все окончили по 2 института благородных девиц и всю жизнь приседали перед монархами. Старшие девочки тоже вполне себе весело выражали верноподданническое почтение. Малыши привыкали дольше всех. Их можно понять — два месяца учебного года ушло на расставание с детскими шалостями и привычку к порядку, и вдруг все встало с ног на голову!

Работа королевы была проста — ходи себе и ходи, а все приседают и пучат глаза! Иногда можно погневаться немножко и пообещать пришить новую голову. А можно даже снизойти до бесед и шуток с подданными. Нормально, как некоторые говорят, только ноги к вечеру чуть не отвалились. Было видно, что королевство живет бурной жизнью, ничто и никто не стоит на месте, задания заставляют попотеть, но, в конце концов, выполняются, и в королевскую казну постепенно возвращается потерянное и убитое было время.

Очень напугался один папа, когда ему велели обнажить голову при виде королевы. Радовался бы, что не шпагу! Надеюсь, он оценил (потом, когда пришел немного в себя) монаршью милость. Так же, как и мама, которой всего лишь напомнили о реверансе (ведь все же не ниц надо было падать, а только немного присесть!)

…Прошла неделя после игры, и я вдруг поняла — ко мне откуда-то вернулось счастье встречаться каждый день с моими детьми, входить по утрам в школу, спешить на свои уроки, а потом делиться с домашними услышанными за урок от детей умными мыслями.

И показалось, будто звуки стали чётче, мы стали лучше слышать и понимать друг друга— не злиться на замечания, принимать советы и без чванства выполнять просьбы. В такой обстановке гораздо легче стало расти

новому хребту, костяку в нашем школьном организме. Сам школьный организм показался нам в те дни поздоровевшим, как будто действительно окреп на посвежевшем школьном воздухе. Люди маленькие, встречаясь с большими, а большие — с маленькими, улыбались заговорщически, будто знали теперь друг про друга какой-то секрет, который — не бойтесь! — никому не выдадут.

А на следующий год, втайне от большинства педагогов, мы с десятым классом придумывали новую бродилку с непредсказуемым сюжетом, требующую мозгового штурма и быстрой ориентации во время самой игры. И было ясно, что такую игру как «Золотой ключик», фактически смоделировавшую рейдерский захват школы Кардебасом-Бардебасом и его командой, такую игру мог сочинить и организовать только этот десятый класс, который составлял теперь надежный хребет и хорошие творческие дрожжи всей школы...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется...»

амое радостное ДЛЯ нас, когда выпускники старшеклассники начинают делать наше дело самостоятельно — в общеобразовательных и воскресных школах, в семьях и на приходах. Они ставят спектакли. плетут с детьми корзины, поют на клиросе, регентуют. Навыки домоводства и рукоделия помогают многодетным нашим выпускницам вести семью, а Хоробровские трудовые и

общежительные привычки делают для мальчиков преодолимыми трудности армейской службы. Многие из них действительно скучают по школе и, приходя, говорят самое дорогое — «Школа? Это же наш дом». Они уходят во взрослую серьёзную и часто жесткую жизнь, но с ними остается опыт преодолений и терпения, удовольствия от хорошо сделанного дела, своими руками изготовленной вещи, радости коллективного труда и творчества, дарующего нам «роскошь человеческого общения».

Какая радость знать, что наш бывший ученик дьякон Дмитрий Литвинов, по благословению владыки Ювеналия, возглавляет большую воскресную школу, и что одним из главных направлений он считает занятие ремеслами и организацию летнего лагеря; сам ведет кружок лозоплетения

и ездит за лозой на остров к Иоанно-Богословскому монастырю, на нашу первую «плантацию».

Радостно, когда наши ребята дружат, поддерживают друг друга, создают семьи, крестят друг у друга детей, приводят своих первоклашек в школу. Их уже очень много, наших школьных «внуков», и я часто ошибаюсь, называю дочку Кати Проплетиной не Машей, а Катей. Есть четверо Волковых — дети той самой Ани Ландман, которая крестилась 21 сентября 92 года в Ильинском храме Сергиева-Посада. Смотрит на мир большими серьёзными глазами подросшая дочка Аси Гумилевской, Анастасии Сергеевны, ученицы первого года, Лизиной штатной няньки в Хибинском походе, а ныне режиссера и преподавателя школы «Образ». Их родители —это самые первые наши дети, «экспериментальные». Те, кто с нами создавал школу.

А я, став сама уже бабушкой, с восхищением и изумлением думаю о родителях этих первых ребят, тех, кто в полоумном и прекрасном 92-м году доверил нам детей, приведя их ладно в первый — в 7, 8 и 9 (!) выпускной класс. Серьезный папа Паши Минашкина, главного «механика» первых лет — Александр Васильевич и Александра Васильевна — мама Кирилла Васина, нашего школьного фотографа. Ветеринар Марина Цыбульская лечила кота Кузю и всех спасаемых животных... Про каждого из тех родителей можно рассказывать целые истории. Это не были беспечные равнодушные люди. Наоборот! Большинство из них имело высшее образование, они задавали умные вопросы, сетовали, что их дети не читают классику. Перед ними стояла горстка очень молодых, неопытных людей, которые предлагали новые, официально никем не утвержденные программы, методики. Без родительского умного доверия и поддержки, помощи и советов не было бы ничего! Мы ходили к ним в гости, и они шли не «в кабинет», а на чашку чая. Почему они нам поверили?! Я не знаю. Может потому, что, будучи людьми разными по вере, национальности, возрасту, мы все задыхались от вранья и рутины, мы думали и искали, глядя друг другу в глаза, мы чувствовали внутреннее родство — и это было точнее и надежнее сертификатов соответствия. Может, именно поэтому они поверили и за нами пошли. И, насколько я знаю, никто из них на нас не посетовал.

В начале этого лета Алексей Юрьевич приехал со строительного рынка в приподнятом настроении.

- Знаешь, кого я встретил?
- Hy?

- Петра Кибирова.5
- Велика радость! Я тоже его как-то видела. Года два назад.

Скажу прямо, что Петр был у нас учеником необычным и весьма запомнившимся. Из школы мы его в свое время даже не выгнали – но очень попросили родителей забрать.

...В этой школе нас учили не только наукам, но и жизненным понятиям, без знания которых в жизни крайне трудно. И как бы хороши эти годы ни были, нам пришло время уходить и на протяжении многих лет сдавать самый важный экзамен, не математику и русский, а тот, в котором выяснится, сколько мы вынесли с собой.

Пожалуй, я только в классе девятом поняла цену своей школы, когда ходила на курсы в колледж, только тогда я почувствовала всю теплоту и уютность школы.

Как мне кажется, университет после школы — это как выбежать на улицу из-под теплого одеяла.

Не подумайте, что я считаю, что жизнь моя станет скучной, холодной и ужасной после школы. Нет! Жизнь только начинается, просто будет уже труднее — это точно...

Демидова Лена, 11 класс (2010 год)

А началось все с того, что году в 98-м ко мне в кабинет вошла невысокая красивая женщина, по внешнему облику — армянка, спросила об условиях и возможности приёма в школу двух её детей. Я объяснила. И спросила, как положено:

- Вы знаете, что школа у нас православная?
- Конечно! Именно поэтому мы к вам и пришли. Папа у нас строгий, хочет дать детям хорошее воспитание, хочет, чтобы они не хулиганами какими-нибудь росли.
 - Так вы православные или относитесь к армянской церкви?

(Замечу, что в нашей школе учились и учатся некоторые дети из интеллигентных армянских семей, иногда они крещены в православии, иногда принадлежат к армянской церкви, но если семьи хорошие, духовники в разное время не видели препятствий к их обучению у нас.)

— Мы не православные. Мы относимся к редкой национальности татов – горных евреев.

Я замерла в изумлении — и потому, что по своему невежеству тогда не знала о немногочисленной народности кавказских персов — татов и их части — горских евреях, иудеев, и потому, что иудеев к нам, ясное дело,никогда не приводили. Правда, в это же время у нас учился парнишка из мусульманской семьи, о нем отдельно.

— Зачем вам православная школа? Есть иудейские школы, логично отдать ребенка туда.

Но мама настаивала, на другой день пришел отец и очень просил попробовать.

Так в нашей православной школе появились таты. Девочка училась старательно, была ласкова и послушна. А вот Петя... Стало понятно, почему папе «не до жиру» — конфессиональных различий — лишь бы усадить за парту непоседливого отрока. Но вот один талант проявился у мальчика сразу — он увлекся плетением из лозы и в этом нашем «коронном» школьном ремесле быстро обставил всех сверстников. Он плел со всеми на уроке, приходил и после уроков и, благо жил рядом со школой, засиживался, сколько позволял А.Ю. Так более-менее благополучно он закончил четвертый класс, перешел в пятый, потом в шестой. Но в шестом начались его «подвиги», граничащие уже с наглостью и полные неуважения к окружающим. Видимо, вылезало внутреннее противоречие — в школе всё нравственное воспитание строилось на духовных христианских ценностях, дома у наших Кибировых воспитание шло в ином русле. В таких ситуациях мы говорим, что ребенка начало «раздирать» изнутри, а наружу это вылезало в хамстве и непослушании. Пришлось расстаться. Эксперимент с иной конфессии воспитанием ребенка МЫ на этом посчитали завершенным. И приняли решение, которого и придерживаемся до сих пор — на вступительном собеседовании договариваться с родителями, что будем вместе с ними стремиться к воспитанию ребенка в христианской вере, и если семья еще не воцерковлена, но имеет такое желание, познавать христианскую веру вместе. А в ином случае ребятишкам надлежит учиться в светской школе.

Но вернемся к Пете. Из школы он ушел в обычную муниципальную по месту жительства, где образумился, учился нормально. Но! Что особенно интересно — он стал самостоятельно заниматься плетением из лозы и даже занял первое место в серьезном Московском конкурсе. Потом мы встречались, он повзрослел, занялся бизнесом, но на досуге плетения тоже не бросал. Но во всем остальном казался мне человеком очень от нас

далеким по своим взглядам и отношению к жизни.

- Так чему ты так обрадовался? Он сплел космический корабль?
- Бери выше! Петя рассказал мне, что женился на русской девушке, крестился, ходит в храм и... он какой-то совсем другой.

Неисповедимы пути Господни.

Другая встреча произошла буквально в том же месяце. Я ждала электричку на Электрозаводской. Напротив меня остановился высокий худенький юноша, широко и радостно заулыбался, ожидая приветствия.

- Здравствуйте.
- Здравствуйте, Татьяна Юрьевна! Узнаете меня?
- Пока нет, извините.
- Я Толя.
- ?
- Я учился в классе с Лешей Шапчицем.
- Толя Прошляков?!

Я вглядываюсь, и, честно, узнаю с трудом. Бывает так, что некоторые подростки меняются после отрочества очень сильно, а Толя ушел от нас в колледж после 8-го класса, и был тогда на две головы ниже и сильно круглее себя нынешнего. Но того шести-семиклассника помню отлично как он на уроках не мог иногда ответить на элементарные вопросы, или отвечал невпопад. чем часто веселил, НО порой раздражал одноклассников. Как трудно было понять, паясничает он или действительно ничего не понимает. Парень, правда, всегда был добряк, но когда папа перевел его в колледж, мы вздохнули с облегчением. Папа у него прекрасный, умный, рассудительный, из-за папы так долго и терпели. Семья была совсем нерелигиозная, и азы православия парень постигал в школе.

— Тебя трудно узнать.

Мальчишка продолжает улыбаться радостно и, я бы сказала, очень родственно-любовно. Мы входим в подошедшую электричку, садимся друг против друга.

- Где ты сейчас. Как кончил колледж?
- Хорошо, сейчас заканчиваю институт.
- Платный?
- Бюджетный. И собираюсь на второе высшее.
- ?! Ты же в школе был двоечник...
- Точно.
- Почему же ты не учился?

— Не хотелось. Вот я дураком и прикидывался, — он смеется.

Что мы знаем о детях? Двоечники, отличники — это критерий? Это навсегда? Вот какой он в лодке во время крестного хода — это надолго и всерьез. Остальное — сами видите. История с Петей тому подтверждение.

Толик рассказывает о своей работе, о сложностях взаимоотношений с людьми.

— Я помню десять заповедей. Почему же люди не живут по заповедям. Почему дурных людей больше, чем хороших?!

Я вижу, что эти вопросы он задает себе давно и всерьёз. Я и сочувствую, и радуюсь.

— Знаешь, мой хороший, по русской пословице — кое-что всегда на поверхности плавает.

Он улыбается своей прекрасной улыбкой, и мы продолжаем беседу. Нам есть о чем поговорить с этим почти совсем уже взрослым человеком.

А ведь бывает совсем наоборот. В школе ребенок послушен, учится хорошо, с удовольствием на службе свечки ставит и хору подпевает, и семья у него верующая, а ребенок, повзрослев, спешит «на страну далече», и тут у родителей остается одно средство — молиться и ждать «возвращения блудного сына». Все сказано в Евангелии, и ничего больше нам не остается, как читать и исполнять.

Чтобы быть честной до конца, скажу, что есть две особенные «грустилки» из нашей истории, и позволю себе и на них остановиться.

Это было в 92-м году. Приняв детский сад, мы взяли вместе с ним кучу проблем, незнакомых нам совершенно задач. Старая канализация текла и засорялась, остальные трубы тоже периодически рвало, здание надо было охранять, а территория... Это было самое слабое место. Мы с друзьями сами в пионерском детстве любили играть в «казаки-разбойники» на территории этого детского сада, особенное удовольствие доставляло тикать от сторожа. Сторожа были немолоды, и убегали мы без проблем. Тем более, что наш забор просто создан для того, чтобы через него не перелезать даже — переходить, как по удобной лестнице... В первый год через этот забор лазили все, кому не лень. Как-то я увидела, как легко преодолевала его наш завхоз Тамара Ивановна, с авоськой зелени к школьному обеду. Да что греха таить, по молодости, налаживаясь поздним вечерком проверить порядок в учреждении, я тоже не раз «сокращала расстояние». Пока сама строго-настрого это упрощение жизни всем и не запретила. Непорядок, как-никак, несолидно и несерьёзно.

Ну и понятно, что в этой ситуации попытка убедить школьников из 47-

ой школы ходить на уроки по кругу, а не по прямой проторенной тропе — через забор и в калитку, воспринимался ими как посягательство на их права. Весьма оскорблялись и мамочки, которые привыкли гулять с колясками на зеленой территории садика. А чем хуже любители собак?!

С первого дня нашего вселения мы определили дежурство. Педагоги, жившие далеко, оставались ночевать в школе. Через год даже попыталась поселиться очень милая семья. Глава семейства был инвалидом, но человеком дюжим. Охраняли. Но такое решение проблемы влекло за собой чрезмерное «одомашнивание» школьных помещений — на кухне (пищеблок!!) сохло белье, по утрам к началу уроков по школе бродили сонные растрепанные личности. Да и много другого, в том числе неприятного, начинало происходить в школе, когда люди стали воспринимать ее как свое жилье. Дома-то люди расслабляются...

Так что года через два наняли охрану. По бедности пригласили охранное предприятие из Твери, охранники жили по неделе вдвоем, это тоже обрастало бытом... Потом были старушки и старички из вневедомственной охраны. Они были разные. Один старичок стырил все краны в подвале, а одна прекрасная старушка поймала преступника. Преступник оказался несчастным парнишкой из знакомой неблагополучной семьи. Его бабушка так страдала, оставаясь без кормильца, так умоляла отозвать иск! Иск отзывать было уже поздно, и нам пришлось за свой счет нанимать ему адвоката! Но отставим очередные казусы и парадоксы нашей жизни. Уточню только, что где-то на пятый год приняли окончательное решение, что в школе никто никогда жить не должен, как бы ни складывались обстоятельства.

И вернусь к 92-ому году. Тому, когда в школе все время кто-то жил (в основном Олег Гриценко и Юра Юдаев), чем и обеспечивалась охрана. Периодически ночью кто-то носился по территории, стучал в двери. Часто бились окна, раздавались крики и удалое улюлюканье.

И вот однажды, точнее 19 октября, в Пушкинский день, мы поехали в 734-ую школу к друзьям на Лицейский праздник. Всем было интересно. С детьми уехали и педагоги. Все. Чтобы там пообщаться и по-походному заночевать.

Мы вернулись утром в отличном настроении. Вошли на территорию. Все карусели были перевернуты, детские лесенки повалены, железные перила заборчика завязаны на узелок. Погуляли местные ребятки на славу, хорошо только то, что в здание не полезли...

Тогда был собран экстренный совет, и принято решение искать контакты с местными ребятами. Пригласили в гости известных уже

бузотеров и зачинщиков. Пообщались. Познакомились. Разрешили приходить в школу играть в теннис, собираться и общаться на заднем дворе.

И вот как-то раз после начала мирного урегулирования я вечером шла по заднему двору мимо каруселей. На них сидело человек 12 «местных», один из них что-то эмоционально рассказывал, остальные слушали. Я тоже прислушалась с любопытством.

— Христа распяли, а в третий день он воскрес. А теперь последние времена, когда на землю придёт антихрист... И все в него поверят...

Парень громко и толково пересказывал сведения из Откровения Иоанна Богослова. Чувствовалась и начитанность, и личное сочувствие рассказчика евангельской правде.

Я была посрамлена. В наших взаимоотношениях с так называемой «шпаной» мы делали все что угодно: уговаривали их, пугали, предлагали «взаимные выгоды», — но нам не хватало ума и смелости заговорить с подростками о самом главном...

А в ораторе я с удивлением узнала фигуру в этом обществе заметную, симпатичного грузина, из семьи, уже не в первом поколении жившей в Малаховке. Назовем его Давидом.

Итак, тогда Давид здорово меня посрамил.

Но прекрасное начало имело сложное продолжение. Через несколько дней ко мне пришла мама юного проповедника, изложила историю сыновьих подвигов, не скрыла, что последние два года он школу посещал редко, а учился и того меньше. Просила помочь. Я вспомнила карусели и не смогла отказать.

Учился Давид у нас 2 года. Мы подружились, он более-менее преодолел все свои отставания в учебе. Благо, обладал быстрым и цепким умом. Накануне экзаменов за 9 класс он вернулся в 47-ую школу, считая, что там ему будет проще их сдавать. И сдал.

Учась у нас, с боевым своим прошлым он продолжал поддерживать отношения, точнее, друзья-приятели не могли с ним расстаться. Они очень любили приходить к школе и вызвать его по всяким важным вопросам. Так что Алексею Юрьевичу это в конце концов надоело и он повесил у любимого черного хода почтовый ящик с надписью: «ПИСЬМА ДЛЯ ДАВИДА». В школе тогда не было даже обязательного утреннего правила, но вера мальчика казалась искренней, в храм с нами он ходил охотно, беседы с батюшкой его живо интересовали, и во всех разговорах он стоял на твердой и осмысленной позиции православия.

Каково же мне было узнать, что, став взрослым человеком и заняв определенную должность, он принял иудаизм.

А закачивая тему взаимоотношений с местной шпаной, добавлю, что устанавливались они на протяжении первых трех-пяти лет непросто, по принципу шаг вперед — два назад. У нас тоже попадались ребята «с прошлым», а то и просто жаждущие своих подростковых подвигов, которые после установившихся было миролюбивых отношений вновь провоцировали войну. Надежную точку поставила организация катка, куда по вечерам и выходным мы разрешаем приходить всем желающим, если они готовы соблюдать правила. Пяток товарищеских хоккейных матчей с неизменным участием Алексея Юрьевича, да еще и появление у него станка для заточки коньков... Можно сказать, что мир был закреплен пактом. Надеюсь, навсегда.

Вторая «грустилка» тоже касается очень симпатичного и умного парнишки, которого все в школе любили. Родители его воцерковились и привели в храм своих детей, когда старшему, герою нашего рассказа, было лет 13, долго скрывали веру от бабушки-мусульманки. Прекрасная, искренняя, дружная семья, где родители много внимания уделяли детям. Мальчики неплохо учились. Участвовали во всех школьных делах, ездили с нами в паломничества и охотно трудились на послушаниях в Николо-Сольбинском монастыре. Младший сын потом поступил в семинарию.

А старший принял мусульманство.

Когда нашего героя спросили, почему он изменил православию, он ответил, что мусульмане дружнее и больше помогают друг другу. Значит, мы не смогли явить ему образ христианской любви и братства. Значит, и мы виноваты в этом уходе человека от Христа. Подчеркну — серьезного и умного человека.

Так что не все идеально на этой земле. И мы не изобрели никакой универсальной модели обращения к вере и воспитания человека. Потому что такая модель невозможна. Сам Христос учил Иуду. А он — сами знаете, что. Сам апостол Павел оступался. Сам Христос сказал нам притчу о сеятеле. Он и был сеятелем — и не все семена прорастали.

Но Он, Господь, изменил жизнь человечества. Он начал собой новую эру. Он дал нам универсальный учебник — святое Евангелие. Он дал нам абсолютно точную инструкцию, как надо жить — пример своей собственной жизни, повторенной в самых разных отражениях в жизни святых.

И мы обязаны стремиться изменить себя и людей рядом с собой, создавать мир, в котором не стыдно быть хорошим.

Татьяна Юрьевна Смирнова на уроке литературы в 10 классе – 1993 год

Несколько слов об этой книге и о её авторе

Главная идея книги Т.Ю. Смирновой – показать опыт создания и духовного взросления православной школы. Будучи директором уже на протяжении 20 лет, Татьяна Юрьевна представляет пути восхождения первых шагов организации школы omправославной к современному ее состоянию. Это и дружного учительского создание uученического коллектива, и обретение основных смыслов и целей создания такой школы, нахождение тех внутренних «скрепов», которые помогли создать православный уклад: общая молитва, общая трапеза, коллективные дела и другое.

Опыт каждой православной школы – уникален, поскольку в истории России, да и в истории любого другого христианского государства не было фактов создания и функционирования таких школ. Самое трудное, что сохраняющаяся постсоветская среда не понимала и не принимала таких школ. Однако 90-е годы – это были годы пробуждения религиозного чувства, веры у многих людей. Стали открываться закрытые храмы, восстанавливаться разрушенные, люди искали любой возможности послужить Богу. Православные школы вдруг стали расти как грибы. Но в это суровое время надо было не просто создаться, а устоять, выдержать испытания: не хватало денежных средств, опытных педагогов, незначительной была поддержка родителей. В книге Татьяны Юрьевны не только показаны эти проблемы, но самое главное, пути решения этих проблем.

Книга отвечает на множество вопросов, которые ставит перед собой руководитель православного образовательного учреждения, православный педагог, духовник общеобразовательной школы, организатор по учебно-воспитательной работе. Автор не просто их ставит, но создает живые картинки — ответы, описывает педагогические ситуации, удачные и

неудачные, и дает им оценку. По сути, предстает образ автора опытного педагога. способного создать коллектив школы, живущий одними целями, устремлениями, духовно родных людей. Не забывается никто: ни родители, ни дети, ни один сотрудник школы: все вовлечены в общее педагогическое пространство: и школа, и поселок, и все, с кем когдалибо соприкоснулись и подружились члены общего коллектива. И даже после школы выпускники возвращаются в свой детский мир: школа оставляет в душе неизгладимый след, дает заряд духовных сил, веры на всю последующую жизнь. Именно выпускники дали такое определение школе: «мир, в котором не стыдно быть хорошим». Феномен православной школы такого содержания уклада и жизни заключается в том, что выпускники – это дети, которые не боятся мира, «лежащего во зле», они не входят в него как новички, неуверенные в себе. Они выходят в мир, способными созидать его, нести в него правду и справедливость, видеть в нем отблески Божественной благодати, освящать своими делами и творчеством.

Книга написана живым, образным языком, учит не навязчиво, заставляет думать, искать ответы учит видеть нестандартные решения вопросы, педагогических ситуациях, сложных уповать милость Божию, верить, надеяться и любить. Книга пронизана глубокой верой 6 помощь Божию возрастании и воспитании детских душ на основе любви.

Шестакова Светлана Михайловна,

Специалист по среднему образованию отдела религиозного образования и катехизации Русской православной церкви,

Кандидат философских наук

В оформлении книги использованы рисунки учащихся школы «Образ»

Татьяна Юрьевна Смирнова МИР, В КОТОРОМ НЕ СТЫДНО БЫТЬ ХОРОШИМ

Редактор Елена Коновалова Макет Ирина Иванова Верстка Валерий Коржов